

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящем выпуске нашей работы мы поставили своей целью дать очерк развития идеи о влиянии социальной среды на преступность и исследовать значение тех социальных факторов, изучению которых посвящен положенный нами в основание нашей работы труд итальянского криминалиста социалиста Колаянни (Colajanni: *La Sociologia criminale*, Catania 1889).

Из двух томов «уголовной социологии» Колаянни—первый содержит общую критику учения уголовно-антропологической школы, а второй, имеющий для нас наибольшее значение, рассматривает влияние различных факторов. В нашем изложении мы следовали схеме, принятой Колаянни, и поэтому ограничились рассмотрением лишь тех причин преступности, которые он исследовал.

ГЛАВА I. Метод и содержание науки уголовного права.

Последние тридцать лет в истории науки уголовного права— период едва ли не самый интересный за все время существования уголовного права. За такой сравнительно короткий промежуток времени, как три десятилетия, протекавшие с половины семидесятых годов XIX века, возникают в области науки уголовного права одно за другим новые направления, антропологическое и социологическое, резко отличающиеся от старого, так называемого классического. Эти годы, протекавшие после появления знаменитого труда профессора Ломброзо о преступном человеке, становятся для криминалистов годами безостановочной и живой борьбы направлений: быть криминалистом и не быть борцом в этой борьбе, где решались вопросы о методах, содержании и самом существовании того или другого течения было невозможно. И по мере того, как все больше и больше разгоралась борьба и на месте прежнего сравнительного согласия и мира вырастала рознь между криминалистами, как представителями различных направлений, росло их стремление к общению друг с другом: они уже не могли довольствоваться разрушением оспариваемых теорий лишь из-за стен своих кабинетов: для них, главным образом, вследствие обращения их к новому позитивному методу изучения, стала настоятельной нужда в обмене живым словом, в конгрессах и ученых криминалистических обществах. Так, организуются конгрессы уголовно-антропологические, местные и общие съезды Международного Союза криминалистов; вопросы науки уголовного права, расширенной в своем объеме, становятся предметом обсуждения также на конгрессах представителей других знаний, сближенных отныне с чуждавшейся их ранее наукою уголовного права^[1].

Новые течения криминалистической мысли пробуждают интерес к себе в самом обществе среди лиц, стоящих за пределами специальности криминалиста: так Международный Союз Криминалистов к концу уже первого года своего существования привлекает к себе свыше 300 членов из более чем двадцати государств, а в настоящее время насчитывает свыше 1200 членов из профессоров, адвокатов, юристов, социологов, медиков, тюремных чиновников и др. Одновременно с этим появляется много новых журналов, посвященных специально вопросам уголовного права. Так, возникают в Италии: «Archivio di psichiatria, antropologia criminale e scienze penali» с 1880 г., «Scuola Positiva» с 1891 г.; «l'Anomalo» с 1889 г.; «Rivista penale e sociologia criminale» с 1900 г.; в Швейцарии с 1888 г.— «Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», во Франции с 1886 г.—«Archives d'anthropologie criminelle et des sciences penales»; в Германии с 1881 г.—«Zeitschrift für d. gesam. Strafrechtswissenschaft»; с 1889 г. — «Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik»; в России—«Вестник Психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» с 1904 г.

Но последние тридцать лет интересны не только оживлением в сфере научной теоретической мысли криминалиста, но и творческою работою в области уголовных законодательств большинства государств. Давно состарившиеся уголовные уложения, остававшиеся без коренных изменений в продолжение многих десятков лет, пересматриваются за этот промежуток времени почти повсеместно; всюду закипает, при деятельном участии криминалистов, работа по созданию новых кодексов; одно за другим издаются уголовные уложения Венгерское, Нидерландское, Бразильское, Итальянское, Финляндское, Болгарское, Гватемальское, Русское, Норвежское и др. Если в некоторых государствах, как, например, во Франции или Бельгии, продолжают оставаться в силе

уголовные законодательства более раннего времени, то и они обновляются введением в них многих новых институтов (условное освобождение и осуждение во Франции и Бельгии, защита на предварительном следствии во Франции, закон о реабилитации в Бельгии и мн. др.)^[2].

Такие почти повсеместные реформы, вызванные общим убеждением в непригодности старых, отживших свое время кодексов, должны были также влиять на оживление работы криминалистов-теоретиков: их критическая мысль должна была стать не только разрушающей, но и созидающей силой и, под шум ломки старых законодательств с их тяжеловесными уложениями, должна была производиться выработка для новых кодексов новых оснований, отвечающих новым требованиям времени. Работа вообще не легкая, была тем более трудна, что между старыми уложениями и новыми требованиями часто была широкая и глубокая пропасть. Но с жаром и энергией, свойственными молодости, обрушиваются новые направления на вековые устои нераздельно и долго господствовавшей старой школы; они решаются оспаривать положения, казавшиеся еще недавно всем бесспорными, отрицать принципы, ставшие священными и противопоставлять идеалам, внушавшим многим уважение к себе уже в силу одной преклонной старости, свои новые требования, часто прямо противоположного характера. Бывший профессор С.-Петербургского университета, В. Д. Спасович, оставивший в шестидесятых годах свою кафедру, признавался, что «тогда он не поверил бы, что раздадутся на Западе и найдут последователей и у нас суждения, совсем противоположные тому, что было принято считать непререкаемыми аксиомами и прямыми выражениями человечности и христианского духа»^[3].

Откровенное признание В. Д. Спасовича должны бы разделить и другие криминалисты конца шестидесятых и начала семидесятых годов. Но что произошло в области науки уголовного права, было не эволюцией, последовательные этапы которой всегда возможно предвидеть, а неожиданно разразившейся революцией и надо было быть пророком, чтобы предугадать новые требования, заявленные сторонниками новых учений. Сила, которая произвела всю эту «великую революцию» в уголовном праве, известна под скромным именем «позитивного метода», «метода опыта и наблюдения».

Характерною чертою старого или классического направления был его юридический или логический метод, т. е. изучение преступления и наказания только как «понятий», причем эти понятия исследуются и устанавливаются «под государственно-правовым углом зрения»^[4].

В науке уголовного права этот метод долго был смешиваем с метафизическим. Характерною чертою последнего была его вера в непоколебимую правильность некоторых положений, служивших для него основными, т. е. тем фундаментом, на котором воздвигались при его помощи криминалистами различные системы уголовного права. В первые времена науки уголовного права такими истинами были положения римского права, когда в трудах по уголовному праву доказательность правильности того или другого положения ставилась в зависимость от большего или меньшего количества цитат. Позднее, в средние века, в основание криминалистических учений были положены религиозные требования, принципы господствовавшего вероучения и, наконец, с конца XVII века они уступили свое место гуманным началам естественного права в трудах Христиана Томазия, Беккариа, Пуффендорфа, Вольфа и др. Провозгласив, что преступник такой же человек, как и не преступный, школа Беккариа потребовала во имя равенства всех перед законом — равенства наказания, во имя гуманности — отмены смертной казни и смягчения всех наказаний, во имя справедливости — суда гласного и независимого, и слова эти «равенство, справедливость и гуманность», провозглашенные впервые в век господства бесчеловечной жестокости, стали с тех пор для гуманитарной классической школы уголовного права ее девизом в борьбе с преступностью.

Обращаясь к характеристике логического метода в науке уголовного права мы должны отметить почти полное игнорирование криминалистами классиками этого важного вопроса: громадное большинство их обходит его молчанием или ограничивается самыми короткими замечаниями. Лишь в самое последнее время замечается пробуждение внимания к нему, особенно в науке государственного права и социологии, но появились также работы, посвященные ему, и в криминалистической литературе^[5]. Наиболее яркую характеристику логического (иначе называемого дедуктивного, юридического или догматического) метода мы находим у Laband'a и у его критика Deslandres^[6]. Дедуктивный метод в праве характеризуется полным отвлечением от всех сторон жизни, кроме юридической: объектом изучения должно быть право и только право, взятое в его изолированности, вне его соприкосновения с экономическими, общественными и всякими другими отношениями живой действительности. 1) Анализ существующих юридических отношений, 2) точное установление юридической природы этих отношений, 3) отыскание более общих правовых понятий, которым подчинены эти отношения и 4) развитие вытекающих из найденных принципов последствий — вот что составляет по учению Лабанда и вместе с ним и других сторонников дедукции содержание дедуктивного метода. Главным недостатком такого способа изучения права является

постановка его в состояние полнейшей изолированности от других явлений жизни: такое состояние является фикцией и приводит к логически может быть и правильным, но несогласным с действительностью и потому совершенно ошибочным выводам.

Такое учение приводит с одной стороны к признанию господства формы над содержанием, а с другой, как указывает проф. П.И.Новгородцев дает нам построения, относящиеся не к миру действительности, но к области желательного с точки зрения власти, к области требований государства^[7]. В частности, следовательно, юридический метод в науке уголовного права, состоит в оперировании, по указанным выше правилам, над совокупностью юридических норм уголовного права, или, как говорит Набоков, для науки уголовного права преступление и наказание—лишь понятия, а не явления общественной жизни, какими они являются для уголовной социологии^[8]. Но дело в том, что эти понятия уголовного права не остаются лишь на страницах учебников и монографий по уголовному праву, но применяются к явлениям общественной жизни и при таком положении вопроса они никоим образом не должны и не могут оставаться лишь тем или другим дедуктивным выводом или мертвыми текстами и формулами и превращаются в явления живой действительности, в факты общественной жизни.

Этим объясняется, что сторонники строго юридического метода не могли, как мы увидим ниже, оставаться в своих работах на почве одной дедукции и, не смотря на свои заверения, что метод наблюдения не приложим к уголовному праву, сами часто пользовались им.

Опытный или индуктивный метод, противоположаемый дедуктивному, явился прямым следствием развития наук о природе и наблюдения ее законов. Основателем индуктивного метода считается одними Франциск Бэкон, лорд Верульский, а другими монах Рожер Бэкон (1214 — 1292 гг.), но несомненно, что многие еще ранее Франциска Бэкона высказались в защиту метода опыта и наблюдения, как единственного пути к истине (Леонардо да-Винчи 1452—1519 гг., Коперник 1473—1543 гг. и др.).

Сущность индуктивного метода состоит, как ее определял Ф. Бэкон, в собирании фактов, где есть налицо исследуемое явление и где его нет вопреки ожидания; эти факты должны быть располагаемы систематически и вытекающие из их наблюдения-предположения о причине явления должны быть проверены на опыте. Таким образом, вместо познания сокровенной сущности вещей Бэкон считал необходимым довольствоваться определением законов причинности явлений. Учение Ф. Бэкона об индукции подробно и блестяще разработал его знаменитый соотечественник Д. С. Милль.

В основу опытного метода Д. С. Милль положил во-первых, отыскание (наблюдения) в природе и во-вторых искусственное создание (опыт) исследуемого случая. Тот и другой путь представляется Миллю одинаково ценным, как одинакова «ценность денег, все равно получены ли они по наследству или же приобретены лично». Различие между ними лишь практического свойства: опыт дает возможность производить такие сочетания различных обстоятельств, которые было бы трудно или нельзя найти в природе в той их обособленности и чистоте, в какой мы получаем их при опыте.

Методы опытного исследования Д. С. Милль сводит, как известно, к методу сходства, методу разницы, методу остатков и методу сопутствующих изменений. Но создав учение об экспериментальном методе, Милль объявил его неприменимым к общественным наукам, которые должны, по его мнению, пользоваться дедукцией. Такое утверждение Милля в настоящее время является по общему признанию неправильным: целая плеяда ученых, а в числе их Лаплас и современники Д. С. Милля, основатели моральной статистики, Кетле и Герри, потребовали применения и к общественным наукам метода опыта и наблюдения. Правда, что опыт искусственный весьма ограничен в области социологии и многих других общественных наук, но метод наблюдения, вопреки утверждения Милля, вполне приложим и к этим наукам. Так, например, Милль полагает, что метод разницы не может применяться в общественной науке уже потому, что невозможно найти два народа одинаковые во всех обстоятельствах кроме одного, исследуемого нами. Но переводчик Милля г. Ивановский и Минто правильно указывают, что для приложения метода различия «достаточно просто двух фазисов одного и того же случая»: например для экспериментального исследования нового закона и его значения надо лишь обратиться к исследованию общества за время до введения и после введения нового закона^[9]. Точно также Милль находит, что метод сопутствующих изменений не доказателен в общественных науках на том основании, что каждый социальный факт находится под влиянием бесчисленного множества причин и мы не можем поэтому относить изменения факта к действию какой-нибудь одной причины. Но Дюркгейм опровергает эти замечания Милля: параллельность изменений двух явлений, если только она констатирована в достаточном числе разнообразных случаев, доказывает причинность этих двух явлений. «Правда, говорит Дюркгейм, законы, добытые этим методом, не всегда представляются сразу в форме отношений причинности. Сопутствие изменений может зависеть не от того, что одно явление есть причина другого, а того, что оба они следствие

одной и той же причины, или от того, что между ними существует третье промежуточное, но не замеченное явление, которое есть следствие первого и причина второго. Результаты, к которым приводит этот метод должны быть, следовательно, подвергнуты толкованию... Метод пригодный для этого следующий: сперва надо искать дедуктивным путем: каким образом один из двух членов отношения мог произвести другой; затем, надо постараться проверить результат этой дедукции при помощи опытов, то есть новых сравнений. Если дедукция возможна и проверка удалась, то доказательство можно считать окончанным»^[10].

Д. С. Милль выходил таким образом из предположения, что науки различаются между собою своими методами, что в то время как одни должны пользоваться индукцией, другие не должны сходить с почвы дедуктивного мышления. Эти положения английского философа перешли и в нашу науку и до половины семидесятых годов XIX века криминалисты продолжали считать их бесспорными истинами и оставались сторонниками самой строгой дедукции. Лишь тридцать лет тому назад начинается в науке уголовного права новое течение и позитивный метод получает применение в трудах уголовно-антропологической школы в Италии, назвавшей себя в отличие от классической школы по своему опытному методу «позитивной школой уголовного права». Этот новый позитивный метод состоял в наблюдении за соматическими и физическими особенностями преступника, как причинами преступности: измерение, взвешивание, наблюдение были провозглашены сторонниками новой школы отныне единственными способами узнать верный путь борьбы с преступностью. Преступление было объявлено таким же естественным явлением, как рождение и смерть и при том свойственным не только человеку, но и другим представителям животного и даже растительного царства. При таком взгляде на преступление и на преступника вопрос о требованиях справедливости. так волновавший сторонников классического направления в их борьбе с преступностью путем наказания, должен был отпасть сам собою. Но с таким положением не могли примириться сторонники старой школы и вопрос о методах науки уголовного права должен был стать основным пунктом разногласия последователей Ломброзо и его противников. «Логика и т. н. здравый смысл», писал Ломброзо в разгар спора с классиками, самый страшный враг великих истин... при помощи силлогизма и логики вам докажут, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы ошибаются»^[11]. На это категорическое утверждение противники Ломброзо отвечали не менее категорическим утверждением, что «наибольший вред» принесенный науке новою школою состоит именно в ошибочности ее метода, что между наукою уголовного права и естественными науками существует глубокое различие что новаторы преувеличили роль позитивного метода и сошли т. о. с верного пути^[12].

Сторонники дедуктивного метода, противники уголовно-антропологической школы, указывали в своих возражениях главным образом на то, что истинный опыт, употребительный в области естественных наук, почти невозможен в области нравственных наук. Но при этом упускалось из виду, что это возражение направляется не против позитивизма в науке уголовного права, а лишь против одного из видов позитивного метода, так как в понятие последнего входит не только производство искусственных опытов, но и вообще наблюдение, т.е. собирание по известной системе фактов действительности. Такое наблюдение, практиковавшееся уже первыми сторонниками уголовно-антропологической школы, стало преимущественно употребительным методом у позднейших сторонников той же школы и, особенно, у последователей социологического направления в нашей науке. Пользование этим методом облегчается с каждым годом, по мере быстро идущего вперед развития статистики и накопления богатого и разнообразного цифрового материала. Но несомненно, что противники позитивного метода неправильно уменьшают роль и значение опыта в науке уголовного права: к опыту в сфере уголовного права прибегали и им пользуются и криминалисты теоретики, и различные законодательства. Так, в виде примера можно указать на Эльмирскую реформаторию, которая была опытом новой борьбы с преступностью; в самой реформатории были произведены доктором Вей давшие блестящие результаты опыты над арестантами и с тех пор предложенный этим доктором способ исправления преступников вошел в употребление не только в Эльмирской, но и в других реформаториях^[13]. Точно также Прусское законодательство в виде опыта ввело условное осуждение в форме условного помилования. Тард предлагал отменить в виде опыта смертную казнь в тех государствах, где она существует и т. д.

В настоящее время вопрос о методах науки уголовного права уже не имеет того острого значения, какое он имел при первых шагах уголовно-антропологической школы: преувеличения и крайности, неизбежные при появлении всякой новой доктрины и борьбе ее со старою, всегда с течением времени сглаживаются, уступая место новым теориям, часто именно того эклектического характера, против которого обыкновенно борются вначале с одинаковою силою сторонники старых и новых течений^[14]. Но редко эклектизм занимал свое место с большим правом, чем в данном случае.

В самом деле, было бы большою ошибкою настаивать, что тот или другой метод должен составлять исключительную принадлежность науки уголовного права и что только этим методом и должна пользоваться эта наука. Как бы не определялись задачи науки уголовного права, согласно ли учения классиков, антропологов или социологов, эти задачи несомненно возможно решить различными способами, идя к ним различными путями. Если даже стоять на определении науки уголовного права как чисто юридической науки, имеющей предметом своего изучения преступление и наказание как чисто юридические явления, то и в этом случае метод наблюдения имеет для нее громадное значение, например, при оценке различных наказаний, как средств борьбы с преступлением. Когда абсолютные теории в доктрине классического направления еще не теряли своей силы, тогда, действительно, можно было строить сложную карательную систему при помощи одной дедукции: взвешивать на весах отвлеченной справедливости вину преступника и отвешивать за нее соответствующее воздаяние для восстановления нарушенной правды и прежнего равновесия. Но при господстве теперь в доктрине классического направления утилитарных теорий или даже смешанных, невозможно обойтись без метода наблюдения при оценке вреда или пользы от той или другой системы борьбы с преступлениями; такая оценка наказаний путем наблюдения достигнутых результатов получила свое применение и в трудах классиков^[15].

Получив широкое применение в области изучения наказания метод наблюдения применялся классиками также и при изучении преступника и притом еще ранее появления уголовно-антропологической школы. Мы полагаем, что упреки, делаемые классической школе ее противниками в игнорировании ею всякого изучения личности преступника так же неправильны, как не верно утверждение самих классиков, что они изучают только преступление и наказание, а не личность преступника и не условия преступности. Так, например, несмотря на всю категоричность такого утверждения, трудно и найти среди многочисленных работ, написанных авторами классического направления о преступности малолетних такие труды, где не было бы уделено значительного или даже преимущественного внимания наблюдению над личностью малолетнего преступника, изображению язв той семейной обстановки и общественной среды, в которой он обыкновенно вырастает, то сирота, то заброшенный родителями, предоставленный надзору улицы. Изучение малолетнего преступника при помощи метода наблюдения привело классиков к признанию громадного значения в борьбе с преступностью малолетних мер предупредительно воспитательного характера, к необходимости продления возраста безусловной невменяемости и условной и к смягчению наказания для несовершеннолетних.

Т. о., если от теоретических споров криминалистов о методах мы обращаемся к рассмотрению их работ и выяснению методов, которыми они в этих работах пользовались, то часто встречаемся с интересным явлением: сторонники чистой дедукции не могут избежать метода наблюдения, а такие противники логического метода, как Ломброзо и его последователи, конечно, не могут обойтись без дедукции, потому что она «самый общий из всех методов, необходима как свет в жизненном обиходе вообще, а не только в юридических исследованиях»^[16]. Совместное пользование в науке уголовного права обоими методами представляются нам единственно правильным. Эта правильность подтверждается уже тем только что отмеченным нами фактом, что даже криминалисты отстаивающие лишь какой-нибудь один метод, пользуются против воли и другим. Но залог развития науки уголовного права лежит в признании необходимости сознательного пользования обоими методами. Как невозможно обойтись без операции логического мышления при изучении юридических понятий, так неправильно отрешаться от наблюдения жизни, в которой юридические «понятия» превращаются в факты действительности. И чем внимательнее и ближе мы будем присматриваться к фактам самой жизни, как она есть, чем систематичнее будем изучать их, тем ближе мы будем к истине^[17].

Одновременно с внесением в науку уголовного права нового позитивного метода возник вопрос о пересмотре ее содержания и ее соотношения с другими дисциплинами.

Нет и не могло быть сомнения, что преступление и наказание, давшие для классического направления свое содержание, как юридические явления, являются в то же время событиями в личной жизни индивида, совершившего преступление и в жизни общества, в котором он живет. Несомненно поэтому что кроме юридического изучения этих явлений возможно рассмотрение их с других точек зрения, например, с биологической или антропологической, и с социологической. В возможности такого научного исследования никто из криминалистов не сомневается, но вопрос о том допустимо ли такое всестороннее изучение преступления и наказания и, если допустимо, то в какой степени, является одним из самых спорных не только между представителями новых и старого направлений, но также и у сторонников одной и той же школы.

До появления уголовно-антропологической школы вопрос о границах и объеме этой науки не подвергался у классиков почти никому сомнению^[18]. Их доктрина была и, по их общему

убеждению, должна быть строго юридического характера, изучающей преступление и наказание, как явления юридического порядка, интересные лишь постольку, поскольку они были особыми отношениями правовой жизни. В эту доктрину входили исследование всевозможных условий совершения преступления усилиями одного лица или совокупными усилиями многих, развитие деятельности преступника от приготовления и до исполнения деяния, условия и размеры ответственности, учение о наказании и т. п. Целями учения по такой программе было сведение в систему юридических положений по уголовному праву, помощь практикам в применении закона и содействие законодателю при выработке новых уголовных норм в борьбе его с преступлениями посредством наказания. Понятно, что при таком взгляде на преступника, когда весь интерес концентрировался на совершенном им деянием, учение о нем самом представлялось излишним.

Развившаяся уголовно-антропологическая школа была в отношении ее содержания прямым противоположением классической: преступление заинтересовало ее не как нарушение юридической нормы, но как проявление особого состояния деятеля, наказание — как одно из средств беспрестанной и бесконечной борьбы в этом мире, где слабый должен уступать место сильному; учение старой школы о свободе воли было вычеркнуто, его заменила доктрина детерминизма; место учения о виновности заняло учение об опасности, внушаемой преступником и его способности приспособляться к социальной среде; принципы, установленные Бентамом, эти краеугольные камни классической доктрины, были т. о. выброшены без сожаления и на их место водворены другие, добытые, говорили криминалисты-позитивисты, не путем абстрактного мышления, но взятые из самой жизни, путем наблюдения над нею и изучения преступника, его телесной структуры и психики; личность преступника заняла таким образом в новой доктрине центр, на котором сосредоточилось почти все внимание исследователей.

Но такое расширенное уголовно-антропологами содержание науки уголовного права, как оно не казалось представителям старой школы чрезмерно широким, было найдено некоторыми из криминалистов (они и составили впоследствии новую школу - социологическую), узким. Они потребовали внесения в науку изучения также и той социальной среды, которая по их убеждению, создает преступников.

Таким образом содержание науки уголовного права должно было меняться почти до неузнаваемости. Изменению содержания соответствовало изменение и самого названия науки. Новаторы как будто спешили совершенно покончить со старым направлением и заставить забыть даже его имя. Обновленная наука получила в трудах новаторов название криминологии, уголовной антропологии, уголовной социологии. Однако эти новые названия не принесли с собою окончательного решения вопросы о содержании науки, остающегося и по настоящее время спорным и не выясненным, несмотря на все богатство литературы.

Нельзя пройти молчанием этот вопрос и в нашей работе тем более, что сторонники социологического направления, составляющего предмет нашего исследования, уделили ему не мало внимания, хотя и не пришли, как последователи и других школ, к одинаковому решению.

Существующие учения о содержании науки уголовного права могут быть разнесены на 3 группы.

В первую входят теории распространенного содержания науки уголовного права, изучающего преступления не только как юридическое явление, но также с антропологической и социальной точки зрения.

Таково мнение высказанное в русской литературе еще в 1873 году проф. Духовским, также Фойницким, Пионтковским, Чубинским, Дрилем, Гогелем, Сеницыным, Елистратовым и др. в немецкой Вальбергом, Листом, Варга, Лилиенталем, Миттермайером и мн. др., в итальянской Ферри, Гарофало, Колаяни, Корневале, и др.

Сторонники другого, противоположного мнения, принадлежат большей частью к классической школе и полагают, что содержание науки уголовного права должно остаться прежним: строго юридическим рассмотрением преступления и наказания; не отвергая значение биологического и социологического изучения этих же явлений, они относят такое изучение к компетенции других наук (уголовной антропологии, социологии, уголовной политики и др.), из которых наука уголовного права может черпать нужное ей содержание, но с которыми она не должна смешиваться.

Наконец, в третью категорию войдут те весьма многочисленные прежде криминалисты, по мнению которых наука уголовного права нисколько не нуждалась в результатах, добытых антропологией и социологией и не стояла с ними ни в каких отношениях. Но в виду исчезновения этих теорий в наши дни, нам нет необходимости останавливаться на них.

Выяснению вопроса о содержании науки уголовного права больше всего посчастливилось в русской литературе: здесь мы находим не только ярких выразителей - сторонников всех трех

указанных выше категорий, но и наиболее обоснованные, подробные и всесторонне развитые мнения.

Такое положение русской литературы обязывает в данном случае исследователя уделить ей то внимание, которое она заслуживает^[19].

К теориям первой группы относится прочитанная в 1872 г. приват-доцентом Демидовского юридического Лицея ныне покойным М. В. Духовским вступительная лекция. «О задаче науки уголовного права». Начиная свою ученую деятельность лектор высказал в этом первом своем слове с профессорской кафедры новые и оригинальные взгляды, которые не остались незамеченными.

Автор прежде всего заявляет себя противником абстракции «метода чистого разума» и абсолютов и указывает на тот путь опыта и наблюдения, которым пошли другие науки. «Общее правило, признанное за верное науками опытными, состоит в том, что разумное отыскание средств повлиять на какое-нибудь явление может быть сделано только тогда, когда будет исследовано само это явление, когда найдены будут причины произведения его. Нет действия без причины, всякое явление есть результат известных причин, вот одно из важнейших положений каждой истинной пауки. Если это так, то следовательно, и то явление, исследованием которого занимаемся мы теперь (преступление), имеет свои известные причины». Далее автор делает попытки определения причин преступности в Пруссии и в России (за время с 1860 по 1868 г.) и полагает, что такими причинами являются «дурное политическое устройство страны, дурное экономическое состояние общества, дурное воспитание, дурное состояние общественной нравственности и целая масса других условий». Духовской считает «положительно неверным взгляд на уголовное право, как на науку, изучающую только преступление и налагаемое за него наказание: уголовное право занимается исследованием того явления в общественном строе, которое называлось и называется преступлением. Исследуя это явление, наука конечно не могла не заметить с первого же взгляда, что преступление есть явление аномальное, а потому сообразно с общей задачей, принятой на себя науками общественными, уголовное право должно было приступить к исследованию причин этого аномального явления и к указанию чрез это средств для его искоренения»^[20].

Это, учение проф. Духовского встретило критику со стороны проф. Сергеевского, Таганцева, Кистяковского и др. сторонников теорий второй группы^[21]. Подробнее других останавливался на критике взглядов Духовского - Сергеевский. Он не отрицал значения социологического изучения преступления и наказания, но полагал, что наука уголовного права должна оставаться юридической наукой, что социологическое и юридическое исследования не могут быть соединяемы в одно, так как разнятся их методы и цели. Цель юридического исследования — тройкая: «во первых, дать руководство судебной практике для подведения частных, в жизни встречающихся случаев под общее правило, выраженное в общей форме закона, во вторых дать руководство законодателю к более правильному построению этого закона, дабы он мог охватывать в своих общих определениях частные случаи действительной жизни; в третьих, посредством изучения истории положительного уголовного права дать ключ к уразумению и оценке действующего права в его целом и частях. Наоборот, социологическое исследование не имеет таких специальных практических целей; социолог стремится к одному: определить значение и место преступления в ряду других явлений социальной жизни».

Таковы три различных цели науки уголовного права по Сергеевскому.

Мы полагаем, что внесение социологического и биологического элемента в науку права должно лишь способствовать более правильному разрешению всех ее задач, поставленных ей проф. Сергеевским. Так, правильное построение закона без знания преступника является в настоящее время невозможным. Изучение преступника привело уже к некоторым результатам, неотвергаемым и сторонниками классического направления: таково, например, разделение преступников на привычных и случайных. Еще большее значение должны иметь для законодателя, при построении им уголовных законов, выяснение причин преступности. Самое выяснение показывает в некоторых случаях преимущественное значение перед наказанием мер предупредительного характера или даже совершенный вред наказания. Точно также несомненно значение социологического изучения при уразумении и оценке действующего права. Не противоречит ли сам себе проф. Сергеевский, требуя внесения в науку уголовного права исторических сведений для выяснения характера права и в то же время утверждая, что внесение социологических сведений, характеризующих преступление, как одно из явлений области правовой жизни, вредит целостности науки уголовного права^[22]? Остается еще одна, намеченная проф. Сергеевским, цель юридического исследования: дать руководство судебной практике для подведения частных случаев под общее положение, выраженное в законе, но и она может быть достигнута без помощи антропологического и социологического изучения преступления и преступника лишь при условии игнорирования самим законом всех

результатов, добытых антропологией и социологией. Однако такое игнорирование с каждым днем все более отходит в область прошлого.

Мнение проф. Сергеевского вполне разделяет Н. С. Таганцев. «Уголовное право, как одна из юридических наук, говорит он должна, конечно, иметь своим предметом изучение преступных деяний, как юридических отношений. Отстаивая верность такого положения, он не соглашается ни с крайними взглядами криминалистов, требующих изучения в науке уголовного права причин преступления и указания средств его искоренения, ни с более умеренными, предлагающими «не устранив из курсов уголовного права изучения юридической стороны преступлений, теснее слить это изучение с социологическими и антропологическими исследованиями, сделать предметом уголовного права изучение преступного деяния и преступника вообще т. е. с точки зрения юридической, социальной и биологической».

Первое из этих мнений т. е. «попытка полного упразднения уголовного права как науки юридической» представляется Н. С. Таганцеву, совершенно основательно, не нуждающуюся в подробном опровержении: пока уголовные законы не упразднены — не может быть упразднено их изучение. Но автор опровергает и второе мнение: «соединение в одну единую науку социологического, антропологического и юридического исследования преступления и преступника теоретически не соответствовало бы основным началам классификации отдельных отраслей знания, а практически послужило бы только к взаимному вреду разработки этих отдельных отраслей исследования, т. к. они разнятся и по методам и по преследуемым ими целям».

Что касается указания на теоретическое несоответствие основными началам классификации наук, то это возражение едва ли правильно: не науки существуют для классификации, но классификация для наук и то или другое разделение наук на группы отнюдь не должно служить и никогда не будет служить препятствием изменению содержания науки, вызываемому необходимостью обновления науки.

Для Н. С. Таганцева представляется невозможным соединение в «одно целое» разнообразных приемов исследования юриста и социолога: первый изучает преступление и его виды в «их понятии», а второй останавливается на их жизненной важности и на их соотношении с другими явлениями социальной и индивидуальной жизни. Юрист изучает настоящее и прошлое преступника для определения вины и меры ответственности, а для антрополога и социолога отдельные случаи имеют сравнительно ничтожное значение т. к. «преступник для них не душа живая, согбенная, может быть, под непосильными тяготами жизни и ждущая заслуженной или иногда видимо заслуженной кары закона, а просто любопытная разновидность изучаемого типа, предмет пригодный для демонстрирования известных научных положений». И с этими возражениями едва ли можно согласиться. Если кто и говорил о преступнике, как «живой душе, согбенной под непосильными тяготами жизни», то, конечно, не криминалисты классического направления, а социологического. Опираясь на цифры, социологическая школа уголовного права учит, что преступники не только нарушители норм или той или другой степени их виновности или опасности, но плоть от плоти, кровь от крови современных обществ, продукт неурядиц всего политического и социального строя: для социолога преступник и громадном большинстве случаев — голодный бедняк, житель чердаков и подвалов, страдающий от тысячи тягостей бедности; за рядами сухих цифр социолог слышит биение пульса самой жизни, как она есть во всей ее сложности, со всеми ее противоречиями, приводящими одних к довольству, а других в тюрьмы. Оперирование с большими числами нисколько не умаляет для социолога значения каждого отдельного случая: выводы, к которым он приходит, относятся к этим отдельным случаям, являющимся лишь единицами из общей суммы изучаемых им явлений. Н. С. Таганцев указывает, что интересующие криминалиста вопросы об изучении прошлого и настоящего преступника для определения его вины и меры ответственности не касаются социолога. Но, наоборот, социологическая школа уголовного права в лице всех своих представителей стремится изучить самым тщательным образом именно прошлое и настоящее преступников и именно такое изучение привело ее к убеждению о необходимости перенесения тяжести вины с преступника на само общество и о преимущественном значении субъективной стороны преступления перед объективной.

По этим соображениям ограничение содержания науки уголовного права лишь изучением юридических понятий преступления и наказания представляется нам неправильным, а расширение рамок нашей науки внесением в нее элементов антропологического и социологического не только возможным, но и необходимым. Такого взгляда и держится в настоящее время большинство криминалистов. Но является весьма спорным вопрос в какой степени, в какой форме должно состояться расширение в этом направлении области науки уголовного права.

Во всяком случае, как бы не была ничтожна и микроскопична та доля социологического и антропологического элемента, которая допускается некоторыми из криминалистов в

юридическое изучение преступления и наказания, несомненно, что раз эти элементы вносятся, то уже нельзя отстаивать строго юридический характер нашей дисциплины, становящейся вследствие такого внесения наукою антрополого-юридической или социолого-юридической. С этой точки зрения неправ Н. С. Таганцев, считающий полезным, чтобы наука уголовного права считалась с результатами добытыми социологическим и уголовно-антропологическим направлениями, но чтобы она оставалась в то же время строго юридическою дисциплиною^[23]. Это требование неисполнимо: уголовное право не может делать заимствования из уголовной антропологии и социологии, слепо, без критического к ним отношения, и, таким образом, чисто юридический характер науки должен быть утрачен.

Соотношение юридического элемента в науке уголовного права с другими (антропологическим и социологическим) подробно выяснено в германской литературе Liszt'ом и Vargha, сторонниками теорий первой из трех указанных выше групп^[24].

Liszt понимает под наукою уголовного права в широком смысле (Strafrechtswissenschaft): во-первых, приведение в систему, при помощи логико-юридического метода, основных правоположений, т.е. юридическое изучение преступления и наказания; во-вторых, раскрытие, при помощи позитивного метода, причинности в мире преступлений и наказания и, в-третьих, учение о наиболее пригодных средствах борьбы с преступлением. Т.е. наука уголовного права в широком смысле слова распадается на несколько отделов или ветвей; в нее входят: 1) наука уголовного права в узком смысле, которая должна заниматься систематическим изложением правовых понятий; 2) изучение преступления как внешнего деяния и раскрытие его причин составляет задачу криминологии; последняя в свою очередь разделяется на уголовную антропологию и уголовную социологию, первая изучает преступление, как явление в жизни отдельного человека, а вторая исследует преступность как общественное явление и стремится раскрыть ее социальные факторы; 3) наконец, учение о наиболее пригодных средствах борьбы с преступностью составляет предмет новой ветви уголовного права уголовной политики: она вся основывается на уголовной социологии и антропологии, так как удачную борьбу с преступлением можно вести лишь тогда, когда известны причины преступности.

Так же широко, как проф. Лист, понимает науку уголовного права и проф. Vargha. Именем «криминологии» он обнимает следующие три отдела науки: I) уголовную антропологию, II) уголовное право и III) уголовную политику. Уголовная антропология изучает преступность, как естественно необходимую форму человеческой деятельности отдельных личностей и общественных групп^[25].

I. Уголовная антропология распадается в свою очередь на две ветви: 1) на уголовную биологию или уголовную антропологию в собственном смысле слова, изучающую преступление как биологическое явление, т.е. исследующую связь между преступностью и соматическими и психическими особенностями преступника; 2) на уголовную социологию, изучающую преступление, как социальное явление, т.е. как продукт общественных, экономических и других подобных факторов.

II. Уголовное право (Kriminalrecht) изучает средства государственной правовой защиты против преступности. Чтобы обезопасить общество от преступных посягательств, государство должно проявлять с одной стороны предупредительную деятельность (Das präventive Kriminalrecht), а с другой репрессивную (Das repressive Kriminalrecht); расширение содержания науки уголовного права введением учения о превентивных мерах является, по мнению Vargha, одной из важнейших заслуг нового направления^[26]. Репрессивная деятельность в свою очередь делится автором на три части: а) материальное уголовное право, б) формальное уголовное право (das materielle und formelle Strafrecht) и в) нормы, регулирующие деятельность по приведению наказаний в исполнение (das Strafvollzugsrecht).

III. В понятие уголовной политики автор вводит с одной стороны Kriminal-Gesetzgebungskunst, а с другой Kriminal-Verwaltungskunst; первая часть уголовной политики имеет своею задачею решение вопроса: какие действия должны подлежать зачислению в число уголовно наказуемых и каким наказаниям они должны подлежать, вторая часть имеет своим предметом выяснение основных положений, при помощи которых можно достичь правильной организации карательной деятельности в государстве.

Из приведенного изложения учений Листа и Варга видно, что три главные отдела науки уголовного права намечены обоими авторами одинаково. Есть некоторое различие лишь в дальнейшем подразделении этих трех отделов на более мелкие, но оно не представляет существенным. В настоящее время это учение о делении науки уголовного права на три отдела или ветви принято почти всеми сторонниками социологической школы^[27]. Являясь лишь частями целого эти отделы должны находится между собою в той живой связи, в какой находятся ветви дерева, соединенные между собою общим стволом и питающиеся одними и теми же соками. Так, уголовно политическое исследование может привести к открытию действительно целесообразных средств борьбы с преступностью лишь при условии, что оно считается с тем отделом науки уголовного права, который занимается раскрытием причин

преступности. Точно также догматическое изучение преступления и наказания («уголовное право в узком смысле» по терминологии Листа), как мы видели выше, оставаясь обособленным от уголовно-антропологического, социологического и уголовно-политического изучения, не отвечает требованиям той всесторонности и широты исследования, которые ставятся в настоящее время криминалисту самой жизнью. Уголовная литература новейшего времени уже дала нам образцы такого всестороннего и широкого исследования преступления и средств борьбы с ним и впоследствии будет давать их, конечно, еще чаще^[28]. Но одним из условий этого является более подробная разработка учения о причинах преступности, на которую, по справедливым словам Листа, до сих пор сама социологическая школа обращала внимания менее, чем того заслуживает этот важный вопрос. Настоящая наша работа и имеет своею задачею выяснение современного положения в криминалистической литературе учения о факторах преступности и главным образом о тех из них, которые известны под именем «социальных факторов».

---

^[1] Первый уголовно-антропологический конгресс был в Риме в 1886 г второй в Париже в 1889 г., третий в Брюсселе в 1892 г четвертый в Женеве в 1896 г. и пятый в Амстердаме в 1900 г. Международные конгрессы Союза Криминалистов происходили: первый в Брюсселе в 1889 г., второй в Берне в 1890 г., третий в Христиании в 1891 г четвертый в Париже в 1893 г., пятый в Антверпене в 1894 г., шестой в Линце (Австрия) в 1895 г, седьмой в Лиссабоне в 1897 г., восьмой в Будапеште в 1899 г., девятый в С.-Петербурге в 1902 г. См также труды *Congres Internat. de droit compare à Paris 1900*, труды съездов германских юристов (*Verhandlungen d. Deutschen Juristentages*), труды психологического конгресса в Мюнхене [доклад Листа: *Die Strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit* напеч. в *Zeitschr. für die ges. Strafrechtswiss.* 18 B], труды конгрессов *de l'Institut internat. de sociologie* и др.

^[2] Начиная с 1880 г. пересмотрены или изданы новые уложения в следующих государствах: в 1880 г.: 27 апр. в Косторико, 21 июля—Парагвай, 27 авг.—Гондурас, 1881 г.: 1 янв.—Япония, 3 марта—Нидерланды (вошло в силу с 1 сент. 1886 г.), 7 мая воен. уг. ул. в Дании. 7 окт. воен. уг. ул. в Швеции, 19 дек. в С. Сальвадор, 1883 г. 13 ноября в Египте; 1884 г. -14 июня в Португалии, 20 авг. С. Доминго, 14 сент. Филиппины; 1885 г.: кантон Галлен (в силу с 1 мая 1886 г.) и кант. Солотурн (с 1 июля 1886 г.), 1886 г. переработано уложение в Индии, 1887 г. 1 марта в Аргентинской республике; 1888 г. в Конго; 1889г.: 1 янв. Уругвай (введено с 18 июля 1890 г.), 19 дек. Финляндия (в силу с 23 апр. 1894 г.); 1890 г. 1 янв. в Италии, 1 окт. Бразилия, 18окт. Колумбия; 1891 г. Никарагуа, 12 фев. Нейбур (Швейцария); 1894г. 3 фев. переработано Румынское уг. ул.; 1896 г. 4 марта в Болгарии; 1897 г. 17 мая переработано уголов. улож. в Венесуэле; 1899 г. 15 июня Бельгийское уг. уложение; 1902 г. 22 мая в Норвегии.

Кроме того готовятся новые уголов. кодексы во Франции, Швейцарии, Японии, Боснии, Герцеговине, Австрии, Италии, Финляндии (воен. уг. ул.); возбужден вопрос о новом кодексе для Германии. См. Лист; *d. Lehrb. d. Deuts. Str.* § 9 Aufl. 12.

^[3] В. Д. Спасович: «Новые направления в науке уголовного права». М. 1898, стр. 5.

^[4] А. Вульферт. Методы, содержание и задачи науки уголовного права. Вступит. лекции в Демидовском юридич. лицее. Яр. 1891. 2. стр.

^[5] Alfredo Frassati: *Lo sperimentalismo nel diritto penale*. Torino 1892.

Albert Desjardins: *La methode experimentale appliquee au droit criminel en Italie*. Paris 1892.

Vargha: *Die Abschaffung des Stralknechtschaft*. 1896. II kap. *Die naturwissenschaftl. Methode des Kriminologie*.

А. Вульферт: Методы, содержание и задачи науки уг. пр. Яр. 1891.

^[6] Maurice Deslandres: *La crise de la science politique et le probleme de la methode*. Paris 1902. См. также критику юридического метода:

Н. Новгородцев. Государство и право. Вопросы Филос. и Псих. 1904г.

В. Г. Камбуrow Юридический метод в государствоведении, Жур. Мин. Юст. 1903 г. № 7.

Picard. *Le droit pur*. Brux. 99, X.me. partie: *Methodologie juridique*.

Живаго: Вопросы жизни и формализм в науке государственного права. Научное слова 1903 № X.

Laband; *Das Staatsrecht des Deutschen Recht*. Тюбенген 1876.

^[7] Новгородцев: Государство и право. Вопросы Фил. и Психол. 1904 г. 101 ст.

^[8] В. Д. Набоков: Содержание и метод науки уголовного права в «Сборнике статей по уголовному праву» С.-Пб. 1904 г. стр. 6.

^[9] Д. С. Милль: Система Логик. Перев. под редак. В. И. Ивановского. М. 1899 г. 712 стр.; Минто: Дедуктивная и Индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревского М. 1896.

^[10] Дюркгейм: Метод социологии. Пер. с фр. Киев 1899, 118—119 стр.

- [11] Lombroso: L'anthropologie criminelle et ses recents progres русск. пер. Раппорта: новейшие успехи науки о преступнике С.-Пб. 1892 г. стр. 20—21.
- [12] Lucchini: Le droit penal et les nouvelles theories. Paris 1892, 34 стр.
- [13] Опыты эти состояли в следующем: в 1880 г. доктор Вей, ныне умерший, выбрал среди арестантов 12 человек, приговоренных за кражи, поджоги, грабежи, изнасилование, нанесение ран и др. преступления в (общей сложности к 85 годам заключения (от 5 до 20 лет). Ко всем этим субъектам д-р Вей применил так называемое физическое лечение, состоящее в купанье, массаже, гимнастике и улучшенном питании. Они были освобождены от работ. Результаты такого лечения сказались не только в физическом, но и нравственном отношении (подробности см. «Право» № 50 1902 г. М. Гернет: Американские реформатории.
- [14] Так и сам Ломброзо и один из его первых по времени критиков Lucchini заявляли о своем отвращении к теориям эклектизма: Lucchini в предисловии к своей работе Le droit penal et les nouvelles theories. P. 1892 заявлял, что он «надеется не быть включенным в категорию эклектиков, которые, поместившись между старым и новым, прошлым и будущим и являясь ни рыбой ни мясом, представляют переход между двумя противоположными крайностями» (стр. 3). Еще сильнее выразился Ломброзо, назвавший эклектиков губками, все впитывающими и ничего не отвергающими, но они и не встречают ни с чьей стороны критики и обречены на медленное забвение (Ломброзо. Повейшие успехи угол. антроп. стр. 37).
- [15] Таковы, например, работы о смертной казни, о ссылке. См. Таганцева, лекции по рус. угол. пр. IV вып. 1892 г. Berner: ueber die Todesstrafe. 1863 и мн. др.
- [16] Н. Н. П-ский: к вопросу об объеме науки уголовного права. М. 1902 стр. 11.
- [17] См. Hans Gross: Aufgabe und Ziele der Kriminalistik. (Schweizerische Zeitschr. f. Strafr. 10 B. 269 s.).
- Alimena Bernardino: Lo studio del diritto penale nelle condizioni presenti del sapere (Estratti della Rivista di Diritto penale e Sociol. crim.), Pisa 1900.
- Alimena: Naturalismo critico e diritto penale. Riv. di Discip. Carcer. 1891, 614—626 p.p.
- [18] Если между криминалистами классической школы иногда и возникали разногласия следует ли включать тот или другой вопрос в науку уголовного права, то во всяком случае не возникало сомнений в уместности лить юридическое изучение преступления и наказания. Так, например, если Шютце настаивает на исключении из науки уголовного права вопроса об основаниях уголовной кары, то лишь потому, что, по его мнению, такой вопрос выходит за пределы юридического изучения единственно по общему признанию классиков правильного в области философии права (Schutze Lehrbuch d. Deutschen Strafrechts. 1874. 37 s.).
- [19] М. В. Духовской: «Задачи науки уголов. права» (Времен. Дем. Юр. Лиц. IV 1873).
- Фойницкий: «Уголовное право, его предмет, его задача.» Суд. жур. 1873 г.
- Сергеевский: Преступление и наказание как предмет юридической науки. Юрид. Вест. 1879 № 12.
- Sergievsky: Das Verbrechen u. die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft Zeitsch. f. d. g. Str. I. B.
- Таганцев: Русское уголовное право. Лекции Спб. 1902 г. I т.
- Его же: Предмет науки уголовного права. «Право», 1901 г. № 51 и 52.
- Гогель: Предмет науки уг. пр. (возражение Таганцеву) Право 1902 № 9.
- Таганцев: По поводу возражения С. К. Гогеля (Право № 9—1902 г.).
- Пионтковский: Наука уг. пр., ее предмет, задачи, содержание и значение 1895 г.
- Вульфферт: методы, содерж. и задачи науки уг. пр., Вступ. лек. 1891 г.
- Белогриц-Котляревский: Задача и метод науки уг. пр. Юр. Вед. 1892 г. сентябрь.
- Д. Дриль: Малолетние преступники I вып. 1884—Его же: Наука угол. антр., ее предмет и задачи. Вест. Псих. крим. антр. 1904 г. I вып.
- М. П. Чубинский: Наука угол. права и ее составные элементы. Ж. М. Ю. 1902 г. Сентябрь.
- М. П. Чубинский: Очерки уголовной политики. Харьков. 1905.
- Н. Н. П-ский: к вопросу об объеме науки уг. пр. Москва 1902 г.
- Познышев: Основные вопросы учения о наказании 1904 г. введение: предмет, содержание и задачи науки уг. пр.
- В. Д. Набоков: Содержание и метод науки угол. пр. (сборник статей по угол. праву. Спб. 1904 г.).
- Liszt: Die Aufgabe und die Methode der Strafrechtswissenschaft. Zeit. f. d. g. Strafr. 20 B. 1900, Garraud: Precis de droit criminel. Paris 1904. Ferri: la sociologie criminelle. Paris 1893 (итальян. изд. 1900 г.). Al. Frassati: Lo sperimentalismo nel diritto penale. Torino. 1892. Prins: Science penale et droit positif. Brux. 1899. Proal: Le crime et la peine. P. 1892. Saleilles: L'individuisation de la peine. P. 1898. Garraud: Rapports du droit penal et de la sociologie criminelle. Arch. de l'anthr. crim. 1886. Garofalo: La criminalologie 1895. Giuseppe de Felice: Principi di sociologia-criminale 1902. Colajanni: La sociologia criminale 1889. Carnevale: Una terza scuola di diritto penale (Rivista di discip. carc. XXI, 7, 1891). Garraud: Les tendances contemporaines de la

science du droit penal (Bul. de l'Union Int. de Dr. Pen. XI. B. 1904). Tosti: Ciclo storico della scuola classica di diritto penale (Scuola Positiva 1903, 303—311). Доклады Листа, Alimena, Tarde, Garofalo: Studien auf die juristischen Grundbegriffe des strafrechts (Mitt. v. Int. Kr. V. IV. B.).

[20] Временник. Демидовского Юридич. Лицея кн. IV, 1873 г. стр. 223, 226, 233, 261. Задачи науки уг. пр. М. В. Духовской. Эти научные взгляды были высказаны проф. Духовским еще до возникновения уголовно-антропологической школы. Таковы же были положения, заявленные несколько лет спустя итальянским криминалистом Ферри с тою лишь разницею, что М. В. Духовской не умалял значения юридического элемента, а Ферри уделил ему очень небольшую долю внимания и отнесся к нему в некоторых случаях более чем скептически. Но в то время как проф. Духовской не привел в исполнение своей программы, Ферри провел свою в труде «La Sociologie criminelle»: здесь было отведено место учению о причинах преступности, о самом преступнике и о средствах борьбы с преступностью путем реформ политического, экономического и юридического характера. Почти такова же программа труда другого итальянского криминалиста Гарофало (La criminologie), разошедшегося с Ферри в вопросе о социальных факторах преступности и о значении борьбы с преступлением путем реформ широко общественного характера. Третий итальянский криминалист Колаянни, отстаивающий вместе с цитированными выше криминалистами необходимость создания одной науки, которая изучала бы преступление с юридической, антропологической и социологической точки зрения и одновременно с этим учила бы о средствах широкого предупреждения преступления, дал образчик такого труда в своей «La Sociologia Criminale». Как и Ферри он назвал новую науку уголовной социологией к ее компетенции им отнесены следующие отделы: 1) развитие и этиология преступления; 2) борьба с преступлением путем предупреждения (общественная гигиена — Igiene sociale) и при помощи репрессии или уголовного права (Diritto penale) и 3) история преступности в связи с констатированием значения предупредительных и репрессивных мер борьбы с преступлениями (Napoleone Colajanni: La Sociologia Criminale 1889 I v. § 6—7).

[21] Кистяковский: Киев. Унив. Изв. 1874 г. декаб. кн.; Сергеевский: Юр. В. 79. № 12; Таганцев: «Право» 1901 г. № 51.

[22] Н. Н. И-ский: К вопросу об объеме науки уголовного права. М. 1902 стр. 17 основательно замечает: «внесение в уголовное право социологического исследования преступности дает как нельзя более подходящий ключ в оценке действующего права. Ведь не даром же проф. Сергеевский, побивая самого себя в своей актовой речи: «Основные вопросы наказания в новейшей литературе», говорит, что в пестром калейдоскопе разом нахлынувших в последние годы новых понятий, учений и слов, заключается источник мудрости и света. Что же это был бы за свет, если бы при его помощи нельзя было осветить всех прорех и темных на фоне современных нам условных законодательств».

[23] Н. С. Таганцев: «Предмет науки уголовного права»: пересмотр всего учения о вменяемости и создание новой формулы вменения, переходящей уже и в законодательства, своеобразная постановка учения о повторяемости преступления и его наказуемости, наконец, все изменения системы карательных мер и порядка отбытия наказания, в значительной степени обязаны своим возникновением социологическому изучению преступления. Наконец, изучение социологическою школою условий, воздействующих или ограничивающих развитие преступности населения, оживотворяющих или погасающих наклонность к преступлению в данную эпоху, в данной среде, дало основание более разумной постановке уголовной гигиены, если можно так выразиться. (Право № 51, 1901 г.).

[24] Liszt: Der Einfluss der Kriminal-sociologischen und Kriminal-anthropologischen Studien auf die juristischen Grundbegriffe des Strafrechts (Mittheil. d. Intern. Krimin. Ver. IV B., 125—143 s.s.). Liszt: Die Aufgaben und Methode der Strafrechtswissenschaft (Zeitschr. f. d. g. Str., XX B., 161—174).

Vargha: die Abschaffung der Strafknechtsschaft. 1896.

[25] «Die Kriminal-Anthropologie ist die Wissenschaft, welche die Kriminalität, als eine naturnothwendige Form der Lebensbethätigung der Individuen und socialen Gruppen aus den die Menschennatur beherrschenden Gesetzen zu verstehen sucht» (Vargha: op. c. 173 s.).

[26] Такое расширение содержания уголовного права совершается не только в науке, но и в законодательстве. Vargha указывает на проект Швейцарского уложения, в котором одна из глав носит не старое всюду употреблявшееся название—«о наказаниях» - «Von den Strafen», но «Von den Strafen und Sicherungsmassregeln» (ibid, 188 s.).

[27] Взгляды Листа и Варга разделяют в данном случае Принс, Ван Гамель Ничефоро, Корневале, Чубинский, Пионктовский и др.

[28] Таковы работы Prins: Science penale et droit positif 1899. Vargha: Die Abschaffung der Strafknechtsschaft. Ferri: La Sociologie Criminelli. Garofalo La Criminologie и др.

ГЛАВА II. Факторы преступности. Их классификация.

Учение о причинах преступности более всего известно под данным ему Колаянни и Ван Гамелем названием этиологии преступления (*Kriminal-Ätiologie*), но наряду с этим именем существует и другое, предложенное Листом, «криминологии». Лист, различая в криминологии, как указано выше, криминальную биологию или криминальную антропологию и криминальную социологию, относит к предмету содержания первой—изучение индивидуальных факторов преступности, а второй—исследование преступления, как явления общественной жизни^[1].

Из этих двух названий более правильным является первое, данное Ван Гамелем, так как оно более соответствует содержанию этой части науки уголовного права, заключающейся, как показывает уже само название в изучении именно причин преступности. Листовское же название «криминология»^[2] (*crimen* — преступление) дает понятие более широкое, чем сам отдел учения о причинах преступления.

Итак, под именем криминальной этиологии понимается учение о причинах преступности. Но что мы должны считать причиной вообще и в частности причиной преступления? Понятие причины в настоящее время установлено в том виде, в каком дал его Джон Стюарт Милль, отбросивший метафизические теории о причине как особом деятельном начале и определивший причину на почве опыта и наблюдения как совокупность предшествующих, за которыми явление безусловно следует, следовало и будет следовать, пока будет существовать то же положение вещей^[3]. Принимая это определение причины Милля мы должны, следовательно, считать причинами преступности те явления или факты, за которыми она неизменно проявляется. Наблюдение показало, что эти факты и явления—причины преступности—могут быть весьма разнообразны. А такое разнообразие их вызывает необходимость их классификации.

Первые попытки классификации мы встречаем уже у известнейшего итальянского криминалиста классического направления Romagnosi, неоднократно обращавшегося к выяснению причин преступности. Он делит факторы преступности на четыре группы: «наиболее общие и упорные причины преступлений, говорит он, сводятся к следующим четырем группам: 1) к недостатку средств существования, 2) к недостаточности воспитания, 3) к недостаточности предусмотрительности и 4) к недостаткам юстиции. Первая группа причин экономического свойства, вторая — морального, а третья и четвертая политического»^[4]. Но так как вопрос о причинах преступности не интересовал ни современников Romagnosi, ни ближайших его по времени последователей, то и вопрос о классификации факторов преступности не мог получить должного освещения. Лишь с развитием новых учений в науке уголовного права, когда с конца семидесятых годов центр внимания был перенесен с преступления и наказания на преступника и предупреждение преступления, такая классификация сделалась необходимой. Так, уже с первых годов своего существования уголовно-антропологическая школа обращается в лице Ферри к делению причин преступности. Данная проф. Ферри классификация известна под именем трехчленной и является в настоящее время почти общепринятою.

Трехчленная классификация Ферри была дана им еще в одной из его первых работ «о преступности во Франции» (напечатана впервые в 1881 г.)^[5]. Считая преступление, как и всякое другое человеческое действие, продуктом многих причин, он разделил последние на три группы и отнес в первую категорию индивидуальные или антропологические причины, во вторую физические и в третью социальные. Антропологические факторы те, которые лежат в самой личности преступника и составляют по учению Ферри первое условие преступления; они разделяются в свою очередь на три группы сообразно трем точкам зрения, с которых может рассматриваться преступник: на органические, психические и общественные. Органическая конституция преступника охватывает аномалии чувства и интеллекта, особенности языка и литературы преступников; понятие личного характера преступника заключает в себе как чисто биологические условия (раса, возраст, пол), так биосоциальные условия «например, гражданское состояние, образование, воспитание, место жительства, общественный класс, профессия».

Ферри не дает определения физических и социальных факторов преступности, примерное же перечисление тех и других обнаруживает отсутствие у него определенного выбранного наперед принципа классификации. Так в группу физических причин были отнесены им в первом издании упомянутой выше работы на ряду с климатом, природой, почвой и пр. также сельскохозяйственное производство (*la produzione agricola*), но в то же время *la produzione industriale* промышленное производство было занесено в рубрику социальных факторов. Позднее оба эти производства—сельскохозяйственное и промышленное — были отнесены автором в одну группу социальных факторов. Но и в настоящее время мы находим в классификации Ферри отнесение одних и тех же факторов одновременно и в разные группы: так, образование и воспитание занесены автором в число антропологических и социальных факторов. Определение Ферри антропологических факторов слишком широко (*les facteurs anthropologiques inherants a la personne*)^[6] и, дает ему возможность относить в этот же разряд несомненно такие не антропологические причины, как общественный класс преступника, его профессию и местожительство.

Примеру Ферри лишь обозначать категории причин, не давая их определения, последовали многие другие криминалисты, впавшие в такие же, как и он, ошибки. Они не всегда были между

собой согласны и в вопросе об разнесении причин по тем или другим группам, но такое несогласие было неизбежным следствием отсутствия точного масштаба классификации: так образование, отнесенное Ферри в две категории антропологических и социальных причин, было зачислено большинством в разряд общественных факторов, некоторыми в число антропологических причин; алкоголизм, относящийся по Ферри к социальным факторам, был отнесен некоторыми к группе антропологических причин и т. д.

Мы считаем необходимым, прежде чем изложить другие попытки классификации факторов преступности, дать определение каждой из трех намеченных Ферри категорий.

Какие факторы могут быть названы антропологическими? Определение антропологии должно считаться в настоящее время установившимся. Антропологией называется наука, имеющая предметом своего изучения человека.

«Слово антропология, говорит Topinard, обозначает науку о человеке или о людях и несомненно в нее может входить все, что касается человека. Но у этого бесконечно широкого определения есть граница, рядом с теоретическим определением или вернее этимологическим, существует практическая необходимость в точном ограничении»... «В стремлении исследовать слишком много, антропология кончила бы тем, что ничего не исследовала бы: антропология для нас зоология человека—la Zoologie de l'homme. Антропология изучает человека с животной физической точки зрения. Она описывает его естественные разновидности, называемые расами, она его сравнивает с другими животными, определяет его место в классификации и пытается установить его происхождение и генеалогию. Если Quatrefages и Broca делают экскурсии в области социальную, психическую и физиологическую, то единственно с тем, чтобы отыскать его отличительный характер и достичь конечной цели: познание животного—la connaissance de l'animal»^[7].

При этом определении антропологии, единственно правильным понятием антропологических факторов преступности будет такое, в котором слову «антропологический» будет дано указанное выше содержание. Поэтому антропологическими причинами преступности нужно назвать те, которые лежат в свойствах самой природы человека, как одного из представителей животного царства, в его соматической и психической организации. Вне всякого сомнения именно к этой группе причин относятся те аномалии черепа и организации преступника, какими он наделен по учению Ломброзо и его последователей. Сюда же относятся пол, возраст, раса, без чего мы не можем представить человека, но никоим образом нельзя отнести сюда профессию, общественный класс, воспитание или образование, как это делает Ферри, или гражданское состояние и законнорожденность, как это делает Colajanni^[8]. Та или другая профессия, принадлежность к тому или другому классу, происхождение от незаконных родителей, воспитание человека и его образование отнюдь не свойства его природы, а потому согласно нашему определению, не могут быть названы антропологическими условиями.

Во вторую группу Ферри отнес физические факторы преступности; такое название должно быть дано силам внешней окружающей человека природы, вызывающей его к действиям. Они могут быть весьма разнообразны, но как скоро рассматриваемая сила не является проявлением самой природою ее свойств и мощи, она не может называться физической. Так Ферри в своей Sociologie criminelle относит к числу физических причин земледельческое производство la production agricole и к социальным, как было указано выше, промышленное производство. Автор не сообщает оснований, по которым он отнес земледельческое производство к группе физических причин. Если он руководился при этом ролью природы в произрастании злаков, то в труде земледельческом и фабричном, в какой бы стадии развития не находилась та и другая промышленность и как бы они не были организованы, одинаково необходимыми являются при производстве и силы природы и труд человека.

В последнюю категорию социальных факторов должны быть отнесены влияния на преступность той общественной среды, в которой живет преступник. Под общественною средою понимается не только тот круг людей или та часть общества, в которой вращается человек, но также и те социальные институты и весь государственный политический строй, в соприкосновение с которыми человек, живущий в государстве и обществе, неизбежно входит^[9]. Так в понятие социальных условий входят влияние семейной обстановки, классовое устройство, организация труда, распределение богатств, общественное мнение, жизнь в городах и селах, образование, воспитание, религия, политическое устройство, войны и мн. др.

Из этого примерного перечня уже видно, что социальные факторы чрезвычайно разнообразны по своему содержанию. Были попытки разбить их в свою очередь на несколько категорий. Так Van Kan и Colajanni делят их на социальные в узком смысле и на экономические. В группу экономических выделяются ими те феномены, которые относятся в жизни общества, а косвенно и в жизни индивида, к материальному благосостоянию^[10]. При таком разделении относительно весьма многих причин трудно решить какого они свойства: чисто ли социальные или экономические? Таковы, например, безработица, эмиграция и мн. др., которые приходится Van Kan'у называть экономически-социальными и ввести т. о. третью подгруппу; точно также и Colajanni, различающий между социальными факторами группу экономических, делит последние на две подгруппы: на экономические факторы прямого воздействия и посредственного, каковы, например, проституция^[11].

В виду этой невозможности провести резкую грань между устанавливаемыми Ван Каном и Колаянни подгруппами социальных факторов с одной стороны, а с другой стороны вследствие того,

что такая дробность классификации не вызывается необходимостью, мы полагали бы принять трехчленное деление факторов преступности на физические, антропологические и социальные. Но в самое последнее время раздались возражения и против этой классификации и требования заменить ее двухчленной. Предложение исходит от проф. Листа и сделано им в его блестящем докладе последнему международному конгрессу криминалистов в С.-Петербурге.

По мнению Листа выделение физических факторов в особую, самостоятельную группу влечет за собою крайнюю неопределенность. В виде примера Лист указывает на увеличение в летние месяцы преступлений против нравственности: решающее значение здесь, по мнению автора, принадлежит антропологическому фактору на том основании, что различные люди совершенно различно реагируют на действие жары. Точно также, увеличение краж в зимние месяцы объясняется не непосредственным воздействием холода, но невозможностью некоторых по своей бедности укрыться от холода, т. е. здесь мы имеем дело с социальным фактором преступности^[12].

Нам эти доводы представляются недостаточными для возможности выключения физических факторов из числа трех групп указанных выше причин преступности. Возьмем пример указываемый самим Листом: увеличение преступлений против собственности в холодное время. Если мы стали бы вместе с Листом утверждать, что в данном случае действует лишь бедность, не имеющая возможности укрыться от холода, то нас могли бы упрекнуть что мы отрицаем всякое значение холода и тепла для нашего организма. Мы можем допустить, что увеличение преступлений против собственности не последовало бы, если бы не было бедности. Но мы с таким же правом можем утверждать, что этого увеличения не последовало бы и в том случае, если бы наш организм был так устроен, что оставался нечувствительным к холоду, или если бы не было холода. Таким образом, в данном случае возможно предполагать действие причин: антропологической (чувствительность к холоду), социальной (бедность) и физической (холод) и нет оснований утверждать, что физические факторы—лишняя в классификации группа.

---

^[1] «Этиология есть учение о причинах, а потому криминальная этиология есть учение о причинах преступности» (345, 347 s.s. *Kriminal-Ätiologie* von prof. Van Hamel Zeit. f. d. g. Str. 21 B. 1900). Colajanni: *La sociologia criminale* I v. 1889. 40 p.

^[2] Kausale, naturwissenschaftliche Lehre vom Verbrechen kann mit dem Ausdruck «Kriminologie» bezeichnet werden (v. Liszt: *Lehrb. d. Deut. Str.* 13 Aufl. 70 s.).

^[3] Д. С. Милль: Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. под ред. В. И. Ивановского М. 1899 стр. 266.

Г. Колоколов: О соучастии в преступлении. М. 1881 см. «Введение».

^[4] Romagnosi: *Genesi del diritto penale*. Firenze. Quinta edizione. 1834, § 1021 «le cause piu comuni e costanti dei delitti si ridukono alle quatro segenti: I) Al difetto di susistenza; II) al difetto di educazione; III) al difetto di vigilanza; IV) al difetto di giustizia».

^[5] Ferri: *Studi sulla criminalita in Francia*; автор ограничивается здесь перечислением факторов различных категорий; из них антропологические факторы: возраст, пол, гражданское состояние, профессия, жилище, общественные массы, степень образования и воспитания, органическая и физическая конституция преступника; физические: раса, климат, строение почвы и степень ее плодородия, денное и ночное время, времена года, годовая температура, социальные факторы: увеличение и уменьшение народонаселения, эмиграция, общественное мнение, обычаи и религия, семейный строй, положение политическое, финансовое, коммерческое, производство промышленное и земледельческое, административное устройство, общественная безопасность, общественное образование и воспитание, общественная благотворительность; законодательство (p. 18 *Studi sulla criminalita ed altri saggi* 1901).

^[6] Ferri: *1a sociologie criminelle* 1893 г. 150.

^[7] Topinard: *Criminologie. et anthropologie*. 490—491 p.p.

^[8] Colajanni: *La sociologia criminale* II, v. § 80.

^[9] Таково же определение проф. Фойницкого, называющего социальными причинами общественные влияния, лежащие в организации общественного строя и в отношении его к личности, воздействию, оказываемом обществом и государством на личность путем разнообразных мер и учреждений, способствующих ее нормальному существованию или затрудняющих его. (Фойницкий: «Факторы преступности» Север. Вест. 1893 г. кн. 10 стр. 112).

^[10] Van Kan: *Les causes economiques de la criminalite* 1903 p. 12. Colajanni: *La sociologia criminale*. Catania 1889 II v. 34—43 p.p. 461 p.

^[11] Massenet [*Quelques causes sociales du crime*, Lyon. 1893. These doctor.], принимая три указанные группы факторов, делит социальные причины на четыре группы: 1) факторы интеллектуального порядка (философия, религия, внушение), 2) факторы эстетического порядка (искусства, литература); 3) факторы промышленного порядка (экономического): нищета, алкоголизм, воспитание и пр.; 4) факторы морального порядка: наказуемость (цитировано по ук. соч. Van Kan'a стр. 168). Недостатки этой классификации очевидны: так, воспитание не может быть названо фактором промышленного порядка; непонятно также, почему наказуемость — фактор морального порядка, а религия — интеллектуального.

[12] См. Revue Penitent. № 4—1003. Bernard: Les facteurs sociaux de la criminalite. Лист: Обществ. факторы преступности. Перев. с нем. Журн. Мин. Юст. № 2—1903г.

ГЛАВА I. Метод и содержание науки уголовного права.

Томас Морус. — Кампанелла. — Меслье. — Монтские. — Руссо. Беккария. — Бентам. — Бриссо де-Варвилль. — Годвин. — Марат. — Оуэн. — Ванделер. — С.Симон. — Фурье. — Кабэ. — Прудон. — Дюкнетто. — Кетле. — Герри. — Романьози. — Ломброзо. — Ферри. — Горофало. — Росси.

Сторонники социологической школы науки уголовного права, занявшейся исследованием социальных факторов преступности, видят своих предшественников^[1] в лице первых представителей моральной статистики Кетле и Герри. Таково, например мнение Лакассаня^[2], также думает и Принс, хотя и добавляет, что указания на влияние социальной среды встречаются и ранее Кетле—у Монтескье и позднее у Тэна^[3]. Но если говорить об указаниях на зависимость между социальной средой и преступностью, то мы найдем их много ранее Монтескье и полнее, чем у него. Нам кажется, что известный профессор политической экономии в свободном Брюссельском университете и депутат социалист Hector Denis поступает вполне правильно, указывая в своем небольшом докладе уголовно-антропологическому конгрессу в Амстердаме, что предшественников социологической школы уголовного права надо искать среди первых представителей той доктрины, которой он держится в своей политической деятельности. Он указывает как на предшественников социологической школы на Godvin'a, Owen'a, William Tompson'a, Fourier, Henri de Saint Simon'a и др.^[4]

Несомненно, что социологическая школа науки уголовного права, видящая корень преступности в несправедливостях и неурядицах современных обществ, в несовершенствах социальных организации, иногда приближается этой стороной своего учения к доктрине названных выше авторов, как утопического, так и научного направления, подвергавших своей беспощадной критике общественные, политические и экономические условия жизни государств. Сказать, что у первых представителей этой доктрины мы находим только одни указания на социальное происхождение преступлений и на влияние среды было бы неверно; у многих из них вопрос поставлен гораздо шире и на ряду с положением о зависимости между социальной средой и преступностью мы уже находим установление и развитие и другого основного положения социологической школы: о необходимости бороться с преступностью путем социальных реформ.

Выяснение этой стороны учения указанных выше предшественников социологической школы науки уголовного права представляется нам небезынтересным и небесполезным: оно познакомит нас с удивительным явлением как еще в кровавый XVI век знаменитый утопист Томас Морус высказал поразительные для его времени по своей гуманности и правильности взгляды о социальных причинах преступности и о средствах борьбы с нею. Правда, ни в «Утопии», ни в некоторых из других произведений, на которых мы будем останавливаться в настоящем очерке, мы не найдем научных доказательств социального происхождения преступления, но даже и бездоказательные утверждения этих авторов представляют для нас то значение, что покажут когда и как зародилась основная идея социологической школы о зависимости между средой и преступностью, как, постепенно развиваясь, она нашла себе блестящее подтверждение в трудах статистиков Кетле, Герри, Эттингена и других и, воспринятая в конце 70-х и начале 80-х годов криминалистами, внесла новую струю в науку уголовного права. Эта новая струя, вытекающая из такого чистого, светлого источника, каким были эти «мечтатели» и «друзья человечества» Томас Морус, Фурье, Оуэн и др. смысла с науки уголовного права вековую покрывавшую ее пыль и дала ей начала новой жизни.

Hector Denis считает первым предшественником социологической школы науки уголовного права W. Gudvin'a, писателя конца XVIII века, и начала XIX века. Но более полное и подробное выяснение зависимости между социальной средой и преступностью мы встречаем много раньше Годуина, в самом начале XVI столетия, когда появилась в Англии знаменитая «Утопия» Томаса Моруса^[5]. С первых же страниц своего труда автор с силой и страстью доказывает жестокость и бесполезность смертной казни за воровство. Как на главные причины воровства он указывает на существование класса богатых, окруженных многочисленной челядью, рядом с нищетой и безработицей; самое ужасное наказание, говорит Морус, не удержит человека от воровства, раз у него остается только это одно средство спасти себя от голодной смерти; поэтому смертная казнь за воровство столько же бесполезна, сколько и жестока. Пока существует класс благородных, питающихся от трудов работающих на них в поте лица своего бедняков, пока богачи окружены толпой слуг, которых они безжалостно рассчитывают, когда они состарятся или заболеют, до тех пор воровство не исчезнет. Чтобы никто не был поставлен в необходимость сначала красть, а затем умирать на плахе, надо обеспечить всем членам общества средство к существованию. Бросают многих, как бродяг, в тюрьмы, но в чем состоит их преступление? Ни в чем другом, как в том, что они не могут найти никого, кто дал бы им работу. Вылечите Англию, говорит Морус устами путешественника и рассказчика об Утопии, от этих язв, обуздайте алчный эгоизм богачей, отнимите у них право накопления и монополий, изгоните праздность и дайте всем средства к существованию. Обращаясь

к вопросу о значении воспитания, как средства борьбы с преступностью, Морус сравнивает юстицию Англии и других стран с дурным учителем, который охотнее бьет своих учеников нежели их воспитывает. Своим воспитанием вы, говорит Морус, развращаете детей, и когда они потом совершают преступление, подготовленное вашим воспитанием, вы их наказываете. «Что вы делаете? Воров вы делаете, чтобы их наказывать»^[6].

Возражения этого писателя XVI столетия против смертной казни за воровство повторяются теперь как доводы вообще против наказания смертью. В своей карательной системе он выступил противником абсолютных теорий. На оправдание смертной казни сторонниками этого наказания требованиями справедливости, он отвечал, что такое право *Summum jus-summa injuria*^[7].

В наши цели не входит останавливаться на общественном и государственном строе Утопии. Для нас важно лишь отметить, что по мысли Томаса Моруса в этой стране без богатых и бедных, где золото и серебро можно видеть лишь на оковах рабов, при общей трудовой жизни и отсутствии праздных, не только преступления, но и гражданские тяжбы являются редкими исключениями.

Через сто лет после выхода в свет Утопии Моруса, появляется в 1620 году другая знаменитая утопия «Город Солнца» Томаса Кампанеллы, крайнего коммуниста по своему направлению^[8]. По его мнению корень всякого зла—иметь собственное жилище, собственную жену, собственных детей... В «Городе Солнца» вычеркнута любовь к себе, остается только любовь к общине. Результатом такого общественного и политического строя является полное отсутствие гражданских тяжб и уменьшение преступности. Но так как преступления не исчезли вполне и в этой чудесной стране, то остались и наказания преимущественно исправительного характера *roepae medicinales*, ходя на ряду с ними и смертная казнь и членовредительные наказания.

Мысль Моруса и Кампанеллы о значении права частной собственности в развитии преступлений повторил во Франции Jean Meslier (родился в 1664 г. или 1675 г. и умер в 1733 г.)^[9]. В праве частной собственности он видит причину как несчастий так и всех преступлений вообще, а в особенности причину «обманов, мошенничеств, плутней, грабежей, воровства, убийств, разбойничества»^[10]. Meslier считает верхом несправедливости то, что одни богаты, другие бедны, одни пресыщены, другие умирают с голоду и верит, что в его идеальном строе ни у кого и мысли не будет о воровстве, грабеже и убийстве, чтобы завладеть кошельком другого и водворится спокойная и счастливая жизнь, совершенно непохожая на внешнюю с ее прокурорами, адвокатами, нотариусами, приставами и другими «*les gens de l'injustice*»^[11].

С половины XVIII века вопросы уголовного права привлекают к себе особенное внимание многих выдающихся писателей. Главные свои усилия эти писатели направляли на борьбу с жестокими наказаниями своего века, но они также останавливались и на необходимости предупреждения преступления путем воздействия на причины, вызывающие преступность. Мы можем указать здесь Монтескье, Руссо, Беккарию, Бентама и др.

Montesquieu развивал положение, высказанное еще до него, а после него много раз повторенное: «лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать». Но что бы предупреждать преступления, необходимо знать их причины. Монтескье сделал попытку объяснить некоторые преступления влиянием на человека особых социальных условий. Так, например, он считал социальными причинами противоестественных преступлений дурное воспитание, многоженство одних и неимение жен другими, причину государственных преступлений — стеснение свободы и пр.^[12]

Руссо в неравенстве людей, в подчиненности одних другим, видел причину «плутства, завистничества, изменничества». Нападая на современный ему общественный строй Руссо говорит: «Я знаю, что все это не раз было сказано философами, но все это они только возглашали, я же это доказываю; они только указывали на зло, я же обнаружил его причины и раскрыл очень утешительную и полезную истину, а именно, что все эти пороки не присущи человеку, как таковому, а человеку извращенному дурным правительством». «Прежде чем были придуманы эти страшные слова, научившие людей отличать мое от твоего, прежде чем существовала та порода грубых и жестоких людей, которых называют господами и другая порода подлых трусов и лжецов, которых называют рабами, прежде чем народились те презренные люди, у которых хватает духу жить в изобилии благ земных, между тем как другие умирают с голоду, прежде чем взаимная зависимость сделала их плутами, завистниками и изменниками, прежде чем накопилось все это зло, я желал бы знать, в чем могли заключаться те пороки, те преступления, которые с таким пафосом приписывают людям». Таким образом Руссо причины всех преступлений и пороков видел в несовершенстве общественной жизни и противопоставлял ей естественное состояние и такой союз или государство, где все люди были бы свободны и равны и подчинены закону, но не людям^[13].

У Беккарии мы также находим несколько замечаний, из которых видно, что он признавал связь между социальной средой и преступностью^[14]. Так, в главе «о краже» он говорит о значении для этого преступления «ужасного и, быть может, ненужного права собственности»: «преступления этого рода совершаются большею частью бедными, несчастными и отчаянными людьми, которым право собственности (ужасное и может быть ненужное право) оставило только голое существование»^[15]. Причину преступления мужеложства Беккария видел также в социальной среде: «оно (мужеложство) берет свою силу не столько в пресыщении удовольствиями, сколько в воспитании, имеющем целью сделать человека ненужным самому себе и полезным только для

других, в этих заведениях, где замыкают буйствующую молодежь, где нет никакой возможности иметь других более правильных между людьми отношений и где вся сила развивающейся природы гибнет без всякой пользы для человечества и даже ускоряет приближение старости»^[16]. В социальной же среде лежит и причина детоубийства: позор незаконного рождения и нищета чаще всего бывают причинами этого преступления: «я вовсе не хочу уменьшать справедливый ужас, возбуждаемый этими преступлениями, но указывая их источники, считаю себя вправе извлечь из них следующий общий вывод: нельзя назвать справедливым (т. е. необходимым) наказание преступлений до того времени, пока закон не установит для их предупреждений лучших и притом возможных в исполнении средств в данных обстоятельствах государства»^[17].

Мысли названных выше авторов о необходимости предупреждения преступлений мы встречаем и у Бентама, разработавшего этот вопрос подробно и широко. Он говорил вообще о значении предупредительных мер в борьбе со всею преступностью и о различных специальных мерах для предупреждения отдельных преступлений, например, детоубийства, нищенства, воровства, насилования и пр.^[18].

Современник Бентама Brissot de Warville написал специальный трактат по вопросу о соотношении между правом частной собственности и воровством «Recherches philosophiques sur le droit de propriete et sur le vol, consideres dans la nature et dans la Societe (1782). Имя Brissot de Warville, как криминалиста, издателя очень интересной «Bibliotheque philosophique»^[19] по вопросам уголовного права мало известно, а между тем его взгляды, его научное направление представляют большой интерес. Особое внимание он уделял вопросам предупреждения преступления путем организации различных мер общественного характера. В указанной же выше работе о частной собственности и воровстве он ставит вопрос еще шире. Он различает два вида собственности: 1) собственность естественную, границы которой определяются потребностями индивида и 2) собственность, установленную властью в обществе, для защиты которой существуют уголовные законы. «Мы далеко ушли от природы; в естественном состоянии богач-вор, т.е. тот вор, у кого имущества более, чем требуют его потребности, а в обществе вор тот, кто крадет у этого богача». Далее, в главе, названной «следует ли наказывать смертью или налагать другое бесчестящее наказание на того, кого нужда приводит к воровству» автор высказывает те мысли, которые после повторил Прудон: «Не голодный бедняк заслуживает наказания, но богач, отказывающийся бесцеремненно в удовлетворении потребностей своего ближнего; Ce riche est le seul voleur»^[20]. Он называет жестокими судей, не перестающих нарушать естественные законы и наказывать несчастных, которых голод заставляет бросаться на пищу других, а она должна принадлежать имеющим в ней нужду. Необходимо вырвать зло с корнем: справедливым распределением богатств уничтожить нищету и тогда не будет больше воровства»^[21].

В другой большой своей работе «Theorie des lois criminelles» этот же автор высказывается еще яснее и подробнее о социальных факторах преступности: человек не рождается врагом общества, это обстоятельства делают его таким, его бедность и несчастья. В главе о средствах предупреждения преступления он предлагает постройку рабочих домов, организованных на началах гуманности, и в них видит одно из средств борьбы с нищенством; в устройстве воспитательных домов и родильных приютов, где сохранялось бы в тайне имя рожениц, он видит средство успешной борьбы с детоубийством; в улучшении политических условий страны условие уменьшения заговоров и восстаний; в воспитании народа он видит путь к борьбе с пороками и преступлениями»^[22].

Современник Brissot de Warville англичанин Godvin, которого Менгер считает первым представителем научного социализма, также пришел к выводу, что причины бедности и воровства лежат в самом строе государств: к воровству и обману побуждает преступника нищета, тирания богатства и только после радикальной реформы общества, когда каждый будет владеть лишь тем, что необходимо для удовлетворения его потребностей, исчезнет большая часть причин преступлений»^[23].

Почти одновременно с работой Brissot de Warville появилась в Швейцарии первым изданием, и через десять лет вторым в Париже, работа другого знаменитого политического деятеля—Marat'a: Plan de legislation criminelle»^[24].

Автор начинает свою работу с критики современных ему законодательств и находит, что как не ужасны бывают иногда преступления, все же действующие карательные системы еще более жестоки и несправедливы: находясь в полном противоречии с естественными законами природы они заботятся не об общем благе всех членов общества, а лишь о немногих. В таком несправедливом устройстве общества лежит причина преступности и чтобы побороть ее нужно прежде всего позаботиться об устранении этих несправедливостей; всем должны быть даны средства существования, приличное платье, защита закона, помощь в болезнях и в старости. Критику социального строя Марат влагает в уста обвиняемого в воровстве: вся эта речь перед судом—оправдание преступления вызвавшими его социальными причинами»^[25]. Как средства борьбы с преступностью Марат предлагал различные меры предупредительного характера и социальной реформы: устройство общественных мастерских, конфискацию монастырских имений и раздел их между бедными и пр.; для борьбы с фальсификацией съестных продуктов он предлагал конфискацию в пользу потерпевшего части имущества продавца фальсифицированных продуктов и помещение на его магазине вывески: «покупатель рискует быть здесь отравленным»^[26] и пр.

Мы переходим теперь к писателю и общественному деятелю особенно интересному для криминалиста социолога—к Оуену: его двадцатилетняя деятельность в Нев Ланарке служит подтверждением огромного влияния социальной среды на преступность.

Интересующая нас деятельность Оуена начинается с 1 января 1800 г. когда им в компании с другими лицами была куплена одна из больших английских фабрик в Нев-Ланарке, местечке в графстве Ланарк^[27]. Еще в 1785 и 1789 годах здесь были выстроены фабрики. Вследствие недостатка в рабочих руках, прежний владелец фабрики прибег к двум средствам. Во первых получил для работ на фабрике детей из различных воспитательных домов и благотворительных учреждений. Такие меры были в то время обычным явлением: «дети, обучавшиеся ремеслу, подобно рабам, массами пересылались попечителями о бедных из южных городов к северным фабрикантам, которые держали их в переполненных помещениях, прилегающих к фабрике, и заставляли работать по дням и ночам, совершенно пренебрегая всякими соображениями относительно физического и нравственного здоровья»^[28].

Дети не выносили ужасных условий жизни и умирали в громадном количестве. Другое средство, к которому прибег предшественник Оуена, было приглашение семей взрослых рабочих из других местностей страны с предоставлением им права жить при фабрике. Явившиеся рабочие были подонками общества; безнравственность и все пороки были распространены среди них; они платили дань всем видам преступности, и постоянные среди них раздоры религиозного характера не давали покоя администрации.

В таком виде застал фабрику Оуен в год ее покупки. По его собственным словам, воровство было профессией фабричных рабочих, пьянство привычкой, обман обычаем; всюду было недоверие, разобщенность, беспорядок, и их место должны были занять доверие, порядок и гармония.

Свою борьбу с воровством Оуен начал очень оригинально: он отдал приказание не возбуждать ни одного обвинительного дела за кражи с фабрики; отныне ни один человек ни на один час не был лишаем свободы, но за то были приняты самые усиленные меры надзора, предупреждения воровства, охраны фабричного имущества. В то же время он увеличил почасную плату рабочим и уменьшил с 16 до 10 1/2 число рабочих часов в сутки. Детям моложе 10 лет была запрещена всякая работа на фабрике и сделано обязательным посещение с 4-х летнего возраста школы, для которой Оуен построил прекрасное здание с залами для танцев, игр и гимнастики. Старших детей обучали кроме чтения и письма, музыке и пению. Принципом воспитания было отсутствие всякого наказания. Была устроена библиотека и вечерние курсы для взрослых; по праздникам устраивали концерты и танцы. Были свои общественные магазины, где рабочие за цену дешевле на 20% рыночной покупали лучшие продукты. Пищу готовили в обширной общественной кухне. При фабрике был свой доктор, и 1/60 своего заработка рабочие отдавали на образование капитала в помощь больным и старикам—товарищам.

Такова была в самых общих чертах деятельность Оуена. Она привела к поразительным результатам: мало-помалу совершенно исчезло пьянство, прекратились раздоры и дружно работали за одним станком люди, не выносившие друг друга ранее только из-за различия вероисповедания. О преступлениях совершенно забыли; за 16 лет не было совершено ни одного преступления на этой фабрике с населением выше 2400 человек и за 9 лет с 1800 по 1810 было всего 8 незаконнорожденных. В колонии вместе с материальным благосостоянием водворилась спокойная, счастливая жизнь; чувство солидарности воспиталось в людях, бывших ранее эгоистами; они уже понимали и высоко ценили общее благо. «Приходите и смотрите» говорил Оуен своим противникам. Они приезжали со всех концов Англии и из других стран и уходили пораженные достигнутыми результатами.

Эта практическая деятельность привела Оуена к следующим интересным для нас выводам. Вину и причины современной преступности надо искать не в личности, не в самом преступнике, но в той системе, в которой он был воспитан. Удалите, говорил Оуен обстоятельства, влекущие к преступлению, и преступление исчезнет, или удалите их такими другими, чтобы они могли развить привычки порядка, правильности, умеренности и труда. Усвойте меры справедливости и правосудия, и вы без труда приобретете полное и глубокое доверие низших классов. Настойчиво и систематически проводите принципы лучшего благосостояния, прибегайте к мерам возможно меньшей суровости для ограждения общественного порядка против преступлений, и мало-помалу они исчезнут, так как даже наиболее порочные и сформировавшиеся наклонности не смогут долго бороться с настойчивой благожелательностью. Такой образ действия везде, где он будет применен, будет наиболее могущественным, наиболее действительным средством предупредить преступление и исправить все порочные и скверные наклонности^[29].

На фабрике Оуена были произведены интересные для нас опыты исправления преступников. Властями сюда были присланы 5 человек, совершивших различные проступки; двое из них почти тотчас бежали, а трое сделались аккуратными, трудолюбивыми работниками.

Известно, что деятельностью Оуена заинтересовались его современники, и один из его соотечественников, присутствовавший на митингах Оуена, помещик сэр Ванделер, решил попытаться пьяное и дикое население Ралахайна превратить в трезвое и честное рабочее население»^[30]. Его имение было в графстве Клэр, где, по словам современных источников, «не существовало закона», а полиция была бессильна бороться с убийствами, грабежами,

вооруженными нападениями и проч. В течение 1830 и 1831 гг. Ванделер выстроил здания для аудитории, большой столовой, школы, лавки, домики для семейных рабочих. В ноябре 1831 года Ванделер предложил рабочим основать «Ралахайнскую земледельческую и промышленную кооперацию» в целях улучшения экономического положения членов, умственного и нравственного совершенствования. Рабочие отныне работали не на помещика, но для общества своей маленькой коммуны. И здесь произошло то же, что и на фабриках Оуэна; «видевшие Ралахайн,—пишет г. Булгаков, утверждают, что в нравах жителей произошло большое смягчение под совокупным усилием трезвости, лучших условий жизни, более не-зависимого положения женщин»^[31]. «Ралахайн посещали в эпоху его расцвета различные лица, и все удивлялись образцовому порядку и трудолюбию жителей, достигаемому без всяких насильственных мер»; и сам Оуэн, посетивший Ралахайн, писал об этом посещении: «народ показался мне здесь более счастливым, чем кто бы ни был из этого класса в Ирландии, которую я посещал в различные времена»^[32].

Учение о влиянии среды на преступность мы находим также у учеников Сен-Симона. В 1826 году после смерти С.-Симона его последователи приступили к пропаганде его доктрины путем издания газет (*Producteur, Glob, Observateur*), и чтения лекций^[33].

Одна из этих лекций, двенадцатая, была посвящена интересующему нас вопросу. «В действующих законодательствах,—говорили сен-симонисты^[34],—нет демаркационной линии между добром и злом, оно не считается с внешними обстоятельствами, которые одни могут определить действительную ценность совершенных актов, оно далеко от жизни, от реальности; судья—это какая-то машина, статьи закона—мертвые строки на бумаге. Оно думает перевоспитать человечество каторжными работами, но пока думают достичь воспитания социальных чувств одной репрессией, пока палач—один привилегированный учитель морали, до тех пор общество будет страдать в унижайшем рабстве. Забывают, что наказанные вышли из городов, где остались толпы таких же слабых, как они, и что они тоже пойдут за ними гибнуть морально в тюрьмах и, может быть, скажут последнее прости земле с эшафота»^[35]. Причины преступлений и всех неурядиц,—учили сен-симонисты,—надо искать в эксплуатации человеком человека, в существовании рядом класса ничего не делающих и тружеников не имеющих времени на развитие своих интеллектуальных и моральных способностей. Но праздным людям не должно быть места в обществе; только с их исчезновением воскреснет материально и морально самый многочисленный и вместе с тем самый бедный класс. Эта лучшая нравственная жизнь настанет тогда, когда общество преобразуется в огромную ассоциацию рабочих, равных между собой, где не будет никаких привилегий по рождению, где будет проведен принцип *à chacun selon sa capacité, а chaque capacité suivant ses oeuvres*. Нужно правильно поставить дело воспитания. Древние нации, предназначенные проводить жизнь в войне, имели прекрасно поставленное военное воспитание, а мы,—говорили сен-симонисты предназначенные для жизни в мире и труде, не имеем его: нужно из каждого из нас сделать «человека» и «работника». Тогда настанет славный день, и люди, воспитанные в братстве и гуманности, *pourront prétendre à une nouvelle couronne de sainteté*, тогда порок будет наказываться уже одним печальным видом причиненных им страданий. Пока этот идеал не достигнут, на ряду с уголовным или «отрицательным» законодательством *la législation négative ou pénale* должно существовать и «положительное» или награждающее за добродетель (*législation positive ou rémunératoire*). Преступлением будет всякое действие с ретроградной тенденцией, т.е. возвращение к привычкам прошлого с его характернейшей чертой—эксплуатацией человеком человека^[36]. Преступник для нас,—учили сен-симонисты,—только «*un fils du passé*» — сын прошлого, и мы должны направить все усилия к тому, чтобы сделать из него сына будущего. Судьей в этом новом строе будет лучший человек, лучше других знающий социальный порядок и любящий его больше других; он будет говорить: «Вы хорошо, а вы дурно поступили» и этого будет достаточно^[37].

Из этого изложения учения сен-симонистов мы видим, во-первых, что они относили преступление не к злой воле преступника, но смотрели на него, как на необходимое последствие всего политического и социального устройства государства; во-вторых, подвергали беспощадной критике действовавшие уголовные законодательства и борьбу с преступлениями только наказаниями; в-третьих, придавали решающее значение в борьбе с пороками и преступлениями реформам социального характера и особенно останавливались в значении мер воспитательного характера.

В одно время с трудами С.-Симона появлялись во Франции же работы Фурье. Первая его работа: «*Theorie des quatre mouvements*», появилась в 1808 году^[38]. Первое из этих *quatre mouvements* он называет *mouvement social*, второе — *animal*, третье—*organique* и четвертое—*matériel*. *Mouvement social*—объяснение законов Божеского управления социальными организмами, *mouvement animal*—объяснение законов, по которым Бог распределяет страсти, инстинкты всем существам мироздания.

Раскрытие этих законов и их изучение привело Фурье к его знаменитой теории фаланстеры или фаланги. Фалангой назывался тот военный строй, благодаря особенностям которого Александр Македонский завоевал большую часть мира. Фурье назвал фалангой тот свой новый социальный строй, которым он думал победить все мировое зло, все пороки, все преступления и дать страждущему человечеству счастье в т.н. фаланстерах, т.е. огромных зданиях, предназначенных для общей жизни в них 2.000 мужчин, женщин и детей. Здесь общие столовые, кухни, по отдельные

и притом различные квартиры. Работники получают здесь $\frac{5}{12}$ продукта труда, представители капитала - $\frac{4}{12}$ и представители таланта — $\frac{3}{12}$. «Это не коммунистический строй, — говорит Considerant в своих публичных лекциях, посвященных изложению доктрины Фурье^[39], — где однообразно звучит все одна и та же нота, где нет никакого места индивидуальному развитию, но музыка, где множество голосов согласованы в чудную гармонию». В своих лекциях Considerant подробно останавливался на доказательствах невозможности в фаланстере воровства, этого наиболее часто совершаемого преступления. Оно будет невозможно прежде всего потому, что никто не будет страдать от бедности, — мы не будем там видеть человека, этого царя мироздания, как теперь, в рубище, голодного и больного. Но кража будет невозможна и потому, что не будет места для сбыта краденого: в фаланстере жизнь у всех на виду и продать никому нельзя, так как право продажи и покупки остается только за фалангами.

Фурье страстно хотел на опыте доказать правильность своей основной идеи, ручался за успех и, нуждаясь в средствах для постройки фаланстеры, объявил, что лицо, желающее дать средства на опыт, может видеть его ежедневно в определенный час. Десять лет, изо дня в день, он ждал этого прихода и умер в 1831 году, не дождавшись. А несколько лет спустя другой энтузиаст, Gabet, может быть отчасти эти желания видеть хоть немного приближенными к живой действительности, свои утопические мечтания, облек свои общественные и политические взгляды в форму романа «Voyage en Jcarie» 1845 г. Основная тенденция этого романа выражена в словах, напечатанных на первой заглавной странице: «tous pour chacun, chacun pour tous. A chacun suivant ses besoins, de chacun suivant ses forces»^[40] etc. Автор рисует счастливую страну Икарию, где будто бы уже проведены в жизнь эти принципы. Жизнь икарийцев—полная противоположность нашей: «для нас,—говорит автор в предисловии,— чем более мы изучаем историю, тем мы глубже убеждаемся, что неравенство есть причина бедности и богатства, всех пороков, рождающихся один из другого, жадности и честолюбия, зависти и злобы, несогласия и всяких войн, одним словом, — всех зол, тяготеющих над отдельными лицами и народами»^[41].

В нашу задачу не входит передача подробностей нового строя Gabet, где он предусматривает все, начиная от одинакового у всех платья, для избежания зависти и кокетства, и кончая подробностями демократического правления страны. Для нас только важно отметить, что в этом новом обществе должны, в силу самого социального строя, по убеждению Gabet, исчезнуть не только преступления, но и детские ссоры: «vol—impossible! Banqueroute, fausse monnaie—impossible! Point d'interet pour le meurtre! Point de motifs pour l'incendie, les violences, les injures meme! Point de cause pour les conspirations!» Великими преступлениями, grands crimes, оставшимися в этой стране, считаются нерадение в работе, замедление в ее исполнении и клевета. У икарийцев нет надобности,—говорит Кабэ,—в суде в том его виде, как он существует у нас; у них нет «этих палачей-судей в красных мантиях, чтобы скрыть пятна крови, которой они забрызганы». Судьями икарийцев является само общество. Если совершено преступление в мастерской, судят работающие в ней; совершено оно в столовой, судят обедающие в ней. Самое позорное преступление—клевета, но, благодаря воспитанию, чувству братства в гражданах, она — редкое явление в жизни икарийцев, и за последние 20 лет не было ет случаев. Наказания в Икарии «ужасны»: опубликование отчета о разборе дела в общегосударственной или местных правительственных газетах с указанием или без указания полностью фамилии преступника, исключение из общественных мест, лишение некоторых прав в мастерской, но нет тюрем^[42].

Уже эта краткая передача взглядов Кабэ по вопросу о происхождении преступлений и борьбе с ними убеждает нас, что автор видел корни, причины преступности в той же самой социальной среде, в которой их ищет социологическая школа.

В социальной же среде видел причины преступности и Прудон, требовавший ломки всего строя для водворения в мире справедливости. В интересующем нас отношении он не сказал нового, а потому мы и не останавливаемся на нем подробно^[43].

Все рассмотренные выше работы были плодом философской мысли или даже фантазии авторов, недовольных строем их политической и общественной жизни страны и противопоставивших этому строю свои идеалы, часто с современною им жизнью ничем не связанные. Но деятельность Оуена и его последователя Ванделера представляла в этом отношении некоторые особенности: свою систему Оуен достроил на основании произведенных им опытов, особенно интересных для криминалиста в той их части, которой они касаются борьбы с преступлением путем улучшения условий жизни населения. Дальнейшее развитие этой идеи и научное обоснование ей дали представители моральной статистики.

Статистическое изучение преступления и научное раскрытие зависимости между преступностью и социальным устройством государств стало возможным лишь с самого конца двадцатых годов девятнадцатого столетия, когда начали собирать в известной системе статистические сведения о движении преступности сначала во Франции, потом в Бельгии и в др. государствах. И первые статистики, уделившие свое внимание вопросам статистического изучения преступления, принадлежали по своей национальности к этим двум государствам. Это были бельгийцы Ducpetiaux и Quetelet и француз Guerry.

Имя первого из них далеко не пользуется тою известностью, какую получили два последних, но работы его представляют выдающийся интерес для криминалиста. Он занимал должность главного начальника бельгийских тюрем и во всех своих многочисленных работах по вопросам уголовного

права проявил себя сторонником гуманных мер в борьбе с преступностью, убежденным противником смертной казни и проводником того направления в науке уголовного права, развиться которому суждено было много позднее, между прочим в трудах другого бельгийского начальника тюрьмы Prins'a, ставшего одним из самых видных представителей новой школы.

Первая работа Ducpetiaux появилась ранее работы Кетле и Герри; она выясняла влияние бедности и невежества на преступность и вышла в 1827 г. под заглавием: «De la justice de prevoyance et particulièrement de l'influence de la misere et de l'aisance, de l'ignorance et de l'instruction sur le nombre des crimes»^[44]. Основная мысль автора о громадном влиянии на преступность бедности и невежества подтверждается здесь цифрами; он отмечает параллельный рост преступности и бродяжничества в Англии, ставит оба эти явления в связь с экономическими условиями и подходит к убеждению, что степень нравственности народа и его безопасности зависят от степени распространения в народе образования^[45]. В другой своей работе «Des moyens de soulager et de prevenir l'indigence et d'eteindre la mendicite (1832) автор совершенно последовательно со своим учением о социальном происхождении преступления, обращает внимание на необходимость считаться с обстоятельствами, делающими из человека преступника: удивительно хороши законы, иронизирует он, не различающие порока от несчастья и безжалостно поражающие невинного из боязни, чтобы не оставить без наказания виновного. Противодействуйте ленности, боритесь с обманщиками, но считайтесь с обстоятельствами, в которых может находиться честный человек, принужденный нищенствовать; хорошенько поразмыслите, прежде чем превратить несчастье в преступление и к тягостям судьбы прибавить еще тягости осуждения»^[46].

В одной из своих более поздних работ «Le pauperisme dans les deux Flandres» Ducpetiaux описывает нищету этих двух провинций и связывает их преступность с их пауперизмом, как производящей причиной. Оказывается, что в то время как в других провинциях приходился один заключенный в центральных тюрьмах на 227 жителей, в двух Фландриях он приходился всего на 139 жителей. Наибольшее число осужденных в обеих Фландриях выпало на годы 1846—1847 гг., когда страну постигли неурожай. Выяснение зависимости между неурожаями страны и ее преступностью было сделано Ducpetiaux подробно и обстоятельно.

Еще более полное, чем у Ducpetiaux обоснование учения о социальном происхождении преступления, мы находим в многочисленных трудах знаменитого отца моральной статистики Кетле. Из его работ главный интерес представляет его «опыт социальной физики»^[47], где он обработал, между прочим, результаты своих предшествующих трудов по статистике преступности. Взяв эпиграфом слова Лапласа о необходимости применения к наукам политическим и нравственным метода опыта и наблюдения, принесшего столько пользы при изучении естественных наук, Кетле посвятил свое исследование доказательству подчиненности человеческих действий определенным законам.

Среди этих действий он с первых же страниц своего труда уделяет особенное внимание тем деяниям, которые квалифицируются законодательством преступными. В них он видит удивительное постоянство: не только число их из года в год одно и то же, но и орудия, которыми они совершаются, употребляются в одних и тех же пропорциях. «Общество, говорит он, заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступления, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок проступков, которые являются, как необходимое следствие его организации. Это наблюдение, которое на первый взгляд может показаться безотрадным, напротив очень утешительно, если ближе всмотреться в него. Оно указывает на возможность улучшения людей посредством изменения учреждений, привычек, состояния образованности и, вообще, всего что имеет влияние на их быт. Борьба с преступлением посредством соответствующего изменения социальных условий должна, согласно учения Кетле, занять важное место. Не смотря на казни, тюрьмы и каторгу преступления не уменьшаются, бюджет эшафотов оплачивается с удивительной точностью «с большою правильностью, чем дань природе или государственной казне»; на уменьшение этого бюджета и должны быть направлены все силы, а пока существуют одни и те же причины, всегда нужно ждать одних и тех же последствий»^[48].

В III части второго тома Кетле обращается к выяснению законов развития преступности или, как он говорит, к выяснению *penchant au crime*^[49] и приходит к выводу, что такое влечение к преступности находится в зависимости от возраста, пола чело

ека, его профессии, степени образования, времен года и пр. При выяснении степени важности каждой из этих причин автору пришлось, как и следовало ожидать, встретиться с большими трудностями: причины, вызывающие преступления, говорит он, так многочисленны и разнообразны, что становится почти невозможно определить степень важности каждой; случается, часто, что причины, казавшиеся очень влиятельными, сглаживаются перед другими, о которых вначале не думали^[50]. Среди причин, которым по мнению Кетле, приписывают ошибочно большее значение, находится между прочим степень образованности или вернее грамотности: умение читать и писать, без соответствующего морального развития не только не удерживает, но даже способствует совершению преступления. Указывая в некоторых случаях действительные причины преступности с замечательною правильностью особенно удивительною, если принять во внимание, что моральная статистика делала в то время еще только свои первые шаги, Кетле упускал иногда из внимания

другие причины этой преступности. Так, верно оценив значение мужского и женского пола, как факторов преступности, сумев дать объяснение женской преступности большею физическою слабостью женщины, ее отрешенностью от общественной жизни и замкнутостью в кругу семейственных обязанностей, Кетле совершенно упустил из внимания значение социальных и экономических условий при выяснении влияния на преступность времен года: для него как будто совсем не возникало вопроса почему констатируемое им повышение числа преступлений против собственности выпадает на зимнее время: сказывается ли здесь только влияние холода или также и бедности, не могущей укрыться от холода?

Вопрос о влиянии на преступность богатства и бедности также привлек внимание Кетле, но недостаток необходимого цифрового материала не позволил ему разрешить этот важный и интересный вопрос с должною полнотою. Тем не менее он нашел, что неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений, но не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворения всех своих потребностей ведет к преступлению. Не вдаваясь теперь в подробную оценку правильностей этого основного положения Кетле, мы не можем не заметить, что его метод доказательств этого положения едва ли может быть признан правильным: сравнение преступности богатых департаментов Франции с преступностью бедных покоится на совершенно ошибочном разнесении департаментов Франции на две группы богатых и бедных, независимо от действительного числа в них богатых и бедных.

Свои окончательные выводы о факторах развития преступности Кетле формулировал в следующих положениях. Факты морального характера существенно отличаются от физических фактов приводящею в них особою причиною, кажущеюся при первом взгляде ускользающею от всякого нашего предвидения: это свободная воля человека. Но опыт показывает нам, что эта свободная воля оказывает свое влияние в ограниченной области и весьма чувствительная для индивида она не имеет определяющего влияния на общество, где все особенности взаимно нейтрализуются. Когда рассматриваются человеческие действия, то факты моральные и физические должны быть подвергнуты одинаковым принципам наблюдения. И так как причины, влияющие на нашу общественную систему подвергаются лишь медленному изменению, можно сказать вековому, то отсюда удивительное постоянство господствующее в общественных фактах таковых как браки, преступления, самоубийства и пр.

В том же направлении, как Кетле, работал Guerry, напечатавший несколько статистических работ. Главнейшие труды его по моральной статистике Франции и Англии вышли первый в 1833 г. и второй 1864 году^[51]. Обе эти работы состоят главным образом из прекрасно исполненных картограмм и чертежей и сравнительно краткого текста к ним.

В основание вычислений *Essai sur la statist. morale de la France* легли цифры о числе обвиняемых во Франции за первые шесть лет французской уголовной статистики (за 1825 — 1830 гг.) Герри полагает, что цифры о числе обвиняемых представляются более ценным и точным материалом, нежели сведения о количестве осужденных, так как, по его мнению, условия попасть на скамью подсудимых во всей Франции одни и те же, а на осуждение и оправдание судом присяжных будто бы часто влияют обстоятельства ничего общего с виновностью не имеющие. Но такой взгляд не может быть признан правильным: постоянство процента оправданий и осуждений на каждую сотню обвиняемых в суде присяжных доказывает, что и в данных случаях, не может быть речи о случайных влияниях на решения присяжных; такие влияния возможные в отдельных случаях пропадают в общей массе вердиктов. Но кроме того несомненно, что обвиняемый в преступлении еще не есть доказанный преступник: его деяние, пока оно не установлено точно судом, не может представлять решающего значения для выяснения или характеристики преступности страны и, если за этими цифрами возможно признать какое-нибудь значение, то лишь вспомогательное: они дополняют картину преступности какую дают числа осужденных. Опирируя с числами обвиняемых в преступлениях, Герри разделяет их на две группы: преступления против личности и против собственности и выясняет влияние пола, возраста, времен года, распределение преступлений по департаментам и пр. Деление преступлений на эти две группы должно быть поставлено Герри в заслугу тем большую, что оно нередко забывается и в наши дни, несмотря на все выяснившееся различие преступлений этих двух категорий. Но многие и другие из выводов автора стали теперь общепризнанными истинами: таково утверждение его об особенной склонности старческого возраста к любострастным действиям над детьми, о большей преступности против половой нравственности летом, о значительной преступности больших городов и пр. Что касается, в частности, влияния на преступность богатства и бедности, то Герри, указывая на значительную преступность богатых департаментов и, наоборот, небольшую бедных, основательно отметил невозможность сделать в данном случае твердые выводы по недостатку необходимого материала, по неизвестности действительного числа богатых и бедных по департаментам Франции. С большею решительностью Герри, как и Кетле, отвергнул уменьшение преступности с распространением грамотности.

Герри предполагал сделать свою работу в более широком объеме, чем он сделал, но недостаток материала не позволил ему выяснить такие важные намеченные им вопросы, как влияние на преступность развития торговли, промышленности, путей сообщения и пр.

Вторая работа Герри: «Statist, morale de l'Angleterre comparee avec la stat. mor. de la France» по плану своего содержания напоминает первую так же как и по своим выводам и потому мы не будем на ней останавливаться.

Современник первых представителей моральной статистики знаменитый итальянский криминалист Romagnosi в своем капитальном труде «Genesi del diritto penale» неоднократно обращается к выяснению причин преступности. Мы находим у него как было указано выше, уже и классификацию этих причин, сводящихся: 1) к недостатку средств существования, 2) к недостаточности воспитания, 3) к недостаточности заботливости и 4) к недостаткам юстиции^[52]. Для Romagnosi наказание — крайнее средство борьбы с преступлением; к нему можно обращаться лишь тогда, когда исчерпаны средства предупреждения преступления. Говоря о влиянии на преступность недостатка средств существования difetto di sussistenza автор правильно различает кроме прямого влияния бедности еще и не прямое и отмечает особенное значение мер предупреждения для преступлений, вызываемых причинами экономического свойства, но «заботиться о поддержании существования, говорит он, не означает только распределение правительством ежедневно гражданам хлеба, но всяческое облегчение развития личной деятельности». Romagnosi не упускал также случаев пользоваться опытными доказательствами и в частности цитируя Бенгтама, указывал, что с отменой в Великом Герцогстве Тосканском привилегий, с поднятием народной морали, обеспечением бедняков и улучшением воспитания, которое должно делать людей трудолюбивыми и сердечными, преступления уменьшились в значительной прогрессии.

Т. о. Romagnosi вместе с Brissot de Warville и Ducpetiaux были первыми криминалистами подробно остановившимися в своих работах по уголовному праву на выяснении роли социальных факторов преступности и эта их заслуга не должна быть забыта.

Начиная с 40-ых годов вопрос о причинах преступности привлекает к себе особенное внимание статистиков, появляются на эту тему статьи и отдельные монографии Fayet Guillard, Corne, Wappäus, Vallentini, Oettingen, Mayer, Fuld, Starke, Wagner и др.^[53]. Мы не будем останавливаться на этих авторах. Общая им всем — та черта, что они пошли по пути, указанному Кетле, Дюкпетью, Герри; воспользовавшись статистическим методом изучения преступления они пришли и не могли не прийти к одному общему им всем выводу о законосообразности всех человеческих действий и в том числе преступлений и при этом очень часто правильно отметили внешние причины различных преступлений. Но несмотря на свое сравнительное обилие эти работы остались в большинстве случаев совершенно незамеченными современными криминалистами и только с начала восьмидесятых годов они получают должную оценку. Напомнил о них криминалистам автор труда о «преступном человеке» Цезарь Ломброзо.

Существует мнение, что Ломброзо и его последователи совершенно игнорируют общественные и все другие, кроме антропологических, факторы преступности. Этому обвинению особенно пострадалось: оно распространилось, укрепились и в наши дни стало почти общим. Сам Ломброзо считает такое обвинение своей школы совершенно неверным: «среди обвинений, более или менее ложных, распространенных против новой уголовно-антропологической школы, говорит он, в своем предисловии к труду Fornasari di Verce, одно много старше других и до сих пор все еще держится: это обвинение нас в отрицании экономических влияний, влияния среды». Ломброзо признает, что его школа не занималась выяснением социальных условий преступности в той степени, в какой занялась индивидуальными факторами, но свое оправдание он видит в стремлении школы внести в науку если не новые выводы, то по крайней мере менее признанные; новая антропологическая школа не считала нужным распространяться о фактах всем известных (notissimi), какими были факты экономического влияния^[54].

В этом же смысле оправдывался Ломброзо и ранее на втором конгрессе уголовной антропологии в Париже в 1889 году^[55].

Действительно, упреки школе Ломброзо в игнорировании социальных факторов преступности не могут быть признаны правильными. Правда, что антропологическая школа в громадном большинстве случаев не признает за этими факторами решающего значения, но с первых же шагов своего появления она обратила свое внимание и на них, а по мере своего дальнейшего развития обнаружила несомненную склонность придавать им все большее и большее значение: такова была эволюция взглядов самого Ломброзо и виднейших его последователей.

Уже в первом издании своего труда «l'Uomo delinquente» Ломброзо не обошел молчанием социальных факторов, а во втором издании он поместил специальную главу «Terapia del delitto», где говорил о различных предупредительных средствах против преступлений. В главе XIV этого же издания он отметил влияние на преступность цивилизации, создающей свою преступность; здесь же он пытался выяснить роль периодической прессы с ее пространными отделами скандальной хроники; он признал также, что с уменьшением цен на съестные припасы уменьшается преступность против собственности, но нашел что такое уменьшение сопровождается увеличением преступлений против личности^[56].

В небольшой книге выпущенной через год после второго издания l'Uomo delinquente т.е. в 1879 г.: «Incremento del delitto in Italia» Ломброзо подробно рассмотрел многие из социальных факторов преступности, в том числе бедность и, особенно, состояние юстиции.

Наконец, в 1897 г. Ломброзо опубликовал третий том своего пятого издания *L'Uomo delinquente* и значительную часть этого тома посвятил учению о социальных факторах преступности. Так, им были рассмотрены влияние на преступность цивилизации, голодовок, цен хлеба, образования, воспитания, экономического положения, стачек рабочих, эмиграции, иммиграции и пр.

В главе XVIII этого издания автор выясняет причины политических преступлений и останавливается здесь на развитии революционного духа в промышленных густонаселенных центрах сравнительно с земледельческими, являющимися, по его изысканиям, более консервативными, на значении системы правления, на различии классов в государстве, на экономических причинах и пр. Во второй части 3-го тома Ломброзо предлагает различные средства предупредительного характера в борьбе с преступностью: 1) для устранения тягостей нужды рекомендует экспроприацию латифундий, дающих благосостояние единичным личностям на счет бедноты массы; 2) улучшение путей сообщения; 3) отмену многих налогов и понижение других; 4) ограничение рабочего времени, запрещение ночной работы женщинам и др. меры^[57].

Подробнее, чем сам Ломброзо остановились на выяснении значения социальных факторов его последователи. Так Enrico Ferri уже в 1880 г. напечатал свою работу о движении преступности во Франции и установил зависимость между числом преступлений и экономическими условиями страны^[58]. Разделив причины, производящие преступность, на три группы (факторы антропологические, физические и социальные), Ферри объяснил значительное увеличение преступности во Франции влиянием изменившихся социальных условий, так как за исследуемый им короткий промежуток времени в 50 лет представляется «немыслимым изменение в антропологических и физических факторах т.е. изменения в природе и в самом человеке»^[59]. Объясняя рост преступности Франции большим потреблением алкоголя и другими причинами социального характера, Ферри с полным правом мог указывать на эту свою работу тем противникам школы Ломброзо, которые обвиняли ее в игнорировании социальных условий^[60].

В другой своей работе: «*La sociologia criminale*» Ферри разработал теорию так называемых уголовных заместителей «*sustitutivi penali*»^[61]. Так назвал он меры социального предупреждения преступления, которые, по его убеждению, являются более действительными средствами борьбы с преступлением, чем наказания. Законодатель, изучая происхождение, условия и следствия индивидуальной и коллективной деятельности, приходит к познанию психологических и социальных законов и при их помощи может влиять на факторы преступности, особенно на социальные. В виде примера Ферри рассматривает некоторые из этих заместителей, разбивая их на семь групп: заместители экономического свойства, политического, научного, законодательного и административного, религиозного, воспитательного и заместители в области семейного права. К числу экономических заместителей автором отнесены свободный обмен, который понижает цены съестных припасов, а с ними и преступность, особенно против собственности; свобода эмиграции, (освободит страну от людей неуравновешенных, толкаемых на преступления нищетою); уменьшение ввозной пошлины (приведет к уменьшению контрабанды); более правильная система налогов (уменьшит число обманов, мятелей и пр.); организация публичных работ в голодные и суровые зимы (уменьшит число преступлений против личности, имущества и общественного порядка). Огромное значение придает автор и мерам ограничения производства и продажи алкоголя. Замена бумажных денег металлическою монетою затруднит подделку и сбыт фальшивых денег. Далее Ферри рекомендует развитие учреждений народного кредита, увеличение жалованья чиновникам, как меру борьбы с подкупами, уменьшение часов работы для тех профессий, от исправного отправления которых зависит безопасность граждан (например, железнодорожная служба), улучшение путей сообщения, освещение улиц, наблюдение за постройкою домов, дешевые жилища для рабочих, развитие обществ самопомощи, страхование от несчастий, болезней, старости, развитие благотворительных учреждений, гражданская ответственность предпринимателей и пр.^[62] Политические уголовные заместители служат, по учению Ферри, лучшими средствами для борьбы с политическими преступлениями—заговорами, восстаниями, политическими убийствами и пр. Такими заместителями являются свобода убеждений, политические реформы, отвечающие народным желаниям и т. п. Автор ссылается на красноречивый пример Италии: в ней во время господства иностранцев ни эшафоты, ни каторжные работы не могли остановить политических посягательств, исчезнувших с установлением национальной независимости^[63].

Научный прогресс, дающий новые средства для совершения преступлений—гипнотизм, электричество, динамит, новые яды и пр. приносит с собою новые средства борьбы с преступностью и при том более действительные, чем уголовная репрессия. Печать, фотографирование и антропометрическое измерение преступников, телеграф, микроскопические исследования—могучие союзники в борьбе против преступников. Так, пиратство, непобежденное жестокими наказаниями, исчезло с применением к движению по морям пара. Именные чеки, устранившие необходимость частых пересылок денег, помешали грабегам более, чем какое-либо наказание^[64]. Говоря о заместителях законодательных и административных, Ферри отмечает благоприятное влияние на движение преступности различных законов: так, доступность гражданских судов предупреждает преступления против общественного порядка, личности и собственности; закон, позволяющий отыскание средств содержания с родителей на внебрачных детей, предупреждает детоубийства, совершаемые покинутыми матерями-девушками; упрощение

законодательства ведет к уменьшению обманов, «т.к. вопреки метафизической и иронической презумпции, что незнание закона никого не извиняет, в действительности лес кодексов, законов, декретов, регламентов приводит к бесчисленным ошибкам, правонарушениям и проступкам». Далее, суды чести, признанные законами, могут помешать дуэлям. Обвинительная и устная форма процесса превращает ложные доносы и показания. Общества помощи освобожденным из мест заключения также полезны, но менее чем принято думать: предпочтительнее помогать рабочим, остающимся честными, несмотря на их бедность. Учреждения помощи матерям-девушкам, убежища для покинутых детей—могущественные средства борьбы с преступностью^[65]. В области религии должны быть также приняты некоторые реформы, которые приведут к уменьшению преступности: запрещение публичных процессий будет иметь следствием уменьшение уличных беспорядков и стычек; уменьшение роскоши церковного убранства повлияет на уменьшение церковных краж, запрещение некоторых религиозных пелигримств уменьшит число преступлений против нравственности и сократит число оргий, происходящих во время этих пелигримств. Изменения в области семейного порядка и прежде всего облегчение разводов уменьшат преступления в семье, уменьшат супружеские измены и убийства; затруднение условий брака для некоторых лиц остановит наследственную передачу преступных наклонностей, Регламентация проституции имеет, по мнению Ферри, также благоприятное влияние на преступность^[66].

В отношении воспитания народных масс автор проектирует отмену некоторых народных праздников, устройство здоровых развлечений, закрытие игорных домов, ограничение доступа на заседания суда, обращение большего внимания на физическое воспитание детей и пр.

Аналогичные мысли развивал Ферри и на уголовно антропологических конгрессах. Так, на втором конгрессе в Париже в 1889 г. он делал доклад об относительном значении индивидуальных, физических и социальных условий, определяющих преступление^[67]. Каждое преступление является для докладчика результатом взаимодействия трех условий и невозможно дать общий ответ на вопрос об относительной силе действия каждого из трех факторов. Социальные и, особенно, экономические причины оказывают свое влияние преимущественно на воровство и менее на убийства и насилования, но несомненно, что некоторая часть убийств вызывается социальными причинами (игра, алкоголизм, общественное мнение и пр.); причинами этого же порядка часто объясняются насилования (особенно влиянием дурных жилищ). Но с другой стороны, не всякое воровство вызывается социальными причинами; в то время, как случайное простое воровство вызывается скорее всего социальными причинами, воровство с насилием, с убийствами является скорее всего продуктом личных особенностей преступника. В отличие от господствующего мнения социологической школы криминалист-антрополог Ферри не допускает возможности совершения преступления в силу одних социальных условий, без влияния антропологических факторов. Возражая Лакассаню, сравнивавшему преступника с микробом, развивающимся лишь в подходящей среде-обществе, Ферри говорит, что среда не в силах породить преступление, если нет микроба^[68]. Этим микробом Ферри, в согласии с Ломброзо, считает ненормальности в физической и психической организации преступника; без такой ненормальности для него немислим не только прирожденный и привычный, но даже и случайный преступник, а так как ненормальности являются результатом не только социальных условий, но и наследственности, то даже полное преобразование современных государств в социалистические общества приведет не к совершенному исчезновению преступности, а лишь к значительнейшему ее уменьшению^[69]. Впрочем, в более поздней своей работе Ферри высказался несколько иначе и полагал, что в социалистическом строе случайные и привычные преступники, являющиеся продуктом социальной среды, должны необходимо исчезнуть^[70]. Как Ломброзо уделяет в настоящее время общественной среде внимания более, чем ранее, так и Ферри склонен придавать ей, по-видимому, более значения, чем он признавал его в начале своей научной и политической деятельности, когда еще не принадлежал к социалистической партии, видным представителем которой теперь он является.

Третий виднейший сторонник уголовно - антропологической школы барон Гарофало (Garofalo) посвятил себя юридической стороне изучения новой школы, но и он не пренебрег изучением также и социальных факторов преступности, хотя и пришел в данном случае к решениям почти всегда прямо противоположным результатам изысканий криминалистов социологической школы.

Свой труд Гарофало назвал криминологией (*La Criminologie*)^[71]. Это учебник уголовного права, где на ряду с юридическим изучением преступления и наказания в свете новой школы вошли также вопросы об особенностях преступника и о влиянии на преступность бедности, цивилизации, воспитания и пр.

Гарофало начинает изложение своей теории с выражения уверенности в преувеличенности мнения о тяжестях бедноты и особенно ее голодной нужды. Он не отрицает, что пролетарий более, чем кто либо другой подвергается опасности голода вследствие того, что все его существование зависит от поденного заработка, но полагает, что при современном состоянии нашей цивилизации почти все желающие находят работу кроме случаев кризисов и, если, по несчастию, они не находят ее, к ним всегда протягивается чья-нибудь благотворительная рука. Несомненно существует бедность, но, так как причина ее, по мнению Гарофало, почти всегда недостаток энергии, деятельности, то она сопровождается апатией и довольствуется тем, что влачит чисто животное существование. Огромная часть рабочего класса страдает не от голода, но скорее от невозможности доставить себе столько удовольствий, сколькими пользуются на его глазах более

состоятельные классы. Жажда удовольствий это своего рода танталовская жажда, но испытывает ее не только пролетариат, а все: работающий за поденную плату считает себя бедняком перед хозяином, мелкий собственник перед большим, служащий перед начальником и т. д. Не особое экономическое положение приводит к преступлению, а совершенно особое психическое состояние, характеризующееся полным отсутствием или уменьшением чувства честности. Гарофало уверен, что преступления не могли бы исчезнуть даже в том строе, где совершенно не было бы бедных, «так как бесчестные люди не могут исчезнуть и раса лентяев и праздношатающихся не умрет никогда даже в фалангах Фуре».

Но главные возражения Гарофало против значения бедности как фактора преступности состоят в следующем. Пролетариат характеризуется полным отсутствием капитала, но такое экономическое состояние, если не считать случаев исключительной нужды в необходимом т. е. жилище, пище и отоплении, не представляет ничего ненормального для тех, кто привык к нему. Оно составляет затруднение только для тех, кто имеет желания и потребности, но не может удовлетворить их при помощи своего заработка. Но подобное экономическое затруднение может испытывать по аналогичным основаниям и класс капиталистов, если слово заработок мы заменим словом доход. Ничто не говорит нам, что это соотношение между желаниями и возможностью их удовлетворения более велико в низших классах. Наоборот, у богатого класса, знающего комфорт и роскошь, потребностей больше и оде разнообразнее, а потому здесь чаще должны быть случаи страдания, испытываемого от неудовлетворенных желаний. Отсюда автор делает вывод, что бедность не должна приводить к преступлению скорее богатства. Переходя от этих соображений к доказательствам, он признается, что у него нет прямых статистических данных, которые могли бы подтвердить правильность его выводов, и потому обращается к сложным выкладкам и на основании их пытается показать, что класс богатых дает столько же преступников, сколько и бедный.

Он берет отчет по уголовной статистике Италии за 1889 год и предполагает, что 72 кражи вооруженных или сопровождавшихся убийством, 485 краж с насилием и покушений на них и наконец 8444 квалифицированных воровства, (считая в этом же числе покушения на квалифицированные кражи и укрывательство похищенных вещей), а всего 9001 преступление совершены пролетариями. Этому числу он противопоставляет: 370 похищений, подкупов и взяточничеств чиновников, 1148 подделок монеты, бумаг, государственных облигаций, печатей и марок, подлогов в публичных актах и пр. 433 банкротства и торговых обмана, а всего 1951 преступление; это последнее число автор относит к преступности состоятельных классов, имеющих ту или другую собственность. Отношение этих двух цифр (9001:1951=100:83) показывает отношение преступности пролетариата и класса собственников. Но таково же, по мнению Гарофало, отношение числа пролетариев в Италии к числу собственников (86 бедных на сто жителей). Отсюда автор делает вывод, что пролетариат не дает большей преступности в сравнении с другими классами и что, следовательно, нищета, не является фактором преступности. Но отрицая за бедностью значение фактора преступности, Гарофало признал, что резкие общественные изменения—«les troubles anormaux»—производимые например, голодом, революцией, коммерческими кризисами и войною, могут привести к увеличению тяжелой преступности. Впрочем, и в данном случае Гарофало остается верным своей основной точке зрения, что только бесчестный становится преступником и полагает, что эти кризисы и перевороты лишь превращают один вид преступности в другой, делая из вора разбойника, из менее опасного преступника более опасного^[72].

Не останавливаясь в настоящее время на критике теории Гарофало, мы лишь отмечаем тот факт, что и этот сторонник уголовно-антропологической школы не прошел молчанием вопроса о влиянии общественной среды как фактора преступности и в некоторых случаях даже признал за нею второстепенное значение.

В том же 1885 году, когда вышло первое издание *Criminologia* Гарофало, состоялся первый международный конгресс по уголовной антропологии, в программу которого был включен, между прочим, вопрос о влиянии на преступность Италии экономических условий^[73]. Докладчик по этому вопросу, сторонник уголовно-антропологической школы, Rossi признал влияние экономических и термометрических условий. Взяв для исследования период с 1875 г. по 1883 г. он нашел, что:

1. Число преступлений и проступков против собственности (отсюда были выделены квалифицированные кражи и вооруженные нападения) находится в зависимости от метеорологических изменений и колебаний цен на съестные припасы. Максимум этих преступлений выпал на 1880 год, когда цена хлеба была очень высокая, а зима стояла холодная. В 1877 году, несмотря на повышение цен хлеба преступления против собственности увеличились не особенно сильно, благодаря мягкой зиме; с 1880 г. по 1883 г. цена зерна падала, зимняя температура оставалась довольно высокая и потому преступность непрерывно и значительно понижалась.

2. Такая же зависимость, но с еще большею правильностью устанавливается и между числом квалифицированных краж с одной стороны и ценою хлеба и температурою с другой: в период с 1875 г. по 1883 г. за исключением лишь двух лет (1877 и 1879 г.г.) каждое понижение зимней температуры вызывало увеличение числа квалифицированных краж и, наоборот, повышение температуры приводило к уменьшению этих преступлений. То же самое было констатировано докладчиком и относительно хлебных цен: высокие цены в 1880 г. при низкой температуре дали максимум преступлений рассматриваемой категории.

3. Преступления против личности находятся в обратном отношении с ценами на хлеб^[74].

4. Преступления против нравственности Rossi ставит в связь с изменениями температуры.

5. Цена на вина находится в обратном отношении с числом беспорядков, насилий и оскорблений нанесенных полицейским агентам^[75].

Таким образом рассмотрение трудов Ломброзо, Ферри, Гарофало и Росси приводит нас к необходимости признать неправильными упреки делаемые сторонникам уголовно-антропологической школы в игнорировании ею изучения социальных факторов преступности^[76]. С первых же дней своего появления она уделяла им свое внимание, но так как она уделяла его несравненно больше антропологическому изучению преступника и при этом признала, что решающее значение в развитии преступности имеют антропологические особенности, то отсюда, вероятно, и получило свое распространение указанное выше ошибочное мнение. Разногласия, возникшие между криминалистами по вопросу о значении различных факторов с одной стороны, а с другой пренебрежительное отношение антропологов к юридическому изучению преступного деяния, привели к страстной борьбе в области науки уголовного права и к образованию той новой социологической школы уголовного нрава, которая поставила своею главною задачею исследование социальных причин преступности.

---

^[1] Часть этой главы пашей работы была напечатана нами в «Научном Слове» № 1 за 1904 г.

^[2] *Marche de la criminalite en France 1825—1880* (Revue Scientif. 1881 № 22).

^[3] *Prins: Science penale et droit positif*. 1899 стр. 20.

^[4] *Congres Internat, d'antrop. crimin. Compte rendu de la V session tenu a Amsterdam 9—14 sept. 1901*. Hector Denis: «Le socialisme et les causes economiques et sociales du crime».

^[5] *De optimo Reipublicae statu, deque nova Insula Utopia*. Van Kan в историческом введении к своей работе «*Les causes economiques de la criminalite*, Paris. 1903» приводит выдержки о зависимости преступности от бедности, взятые им из произведений Платона, Аристотеля, Горация и др. древних писателей, а также из трудов отцов церкви, но эти отдельные и короткие фразы (на 20 страницах более чем из 50 писателей) не являются характерными для названных авторов, а потому мы и не считаем нужным заходить так далеко, как это сделал Van Kan.

^[6] *Si quidem cum pessime sinitis educari et mores paulatim ab teneris annis corrumpi, puniendos videlicet turn demum, cum ea flagitia viri dessignent, quorum spem de se perpetuam a pueritia usque praebuerant: quid aliud quaeso quam facitis fures et eidem pleotitis*. Thomas Morus «*Utopia*», herausgeben von Michels u. Ziegler. 1895, 21 стр.

^[7] Сам Морус однако оставил это наказание в своей Утопии за некоторые из преступлений, например, за повторное прелюбодеяние, за незаконные сходы. Главное место в его карательной системе занимает уголовное рабство: преступники получают все необходимое для жизни: они работают на общество и им содержатся. В некоторых случаях они работают и на частных лиц за плату меньшую обычной заработной платы; они отрабатывают стоимость данного им платья, всего их содержания; часть их заработка идет в государственную казну. На рабов возложена между прочим обязанность по убою скота; труд мясников запрещен гражданам Утопии из опасения, что пролитие крови животных убьет в них чувство сострадания и разовьет опасную грубость нравов. T. Morus. Deutsch von H. Kothe. 27—29, 76 s. s.

^[8] См. Вечная Утопия А. Кирхенгейма. Спб. 1901 г., 71—86 стр.

^[9] Jean Meslier «*Le testament*» Amsterdam 1864, I—III v. v.

^[10] *Ibid*. II т. 215 стр.

^[11] *Ibid*. II т. 208.

^[12] *Mantesquieu: Esprit des lois 1748. Oeuvres completes de Montesquien*. Paris, 1892, I v. 382 p. см. М. П. Чубинского «Очерки угол. политики» стр. 236 — 246. В этом труде проф. Чубинского — много ценного материала по интересующему нас вопросу о факторах преступности.

^[13] А. С. Алексеев: Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо в ее отношении к учению Montesquie о равновесии властей и в освещении одного из ее новейших истолкователей. Вест. Права 1905 г. № 2, 58 стр. С.м. Руссо. *Du Contrat social 1760*. А. С. Алексеева. Этюды о Руссо. I — II г. Москва 1887 г., особенно т. II 73 — 85 стр.

^[14] *Beccaria: Dei delitti e delle pene 1764*, рус. перевод С. Зарудного: Беккария о преступлениях и наказаниях и русское законодательство. Спб. 1879. Подробно у М. П. Чубинского ук. соч. 254—269 стр.

^[15] Зарудный, стр. 119.

^[16] Там же 139.

^[17] Там же 140.

^[18] См. Чубинский: ук. соч. стр. 340 — 345. Bentham: *Traites de legislation civile et penale*, 1802. *Theorie des peines et recompenses*, 1811.

^[19] *Bibliothèque philosophique du legislateur, du politique, du jurisconsulte*. Berlin MDCCLXXXII. В VI кв. напечатана работа Brissot de Warville: *Moyens de prevenir les crimes en France*, в IX I. перевод выдержек из Утопии Т. Моруса по вопросам о борьбе с преступностью, в VII т.—работа Petion о средствах предупреждения детоубийства. Из перечня этих работ уже можно видеть какое большое значение придавал издатель Bibl. philos. вопросам о предупреждении преступлений.

[20] Brissot, de Warville «Sur le droit de propriete et sur le vol» (Bibl. philos. 1782. VI v. 334 p.).

[21] Ibid 338 p.

[22] Theorie des lois criminelles. Neuchatel MDCCLXXXI, 1 — 2 v. v. В этой работе автор задался целью написать план кодекса, годного для всех народов и полагал достаточным для достижения этой цели следовать тому, что диктует разум: «pour attendre ce but c'est la raison seule qu'il faut escouter» 11 p. Многие из выводов автора, бывшие парадоксальными для его времени, остаются такими и для наших дней, но некоторые из его положений вошли в современные кодексы (например исключение из числа преступлений скотоложства и адюльтера).

[23] Anton Menger: Le droit au produit integral du travail (traduction Paris. 1900) p. 58. Работа Godvin'a: Enquiri concerning political justice London. 1796.

[24] Полное заглавие: Plan de legislation criminelle, ouvrage dans lequel on traite des delits et des peines, de la force des preuves et des presumptions, et de la maniere d'aquerir ces preuves et ces presumptions durant l'instruction de la procedure de maniere a ne blesser ni la justice, ni la liberte, et à, concilier la douceur avec la certitude des châtiments et l'humanite avec la sûrete de la societe civile par M. Marat. Paris 1790.

См. также Günther: Jan Paul Marat, der «Ami du peuple» als Kriminalist (Gerichtsaall 1902, 61 B. 161—252 s.s. u. 321—388 s.s.). Из предисловия к работе Марата видно, что она была представлена автором в 1778 г. одному Швейцарскому обществу, пожелавшему иметь план уголовного кодекса; издана впервые в Nenchatel в 1780 г. см. Thonissen Melanges d'histoire de droit et de l'economie politique. Louvain. 1873: «Marat jurisconsulte».

[25] Suis je coupable? je l'ignore; mais ce que je n'ignore pas c'est que je n'ai rien fait que je n'ai du faire. Le soin de sa propre conservation est le premier des devoirs de l'homme... qui vole pour vivre, tant qu'il ne peut faire autrement, ne fait qu'user de ses droits. Vous m'imputer d'avoir trouble l'ordre de la societe. He, que m'importe cet ordre pretendu qui toujours me fut si funeste (19).

[26] Ibid. 65 p.

[27] Examen impartial des nouvelles vues de M. K. Owen et de ses etablissements etc. par Macnab. Paris 1821.

[28] Гобсон: Проблемы бедности и безработицы. Перев. Зака и Франка. Спб. 1900 г. 164 стр.

[29] Macnab., op. cit., 77—78

[30] «Ралахаинский эксперимент», статья С. Булгакова в «Мире Бож.» 1900 г. № 2, стр. 218—233.

[31] Ibid., 229 стр.

[32] Ibid., 232 стр.

[33] «Doctrine de Saint-Simon». Exposition premiere, annee 1829. Secondo Edition. Paris, 1830.

[34] Sebastien Charlety «Histoire de saintisimontsimo» (1825—1864), 1896, 69 p.

[35] «Doctrino du Saint-Simon». Exposition, p. 309, 314.

[36] Ibid., 316 p.

[37] Seb. Charlety, ук. соч., стр. 70.

[38] Ch. Fourier. «Oeuvres completes». 2 edit. Paris, 1841.

Pellarin: Fourier, sa vie et sa theorie 4 edit. 1850.

[39] Victor Considerant: «Exposition abregee du systöme phalansterien de Fourier». 3 edit. Paris, 1845. 27—28 pp.

[40] На этой же заглавной странице мы читаем: «главное право — жить; главная обязанность — трудиться. Равенство. Свобода. Избирательное начало и проч.».

[41] Cabet: «Voyage en Icarie». 1845, pace, II.

[42] Кабэ приводит образчик приговора икарийского суда. Этот приговор выявляет взгляды автора на недостатки современного ему судопроизводства и не лишен интереса. Мы приводим его. «Докладчик цензурного комитета (Comite de censure) докладывает, что Т., уже раз осужденный собранием за проступок, в котором он сознался и о котором донес Д., обвинил последнего в его отсутствии в том, что он донес на него по злости. Такое обвинение было бы позорно для Д., если было бы справедливо. Но собрание может припомнить поведение Д., никто не обвинял его тогда в донесении по злости, и потому обвинение Т кажется ложным и клеветническим». Докладчик вызывает затем обвинителя и свидетелей, и они подтверждают обвинение. Обвиняемый признается в клевете и высказывает свое сожаление. Многие присутствующие принимают участие в защите обвиняемого, не оправдывая его, однако, вполне. По окончании прений председатель ставит вопрос о виновности Т. в клевете, и собрание отвечает единогласно «да» и большинство голосов признает наличность смягчающих вину обстоятельств. Докладчик и два члена комитета определяют в виде наказания публикацию отчета о заседании суда в газете без упоминания фамилии. Это предложение и принято собранием» (стр. 132—133).

Кабэ удалось привести свои утопические мечтания в действительность и основать колонию в Техасе, а потом в Иллинойсе, но они вполне разрушились еще при его жизни и «от всего этого обширного идейного замысла осталось в настоящее время не более какой-нибудь дюжины домиков,—небольшая деревенька Икария в штате Иова (Кирхенгейм ук. соч. 262 стр.).

[43] Prondhon: De la justice dans la Revolution et dans l'Eglise. О Прудоне см. Чубинский: Очерки угол. полит. 451 — 452 стр., van Kau.: lys causes econ. 213—215.

[44] Работы: Ducpetiaux: 1) De la peine de mort. Brux. 1827; 2) De la justice de rapression et particulièrement de l'inutilite et des effets pernicioeux de la peine de mort 1827; 3) De moyens de soulager

et de prevenir l'indigence et d'eteindre la mendicite 1832; 4) Rapport sur l'etat des prisons en Belgique 1833; 5) Statistique de la peine de mort en Belgique, en France, en Angleterre 1833; 6) Compte de l'administration de la justice crim. en Belg. 1831— 34—36; 6) Des progres et de l'etat actuel de la orme penitantiare et des institutions preventives aux Etats Unis, en France, en Suissu, en Angleterre et en Belgique 1837; 7) Le pauperisme dans les deux Flandres 1850 и др.

[45] Указ. соч. стр. 38.

[46] Ducpetiaux: les moyens de soulager et de prevenir l'indigence p. 29-30.

[47] Quetlet: Recherches statistiques sur le royaume des Pays Bas. Bruxelles 1829.—Recherches sur le peuchant au crime (Memoires de l'Academie de Bruxelles t VII—1831 и отдельное издание 1833 г.)—Sur la possibilite de misurer l'inflnce des causes qui modifient les elements sociaux, Brux. 1832.—Sur l'homme et le developpement de ses facultes, ou essai de physique sociale. Brux. 1835 l-u edition Paris chez Bachelier (1-я часть переведена на русский язык: Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики. О.И. Баксга СПб. 1865 г.).

[48] Кетле: Человек и развитие его способностей СПб. 1865 г. 7—8 стр.

[49] Je nomme «peuchant au crime» la probabilite plus ou moins grande de commetre im crime (Quetelet: Phisique sociale 1869).

[50] Ibid 278 p. II v.

[51] Guerry: Essai surla statistique morale de la France 1833. A. M. Guerry: Statistique morale de l'Angleterre comparee avec la statistique morale de la France d'apres les comptes de l'administratioin de la justice criminelle en Angleterre et en France etc. Paris. 1864.

[52] Romagnosi: Genosi del diritto penale. Firenze. Quinta edizione 1834 §1021.

[53] Fayet: sur le progres de la criminalite en France, Jour. des economistes 1846 janvier.

Guillard Elements de statistique humaine Paris 1855.

Corne: Essai sur la criminalite, sur ses causes, sur les moyens d'yremedier (Jour des Econ. 1868).

Wappaus: Allgemeine Bevölkerungsstatistik, Leipsig 1859—1861.

Valenüni. Das Verbrechertum im Preussischen Staate. Leipsig 1869.

Oettingen: Die Moralstatistik u. Die christliche Sittenlehre, Erlangen 1874.

Mayr: Die Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben München 1877.

Fuld: Einfluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen. 1881.

Starke: Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1856—1878. Ber. 1884.

Wagner: Die gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen 1864.

Неклюдов: Уголовно-статист. этюды СПб. 1865.

Van Kan, O. C., VIII chap-, 373—443 pp. подробно останавливается на трудах статистиков.

[54] Fornasari di Verce: La criminalita e le vicende economiche d'Italia. Torino 1894 p. V.

[55] «On n'ecrit pas des ouvrages pour demontrer que le soleil nous eclaire» говорил тогда Ломброзо, указывая на несомненное влияние общественной среды (318 p. Actos du 2-me congres Int. d'anthr. crim, Paris, 1890).

[56] C. Lombroso: L'uomo delinquente in rapporlo all' antropologia, gurisprudenza e alle discipline carcerarie. Roma 1878—252, 257, 260 pp.

[57] C. Lombroso: L' Uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla gurisprudenza ed alla psichiatria. Quinta edizione, Volume terzo, Torino, 1897. Есть немецкое издание: Hans Kurella und Jenitsch: die Ursachen u. Bekämpfung des Verbrehens. Berl. 1902. Часть 3-го тома переведена на русский язык: «Преступление» перев. Гордона СПб. 1900.

[58] Archivio di Psich. i Scienze Penali 1880 «Dei sustitutivi penali». Annali di statistica Eoma 1881 Serie 2, vol. 21, также в Biblioteca Anti-giuridica -serie I vol. XXXI, Ferri: Studi sulla criminalita ed altri saggi. Torino. 1901, 17—60 p.p: Studi sulla criminalita in Francia dal 1826 al 1878.

[59] Studi sulla criminalita p. 35.

[60] «Cio serve di risposta... a quelli ehe in Italia ed in Francia rimproverarano alla scuola criminale positiva di preoocuparsi esculisivamente dei fattori antropologici del delitto, transcurandole le cause sociali» (ibid. 19 p. nota).

[61] Первое издание 1881 г.—Bologna (150 стр.) и второе 1884 г. под заглавием «Nuovi orizzonti di diritto e della procedura penale», третье на франц. яз. 1893 г. — La sociologie criminelle. В 1900 г. — четвертое итальянское издание: Sociologia criminale. Torino (1000 стр.).

Об уголовно-антропологической теории Ферри см. Вульфферт: Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии. 1 вып. 1887, 152—370 стр.

[62] Ferri. Sociologia criminale 1900 г. 394—462 p.p.

[63] Ibid 426 p.

[64] Ibid 430 p.

[65] Ibid 430—436 p.

[66] Ibid 437-445 p.

[67] Ferri: Sur la valeur relative des conditions individuelles, phisiques et sociales qui determinent le crime. Actes du 2 congres Internat, d'antlirop. crim. p.p. 42—48.

[68] «De sorte que, microbe et bouillin, côte biologique et côte sociale, sorit les deux aspects fondamentaux de la criminalite, et completent, comme. je le disais, les donnees essentielles de l'anthr. criminelle» (ibid. 174).

[69] Actes de 1-er Congres Int. d'anthr. crim. p. 171.

О преступности в социалистическом строе см. Ferri: *socialisme et science positive* Paris 1896, 195—200 p. итальян. изд. 1894 г. p.p. 40—42, также Ferri: *Socialismo e Criminalita* Torino 1883. A. Menger: *Letat Socialiste*. Paris. 1904, 208—216 p. Rostand: *Criminalite et .Socialisme* Paris. Colajanni: *Socialismo e criminalita*. Rivista Popolare di politica, lettere e scienze sociali № 1, 2, 4 — 904. De Felice: *Principii di Social. crim.* 1902, *Socialismo e la delinquenza* (124—137).

[70] Neue Zeit XIV, 355 s, Ferri: *Kriminalle Antlropologie und Socialismus*. Rosenfeld приписывал это развитие научных взглядов Ферри влиянию на него социологической школы (Rosenfeld: *Die dritte Schule* Mitt. d. kr. Ver. 1894).

[71] Garofalo, baron: *La criminologie*. Paris. 1895. Первое итальянское издание 1885 года: *La Criminologia*. О Гарофало см. Вульферт: *Антрополого-позитивная школа угол. права в Италии*, вып. I, 1887, 371—500 стр.

[72] Garofalo: *La Criminologie*. 1895, 171—193 p.p.

[73] De l'influence des conditions meteoriques et economiques surla criminalite en Italie (Actes de premier congres international d'anthropologie criminelle. Rome, novembre 1885. 295—301 p.p.).

[74] Rossi затрудняется объяснить причину этого обратного влияния и высказывает два предположения: «peut - etre les .variations des prix du ble sont elles eu connexite avec celles du prix du vin; peut - etre une nourriture plus substantielle en gtngre-t-elle les rixes». Op. c. 229 p.

[75] Этот последний вывод Rossi относится лишь к Риму.

[76] См. защиту этого же положения у Д. А. Дриля. Actes du III, Congr. Inter. d'anthr. crim. 1893, 37—40, 344 p.

ГЛАВА IV. Социологическая школа науки уголовного права и учение ее сторонников о социальных факторах преступности.

Турати. – Социалистическое укрыло социологической школы уголовного права. – Социализм и преступность. – Труд Колаяни. - Влияние на преступность возраста. – Влияние пола. – Влияние семейного состояния: внебрачное происхождение; влияние брака. – Влияние наследственности. – Влияние расы. – Влияние физических факторов. – Влияние бедности. – Влияние на преступность цен хлеба и неурожаев.

Через шесть лет после выхода в свет первого издания труда Ломброзо о преступном человеке, т. е. как раз в то время, когда слава этого Туринского профессора достигла своего апогея и его имя стало известно всему ученому миру, миланский адвокат и депутат социалист Turati выступил против него со своею небольшою книжкою застрельщиком нового социологического направления^[1]. Как и подобает застрельщику Турати вышел на борьбу не с тяжеловесным, кропотливым трудом, но с небольшою брошюрой, написанной тем сжатым и сильным языком, которым этот социалист прославился, как лучший оратор итальянского парламента. Напрасно мы стали бы искать у автора в этой его работе, получившей в Италии огромное распространение, веских доказательств и всестороннего освещения трактующих в ней вопросов; это скорее символ нового учения, развить которое и обосновать предстояло впоследствии другим в форме более научной и спокойной. Несмотря на указанные недостатки работа Турати имеет в истории развития социологической школы большое значение: она ясно поставила вопрос о социальном происхождении преступности и, выяснив отрицательное отношение автора к классическому и антропологическому направлению в науке уголовного права, указала на необходимость изучения преступности, как продукта современного политического и общественного устройств в государствах.

Свою работу Турати начинает краткими указаниями на повсеместный рост преступности. К этому прискорбному явлению наука, правительства и общественное мнение отнеслись различно. Можно различить в данном случае три ясно определившиеся течения. Первое направление имеет своим источником Беккария: оно всегда боролось за мягкость мер, применяемых к преступникам и ему мы обязаны отменой смертной казни, пыток, введением гласности суда, обращением к воспитанию преступника. Но несмотря на это торжество направления гуманистов пенитенциарной школы, желательные результаты не были достигнуты, и дома воспитания стали домами порока и клубами разврата. Другое течение—прямо-обратного характера. Видя рост рецидива, оно обратилось к старой жестокости. Криминалисты и магистраты—террористы, в согласии с наиболее эгоистическою и трусливою частью общества, взывали к остановке либеральной пенитенциарной реформы; железной рукой они аплодировали смертной казни, требовали поменьше школы, побольше розги, взывали к пожизненному заключению рецидивистов, восстали против права помилования, против института присяжных. Перед печальным и нелепым явлением, что тюрьма слишком часто предпочитается мышинной норке рабочего, они не видели другого средства как ухудшения первой. Оба эти течения. несмотря на их противоположность,—юридические, оба борются с преступлением одним средством—наказанием. Войну этим направлениям объявило третье, принадлежащее менее к области права и более к области социологии, рассматривающее преступника во всем его действительном разнообразии, отрицающее свободу воли, видящее в человеческих действиях необходимый итог не только умственных вычислений, но также продукт органических и космических сил. Это направление полагает, что, если преступник вынуждается совершать преступление, то и общество не менее вынуждено наказывать для своей собственной защиты^[2]. Эта школа требует

«физиологического» кодекса, различающего одного преступника от другого. Различные теоретики школы сходятся между собою не всегда; так Ломброзо и Гарофало стоят более за суровость наказаний, а Ферри за предупреждение преступления социальными реформами.

Признавая заслуженность уголовно-антропологической школой триумфа в критике прежних теорий, Турати сомневается в ее вновь создающей силе: ошибка Ломброзо в распознавании причин преступности и в соотношении фактов замедляет научный прогресс и топит политически необходимые меры в мертвой воде.

Приступая затем к развитию своего основного положения Турати сознается, что утверждение о связи вопроса о преступности с экономическими условиями и о том, что причина преступления лежит в беспорядках социального устройства, в неравном распределении собственности, в антагонизме классов, невежестве и истощенности нижних слоев общества, не является его новым словом, а лишь повторением идеи, высказанной ранее его преимущественно социалистами, но также сторонниками и других умеренных направлений. Многочисленные выдержки из Romagnosi, следующие затем, так же как и ссылки на деятельность Оуена подтверждают эту мысль Турати^[3].

«Не в индивидуе надо искать причину преступности, говорит Турати, но в обществе органически и необходимо порочном, где эксплуатация человека—краеугольный камень общественного сожительства, где немногие избранные живут на счет бедности и униженности большинства, где—бесстыднейшая противоположность между богатою праздностью и бедным трудом является постоянным и фатальным побуждением к преступности»^[4]. Теперь в низших слоях никто не обезопасен от призрака преступления. Никто не может дышать с уверенностью, что не будут осуждены к каторжным работам его близкие, собственные дети, даже он—сам. Преступление—печальная привилегия лишь этого бедного класса^[5]. Но с изменением социального строя, с водворением идеалов политической доктрины Турати, когда у каждого будет порция пищи для души и тела—porzione di pane fisico e di pane morale—преступление исчезнет, и опасность иметь сына преступника не будет более возможности иметь сына с двумя головами или одной рукой. Таким образом вопрос о преступности является для автора прежде всего несомненным вопросом общественной трансформации^[6].

Космические факторы имеют для Турати лишь вспомогательное, второстепенное значение и скорее дают лишь ту или другую форму проявления преступности, разлитой в социальных жилах общественного организма.

Свои окончательные выводы автор резюмирует в следующих положениях.

1) Нет нравственного вменения. Непреодолимые силы руководят человеческими действиями. Единственное позитивное основание наказания—общественная польза, рассматриваемая в ее наиболее широком и гуманном смысле в свете теории эволюции. в комбинированных интересах индивида и вида, общества и самого преступника.

2) Классовые неравенства в обществе служат источником преступлений.

3) Наказание является лишь крайним средством, к которому следует обращаться с величайшею осторожностью в случаях, где никакое другое средство не может помочь. Оно незаконно и вредно, когда применяется ранее, чем не были испытаны все превентивные меры; в этих случаях общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений. Наказание в общем не нравственно и в действительности не пропорционально виновности, не обладает ни признаком восстановимости, ни примерности, оно не лично и пр.

4) Вопрос о борьбе с преступностью может быть решен лишь радикальным обновлением социальных институтов; тогда преступность уменьшится сразу трети на две и останутся лишь преступления, проистекающие из развращенности и по внезапному порыву страсти^[7].

5) Прирожденные преступники слишком ничтожны в числе и при том являются в большей или меньшей степени продуктом бедности и неравенства.

6) Не улучшению благосостояния, но его недостаточности и изменчивости должно быть приписано увеличение некоторых преступлений против личности и нравственности; их причина скорее в злоупотреблении алкоголем и в отсутствии любви к ближнему при господствующем ныне капиталистическом строе^[8].

Таковы основные положения, к которым пришел Турати в своей работе. Они могут быть разделены на две группы: одни из них тесно связаны с доктриной социализма, сторонником которого автор является, а другие с нею непосредственно не связаны. Первые положения автора были поддержаны и развиты его политическими единомышленниками, а вторые встретили сочувственное отношение со стороны многих криминалистов либерального направления. В некоторых пунктах своих учений криминалисты—социалисты и либералы—сошлись между собою, но во многих случаях разошлись настолько сильно, что является надобность в точном их разграничении. Общее между обоими этими учениями то, что как криминалисты-социалисты, так и другие сторонники направления, получившего название социологического, одинаково борются с антропологической и классической школами. Все они находят, что классическая школа с характерным для нее игнорированием учения о факторах преступности и о самом преступнике, замкнувшаяся в узкий круг юридической дисциплины, должна уступить свое место новым направлениям и изменить свое содержание согласно требований новаторов: заняться исследованием самого преступника и той среды, в которой он живет. Они также сходятся между собою и в том, что не соглашаются с антропологической школой, которая, по их мнению,

преувеличивает значение индивидуальных факторов. Они, наконец, признают, что среди причин преступности наибольшее значение принадлежит факторам социального порядка, что в борьбе с преступностью наказание является крайним, последним средством и что благоприятных результатов этой борьбы можно достичь лишь путем социальных реформ.

Этими одинаковыми, общими принципами ограничивается сходство рассматриваемых нами направлений.

Что касается различия между ними, то, по мнению криминалистов-социалистов, оно весьма существенно. Социологическая школа в лице большинства ее сторонников представляется социалистам буржуазною защитницею интересов господствующего класса и непоследовательно в своих выводах; при изучении преступления и наказания она совершенно игнорирует громадное значение классовой борьбы и, не решаясь признать вместе с ними, социалистами, что только радикальное обновление государственного строя может привести к действительной победе над преступностью, предлагает такие социальные ре-формы, которые являются в этой борьбе простыми паллиативами^[9].

Социологическая школа, а также и классическая учат, что наказание ограждает интересы всего общества. Криминалисты-социалисты доказывают, что право всегда заботится о преимущественной охране интересов правящих классов. Об общем благе, пишет Ваккаро, автор труда «*Genesi e funzione delle leggi penali*», можно говорить лишь в тех случаях, когда группа проста и однородна. Но там, где в группе есть господствующие и подчиненные классы, говорить об общем благе не приходится: «человеческое общество, говорит этот автор, можно сравнить с громадною пирамидою. В своем основании она имеет огромную массу созданий, поддерживающих общественное здание и страдающих под его тяжестью и гнетом. Средние общественные слои, сообразно высоте, занимаемой ими, страдают от выше лежащих, но в свою очередь жестоко попирают ногами находящихся ниже. Те, кто сидят на верху, давят всех без разбору»^[10].

Так, в тех государствах, где существовало рабство, убийство раба не считалось преступлением. В Спарте на рабов устраивались охоты. В Риме, согласно *senatusconsulto Siliano*, в случае убийства господина, все его рабы, жившие с ним, подлежали смертной казни^[11]. По кодексу Ману брамин, вышедший, по преданию, из головы верховного существа, получил право повелевать всеми другими кастами. Как рука исполняет волю человека, так каста воинов создана для повиновения и службы браминам. Каста торговцев не может иметь иного долга, кроме поддержания своею промышленною деятельностью двух высших классов. Наконец, судра, на долю которого выпало низкое происхождение из ступни Брами, должен служить всем, не думая о награде. Все, что находится в мире, собственность брамина; он господин других классов; из его уст люди должны получать предписания их поведения; только ему дозволено изучать книгу законов. Кража у брамина влечет суровые наказания, а брамин может брать имущество судры, так как судра не имеет собственности. За оскорбление брамина действием, виновного постигает немедленная казнь—отрубание руки. За адюльтер кого-либо из класса воинов или купцов с женою брамина, им не покинуто, назначается сожжение заживо; наоборот, брамин за это же преступление не подлежит никакому наказанию кроме бесчестия (*tonsura ignominiosa*). Судре запрещено даже и в состоянии крайней необходимости брать что-либо из принадлежащего высшим классам и промышленность их занятиями: за нарушение этого закона он подлежит конфискации имущества и изгнанию. Жизнь воина оценивается в четыре раза дешевле жизни брамина, жизнь купца в четыре раза менее жизни воина, жизнь судры в 12 раз дешевле купеческой и при том его убийство не влечет никакого наказания, если совершено в исполнение долга. Судра занимает в животной иерархии место вслед за слоном и лошадыю^[12]. Таково же было положение рабов в еврейском, германском, русском и других древних правах. Такое же приниженное, беззащитное положение было крепостных. Наоборот, средневековые рыцари могли безнаказанно совершать грабежи и убийства. Но и современные кодексы носят на себе очевидные следы классовой розни и заботятся об охране состоятельных слоев более, чем об интересах, жизни, здоровье, чести рабочих классов. Автор уже цитированной нами статьи из «*Die Neue Zeit*» обвиняет криминалистов социологической школы в том, что они, охотно исследуя преступления истребления плода и детоубийства, с довольством отмечают, что «человеческая жизнь охраняется уже в утробе матери» и не задумываются над охраной здоровья фабричной работницы, принужденной исполнять тяжелые и вредные для здоровья работы в период беременности, отнимать от своей материнской груди ребенка раньше времени, давать ему свое молоко, отравленное занятиями в некоторых промыслах и продаваться в кормилицы. Криминалист говорит о наказуемости торговли «живым товаром», но не считает преступниками тех, кто покупает этот товар и кто вступает в торговую сделку с женщиною, выгнанною на улицу нищею. Криминалист говорит об охране здоровья и жизни человека и не обращает должного внимания на то печальное явление, что на фабриках и заводах ежегодно совершается несчастных случаев со смертельным исходом в несколько раз более, чем убийств во всей стране^[13].

«Понять историю уголовного права можно лишь встав на точку зрения классовой борьбы», говорит цитируемый нами автор, а либеральным криминалистам социологической школы эта точка зрения не знакома; они, как и классики «рассказывают старые сказки» о защите уголовным правом общечеловеческих интересов, интересов всего общества в то время, как оно защищает лишь благо господствующих классов. «Уголовно-социологическая школа, как и антропологическая, вращается

по мнению Sursky, в том же самом кругу понятий, в котором находится презируемая ими классическая школа. При помощи «позитивного», «действительно-научного метода» они изучают «живого преступника», «т.е. нарушителя интересов, охраняемых тем или другим параграфом уголовного кодекса. А эти параграфы охраняют интересы не всех граждан, как, например, жизнь и здоровье каждого, но интересы господствующих классов, и, таким образом, современные криминалисты, пионеры-антропологи и социологи — ничто иное, как идеологи капиталистического общества»^[14].

Эти упреки криминалистов социалистического направления остальным сторонникам социологической школы в значительной степени справедливы. Верно их указание, что интересы различных классов не находят в праве одинаковой охраны, но преувеличением является утверждение, что действующие законы защищают интересы только господствующих классов. Правда, что убийство раба рассматривалось, как нанесение вреда хозяину. Но в настоящее время рабочие классы являются такою силою, с которою приходится считаться и господствующим классам. В странах с представительным образом правления эти рабочие слои населения имеют в парламентах своих представителей и постепенно добиваются улучшения своего положения. Но так как в наши дни эти представители обыкновенно составляют во всех парламентах меньшинство, то они и не могут добиться полного уравнивания своих прав с правами других граждан, даже в таких важных случаях, как охрана жизни и здоровья^[15].

Менее справедлив другой упрек социалистов остальным сторонникам социологической школы в том, что они считают преступлениями лишь те деяния, которые являются преступными по действующим кодексам. В данном случае эти сторонники социологической школы лишь правильно придерживаются уже давно установившейся номенклатуры в юриспруденции. Но это далеко не значит, что эти же криминалисты вполне соглашались с квалификацией современными уложениями тех или других деяний преступными или не преступными. Им принадлежит заслуга расширения области науки уголовного права прибавлением к ней нового отдела, «уголовной политики», ставящей своею задачею между прочим решение вопроса: какие деяния должны подлежать уголовной каре и какие не должны^[16]. Наконец, некоторые криминалисты социологической школы, не довольствуясь чисто формальным определением преступления пытались дать материальное определение и выяснить такие признаки, которые давали бы возможность легко отличать действительно преступные деяния от не преступных^[17]. Но, к сожалению, криминалистическая литература очень мало занимается этим вопросом, и тот отдел уголовной политики, который Варга называет *Kriminal-Gesetzgebungskunst* и который должен бы следить за правильностью квалификации деяний преступными, представляется совершенно неразработанным. К сожалению также и криминалисты-социалисты сделали в данном случае не больше других.

Кроме указанных выше различий между криминалистами социалистами и другими последователями социологического направления есть еще одно. Оно относится к учению о причинах преступности и о средствах борьбы с нею.

Все сторонники социологической школы считают главными факторами преступности политическое, экономическое и социальное неустройство государств. Социалисты же кроме того связывают все эти причины преступности с капиталистическим режимом современных государств, которому они противопоставляют новый строй, основанный на коллективистических началах. Несомненно, что это различие весьма глубокое, и не выделить криминалистов социалистов из общей группы последователей социологического направления было бы также не верно, как было бы ошибочно смешивать этих представителей крайних «левых» политических партий в парламентах с консерваторами или либералами. Но такое различие в основных принципах социалистического «левого» крыла социологической школы и либерального, не исключает возможности их схождения в решении отдельных вопросов при определении ближайших причин преступности. Так, например, Лист описывает в ярких красках экономическое, политическое и нравственное положение трудящихся классов, ничем не обеспеченных на старости, на случай болезни и увечья, страдающих от безработицы, истрачивающих ранее времени свои силы, живущих в сквернейших жилищах, и признает, что такое положение рабочих есть могучий фактор преступности^[18]. Точно также и Принс главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайнею нищетою и огромными богатствами, с концентрацией собственности и капитала в одних руках, с недостатками промышленной организации, предоставляющей пролетариат игре одного случая, с детьми бедноты вырастающими на улицах и на «дне», куда никогда не проникает луч благосостояния физического или морального, с бюджетом рабочего равным бюджету арестанта, с пролетариатом в первой боевой линии, гибнущим ранее других в борьбе с преступлением и болезнями^[19].

К этим взглядам Листа и Принса на причины преступности примыкает значительное большинство криминалистов социологической школы, объединившихся в международный союз криминалистов, основанный в 1889 году по инициативе Листа (тогда профессора в Марбурге), Принса и амстердамского профессора Ван Гамеля. Хотя при своем образовании Союз и не ставил себе задачи быть проводником какого-нибудь одного из существовавших направлений в уголовном праве, однако было признано полезным выработать в целях большей успешности научной деятельности объединивших программу для общей работы членов Союза. Второй пункт составленной программы содержал тезис, что преступление есть продукт внутренних причин

(антропологических) и социальных. Логическим последствием такого признания было принятие Союзом другого тезиса о необходимости бороться с преступлением мерами предупредительного характера, путем воздействия на причины, вызывающие преступность, т. е. главным образом социальными реформами. Эти два тезиса, несмотря на первоначальное желание основателей Союза не замыкаться в пределы какой-нибудь одной доктрины, довольно определенно выяснили отношение нового общества к юридическому, классическому направлению, на что и было обращено внимание некоторыми криминалистами, отказавшимися вступить в число членов Союза. Так, отказались от вступления Lucchini, Rolin, Heinze, Merkel, Stenglein, Hagströmer. Одни из них упрекали Союз в игнорировании принципов юридической школы, другие нашли, что положения Международного Союза Криминалистов ведут к социалистическому строю и обременяют государство невозможными задачами^[20]. Недовольство программой замечалось и в среде самих членов Союза и уже на восьмой год своего существования Союз сделал в своем статуте, по предложению Листа, некоторые изменения. Эти изменения состояли в сокращении программы: было исключено из нее несколько тезисов, относившихся к вопросам наказания и классификации преступников и добавлено, что преступность и средства борьбы с нею должны быть рассматриваемы столько же с антропологической и социологической стороны, сколько с юридической. Таким образом, в программе как будто была сделана некоторая уступка юридическо-классической школе. Справедливость требует признать, что Союз не исполнил своей программы, т.е. юридическому изучению преступления он уделил значительно более внимания, чем социологическому^[21]. Особенно мало внимания было уделено вопросу о социальных причинах преступности. Это последнее обстоятельство было признано и самим проф. Листом на С.-Петербургском конгрессе Союза^[22]. Впрочем, указания на это были сделаны еще и ранее: на Лиссабонский съезд был представлен Weinrich'ом проект разделения Союза на три секции, с тем, чтобы вторая из этих секций «социальная и политическая» или «секция социальных реформ» взяла на себя специальную задачу социологического изучения преступности и средств борьбы с нею^[23]. Но это деление не было принято.

Если вопрос о причинах преступности не встретил себе должного внимания в трудах Союза, то не более посчастливилось и другому вопросу о тех общественных реформах, которые, по собственному признанию отдельных членов Союза и согласно его программы, являются могущественными средствами в борьбе с преступностью. Эти вопросы о реформах затрагиваются лишь в работах некоторых членов Союза и при том только попутно. И хотя за эти короткие, мимоходом брошенные замечания главным образом Листа и Принса и было возведено обвинение на Союз в стремлении к социалистическому строю, но тем не менее и в данном случае в вопросе о реформах—различие между социалистическим направлением в уголовном праве и тем, которого придерживается Союз, а в частности Принс и Лист, очень существенно: первые говорят о радикальной ломке всего существующего капиталистического строя и о замене его новым, в котором не должно быть «ни бедных, ни богатых, ни работодателей, ни голодных», а вторые ограничивают свои предложения более или менее скромными реформами без мысли о ломке существующего строя, но с желанием облегчения его тягостей для тех слоев населения, которые от этих тягостей особенно сильно страдают. Криминалисты-социалисты утверждают, что установление экономического равенства, социализация средств производства приведут почти к полному уничтожению преступности^[24]. Но некоторые противники указанного направления не только не соглашались с этим положением Турати и его политических и научных единомышленников, но утверждают, что социализм сам является могущественным фактором преступности. Так, Eugene Rostand в своей брошюре: «Criminalite et Socialisme» говорит об отрицательном значении социализма, как средства борьбы с преступностью и находит, что оспариваемая им доктрина приводит к увеличению преступности, так как в школе, при воспитании детей, она отказывается от принципов религиозной морали; в прессе распространяет противообщественные софизмы против частной свободы и собственности и против других истин, являющихся цементом цивилизованных обществ; в области репрессии отвергает личную ответственность; она колеблет весь общественный порядок, возбуждая антагонизм классов и отвергая всякие авторитеты; отрицанием загробной жизни она отнимает у бедных людей надежду на будущее блаженство и толкает их к преступлению^[25].

На эти обвинения криминалисты социалистического крыла социологической школы отвечают цифрами. Для выяснения вопроса о соотношении роста социализма и преступности Calajanni обратился к статистике Италии и Германии и сравнил число преступлений по различным избирательным округам с числом поданных голосов за депутатов-социалистов и консерваторов. Колаянни признает, что его метод имеет некоторые недостатки, а именно: 1) социалистическая пропаганда распространяется между мужчинами и женщинами и несовершеннолетними, но женщины и несовершеннолетние не имеют избирательного голоса; 2) не все совершеннолетние мужчины имеют избирательное право; 3) не все записанные избиратели пользуются своим правом (на выборах 1900 года в Италии голосовало 58,3%, а в Германии 68,1% в 1898 году); 4) наоборот, вся масса населения мужчины, женщины, дети, грамотные, неграмотные, богатые, бедные участвуют в совершении преступлений; 5) в Италии существует союз народных партий (unione dei partiti popolari) и случается, что республиканцы и демократы дают свои голоса социалистам, а эти—республиканцам и демократам. Несмотря на эти недостатки избранного метода, число голосов, поданных за социалистических депутатов, все же служит показателем степени распространенности

социалистической доктрины в том или другом избирательном округе. За основание своей работы Колаянни берет цифры преступности в Италии за 1896—1898 гг. и число голосов, отданных за социалистических депутатов при общих выборах в 1900 году^[26]. Следующая таблица показывает число принимавших участие в выборах и число голосов поданных за социалистов.

Таблица I.

Общие выборы 1900 г.			
Округа	Голосовало всего	Число голосов за социалистов	% отнош. голосов за социал.
Piemonte	202388	43811	21.64
Liguria	52152	10619	20.54
Lombardia	192036	34954	18.20
Veneto	111743	12079	10.80
Emilia и Romagna	99264	26306	26.60
Marche	39413	2609	6.59
Umbria	26016	1885	7.24
Toscana	115485	18654	16.15
Lazio	37973	1937	5.10
Abruzzi e Molise	50479	1019	2.01
Campagnia	107934	6375	5.90
Puglie	71295	2034	2.84
Basilicata	14308	72	0.00
Calabrie	42284	200	0.40
Sicilia	86510	2209	2.66
Sardegna	19788	183	0.9.
Вся Италия	1269061	164946	8.26

Следующая таблица доказывает среднее ежегодное число различных преступлений, приходившихся в период 1896—1898 гг. на каждую сотню тысяч жителей в Италии. Колаянни приводит здесь цифры насилий и сопротивлений властям, убийств, повреждения здоровья, грабежа, краж, мошенничеств и преступлений против нравственности^[27].

Таблица II.

Среднее ежегодное число преступлений в Италии в период 1896-1898 на 100000 жителей							
Округа	Насилия сопротивления властям	Против нравственности	Убийство	Повреждение здоровья	Грабеж и др.	Кражи	Обман и мошенничество
Piemonte	24,81	9,70	5,35	126,67	6,99	253,65	44,97
Liguria	50,22	16,56	7,64	193,29	7,64	397,21	87,80
Lombardia	27,41	11,35	2,93	135,37	5,19	307,89	69,33
Veneto	30,07	9,36	2,74	115,35	3,29	273,59	43,37
Toscana	43,37	11,90	5,71	162,32	9,69	306,89	56,15
Emilia	34,92	9,48	4,96	115,74	7,79	342,48	48,24
Marche ed Umbr.	45,34	11,56	8,52	252,96	5,31	357,11	47,42
Lazio	122,05	25,89	13,92	457,05	16,16	776,87	172,46
Campagnia e Molise	77,24	36,17	24,23	497,41	15,87	447,97	98,52
Basilicata	39,22	29,37	16,78	401,50	6,93	538,13	49,62
Abruzzi	68,31	33,90	17,40	515,62	5,47	665,97	54,39
Puglie	66,18	43,67	15,43	448,60	6,78	552,54	79,77
Calabrie	66,07	43,89	19,87	598,80	9,30	563,02	73,81
Sicilia	58,37	45,83	28,38	366,42	29,77	495,05	96,37
Sardegna	81,99	22,88	27,31	275,98	25,92	1067,84	188,05
Италия	50,19	22,87	12,38	277,20	10,91	416,23	73,58

На основании этих двух таблиц Колаянни составляет третью сводную, выясняющую степень преступности в различных округах и развитие социализма.

Таблица III.

Место занимаемое округами Италии по степени распространения социализма и преступности								
Округа	Социализм	Насилия сопротивления власти	Против нравственности	Убийства	Повреждение здоровью	Грабеж	Кражи	Обман и мошенничество
Emilia и Romagna	I	IV	II	III	II	IX	V	IV
Piemonte	II	I	III	IV	III	VII	I	II
Liguria	III	VIII	VII	VI	VI	VIII	VII	XI
Lombardia	IV	II	IV	II	IV	II	IV	VIII
Toscana	V	VII	VI	V	V	XI	III	VII
Veneto	VI	III	I	I	I	I	II	I
Umbria e Marche	VII	VI	V	VII	VII	III	VI	III
Campagnia	VIII	XIII	XII	XIII	XIII	XII	VIII	XIII
Lazio	IX	XV	IX	VIII	XII	XIII	XIV	XIV
Puglie	X	XI	XIII	XI	XI	V	X	X
Sicilia	XI	IX	XV	XV	IX	XV	IX	XII
Abruzzi e Molise	XII	XII	XI	IX	XIV	IV	XIII	VI
Sardegna	XIII	XIV	VIII	XIV	VIII	XIV	XV	XV
Calabrie	XIV	X	XIV	XII	XV	X	XII	IX
Basilicata	XV	V	X	X	X	VI	XI	V

В этой таблице округа расположены в порядке постепенности по числу голосов, поданных за социалистических депутатов, при чем в первой графе цифрой I обозначен округ Emilia e Romagna с наибольшим числом социалистических голосов, а, цифрой XV—округ Basilicata с наименьшим числом. В следующих графах наибольшая преступность обозначена цифрой XV, а наименьшая I. Рассматривая строки этой таблицы в горизонтальном направлении Колаянни находит, что о влиянии социализма на увеличение преступности не может быть речи, что его таблицы скорее доказывают обратное соотношение между социалистической пропагандой и преступностью. Так, Veneto, занимающий шестое место по числу голосов, поданных за социалистического депутата, занимает последнее место по числу убийств, повреждений здоровья, грабежей, обманов, мошенничеств и преступлений против нравственности, предпоследнее место по числу краж и третье от конца по числу насилий и сопротивлений властям; Basilicata, занимающий последнее место по степени развития в нем социализма, отличается высокой преступностью (V место в двух случаях, X—в трех, XI и VI). Социалистические округа Emilia e Romagna, Piemonte и Lombardia отличаются слабою преступностью. Так, Emilia e Romagna—первый округ по числу социалистических голосов—в двух случаях занимает по числу преступлений предпоследнее место, в двух—четвертое, в одном третье, пятое и девятое от конца. Но социалистический округ Lombardia (III место) отличается высокой преступностью.

Автор рассматривает затем преступность Италии по провинциям (provinzie). Он разделяет их на две группы: в первую входят те, где за социалистов было подано значительное число голосов, а во вторую такие, где число социалистических голосов было ничтожно. Определив среднее число убийств (12.38 на 100.000 жителей), преступлений против нравственности (22.87), краж, грабежей и других преступлений против собственности (500), Колаянни устанавливает, что из 23 социалистических провинций преступность против нравственности выше средней лишь в одной, против собственности лишь в трех и ни в одной из них число убийств не превышает среднего размера^[28].

Наоборот, из двадцати трех провинций^[29] с наименьшим числом социалистических голосов, преступность против нравственности выше средней в пятнадцати, против собственности—также в пятнадцати и по числу убийств тоже в пятнадцати провинциях.

Такие результаты исследования соотношения социализма и преступности очевидно опровергают теорию Rostand о влиянии социализма на рост преступности^[30]. Мы остановились на противоположных взглядах Rostand и Colajanni, чтобы ярче подчеркнуть отличительные черты учения левого социалистического крыла социологической школы о факторах преступности. Мы уже указали выше, что это глубокое различие во взглядах криминалистов-социалистов и других сторонников социологического направления на основную причину преступности и средство побороть ее, не исключает возможности в некоторых случаях одинакового разрешения теми и другими вопросов о ближайших факторах преступных деяний. К изысканиям социологической школы этих причин преступности мы и должны перейти теперь.

Одним из наиболее обстоятельных трудов, посвященных выяснению значения социальных факторов преступности, является двухтомная работа уже цитированного нами ранее профессора Неаполитанского университета и депутата итальянского парламента Colajanni «Sociologia Criminale», вышедшая в свет через пять лет после работы Турати и не без основания привлекающая к себе внимание криминалистов. По своему научному и политическому направлению Колаянни близко примыкает к направлению Турати и его работа является попыткой доказать преобладающее, если не исключительное значение современного капиталистического строя, как фактора преступности.

Из двух томов *La Sociologia Criminale* наибольшее значение для характеристики левого крыла социологической школы представляет второй том, где автор рассматривает «влияние различных факторов на преступность». Первый том, посвященный критике уголовно-антропологической школы, имеет для нас второстепенное значение, но мы должны будем остановиться на тех его главах, где автор, при критике учения Ломброзо, высказывает свои основные взгляды на преступление и на его причины.

В первой главе Colajanni разрешает вопрос о содержании науки уголовной социологии, но со взглядами автора, выясняющими его отношение к науке уголовного права, мы уже имели случай познакомиться выше^[31].

Вторая глава посвящена определению преступления с социологической точки зрения. Юридическое определение, которое всегда легко можно дать, обратившись к нормам действующего законодательства, не может удовлетворить социолога, стремящегося выяснить самые основания квалификации преступными тех или других деяний в различные моменты истории народов.

Давать исключительно юридические определения было постоянным свойством классической школы. Но что выясняет такая, например, формула, какую дает Каррара: «преступление есть положительное или отрицательное и нравственно вменяемое нарушение закона, обнародованного государственною властью для охранения безопасности граждан»^[32]. Оно нас вводит лишь в *sigolo vicioso*: на вопрос какие деяния наказуемы, оно отвечает нам: те—которые наказываются. Более удовлетворяют автора определения уголовно-антропологической школы, для которой преступление не юридическая сущность, но—факт, не нарушение (*infrazione*), но деяние (*azione*), изучаемое как естественное явление в его физических, психических и социальных условиях. Впрочем определения многих сторонников учения Ломброзо далеки от совершенства, и ни формула Ферри, ни формула Гарофало не удовлетворяют вполне Колаянни. Так, Ферри обращается к свойству мотива: деяние преступно, если мотив незаконен, противообществен и оно не преступно, если мотив законен и социален^[33]. Но очевидно, что такое определение не может быть принято уже потому, что в него входит признак (свойство мотива), сам требующий определения и определяемый согласно господствующего мнения общественной единицы, в которой совершено деяние. Значительный шаг делает вперед Гарофало. Его заслуга та, что он не квалифицирует деяния преступными только потому, что их считает такими кодекс, но ищет основания квалификации в нравственных чувствах, приобретенных цивилизованною частью человечества. Оскорбление среднего размера—*la misura media*—сострадания—*pieta* и честности—*probita* и составляет преступление. Таково очень краткое изложение Колаянни учения Гарофало об естественном преступлении. Нельзя не признать, что такая краткость изложения не позволяет уяснить себе ясно сущность теории Гарофало. Между тем Гарофало остановился на этом вопросе чрезвычайно подробно, посвятив ему значительную часть своего труда^[34]. Гарофало, как и Colajanni, выясняет недостаточность для социологии определения преступления юридическою школою и задаётся целью дать понятие «естественного преступления» — *delit naturel*. Естественным преступлением автор называет не те преступные деяния, которые всегда были и будут. Таких деяний нет: ересь и колдовство—преступления средних веков—теперь исчезли; самые тяжелые теперь преступления, например, отцеубийство, были некогда долгом сыновней любви диких народов. Мы никогда не найдем естественного преступления, если будем искать его лишь среди деяний. Не в анализе деяний, но в анализе чувств нужно искать его. Преступление, по мнению автора, всегда вредное действие, но в то же время оскорбляющее какое-либо из тех чувств, которые принято называть моральным чувством человеческой агрегации^[35]. Моральное чувство находится в непрестанном развитии; оно различается в своем развитии по эпохам и народам, отсюда—различия в идее безнравственности, без которой вредные действия никогда не рассматривались как преступные. Гарофало оставляет в стороне доисторического человека, о котором мы ничего не можем знать в интересующем нас отношении, и ограничивает свое поле исследования цивилизованною частью человеческого рода. Если мы обратимся к современному обществу, то найдем у него известные правила поведения, общие всем классам и особенные для каждого: «все установлено, начиная от самых торжественных церемоний и кончая манерой здороваться и одеваться, от фраз, которые надо говорить в известных обстоятельствах до тона, которым их нужно произносить. Возмущающихся против этих правил называют эксцентриками, или невежами, дурно воспитанными, смешными людьми; они возбуждают насмешки или сожаление, иногда презрение. Многие вещи, позволенные в одном классе и обществе, строжайше запрещены в других. Традиция, воспитание и постоянные примеры заставляют нас следовать правилам поведения без рассуждения, без разыскания их оснований»^[36].

Выше всех этих искусственных и специальных законов стоят другие более общие, проникающие во все общественные классы, как солнечный луч пронизывает все части сосуда с водой. Но как луч испытывает различное преломление в зависимости от различной плотности среды, так точно и общие правила подвергаются различным изменениям в каждом слое общества. В этих принципах, называемых собственно моралью, время производит лишь очень медленно изменения и чтобы найти их настоящие контрасты приходится обращаться к народам прошедших времен или много ниже стоящих нас по своей цивилизации. Какие же это чувства? Это не будут ни чувства чести, ни стыдливости, ни религиозное чувство, ни патриотизм. Что касается патриотизма, то теперь не считается безнравственным предпочитать чужую страну своей. То же и религия: добродетели могут жить в сердце, потерявшем веру. Чувство стыдливости изменчиво до бесконечности: так считается неприличным для светской дамы быть декольтированной при утреннем визите и, наоборот, требуется обнажить грудь и плечи на балу; японские женщины из простонародья купаются в бочках на улице, а женщины цивилизованных народов в особых костюмах, какие стыдно надеть в другое время и т. д. Наконец, чувство чести менее всего поддается определению: у каждого общественного класса, каждой семьи, почти у каждого человека есть свое понятие чести.

Итак, не в оскорблении патриотизма, религиозности, стыдливости и чести, этих изменчивых, появлявшихся и исчезающих человеческих чувствах надо искать понятие естественного преступления. Альтруизм — вот чувство, которое находится в различной степени развития у различных народов и у различных классов одного и того же народа, но встречается везде, кроме очень небольшого числа диких триб. Проявление альтруизма можно свести к двум типам: *bienveillance* — благорасположения и *la justice* — справедливость. Первичная форма этих чувств была выражением эгоистических чувств. Инстинкт индивидуального сохранения распространился сначала на семью, потом на трибу и медленно развился в чувство симпатии к нашим ближним: к людям той же трибы, страны, той же расы и затем всякой расы. Таким образом чувство любви и благорасположения в первое время — чувство эгоистическое и оно становится действительно альтруистическим лишь с того момента, когда не определяется более узами крови^[37].

Обращаясь к детальному анализу благорасположения, автор задается целью найти в нем часть действительно необходимую для морали и притом в некотором роде общую всем^[38]. Гарофало останавливается на чувстве жалости (*la pitié*) или гуманности; оно проявляется в отвращении к причинению другим: 1) физических страданий, а также и 2) моральных и оно же приводит нас к 3) действиям облегчения страдания других. Две первые формы проявления гуманности — отрицательные, а третья — положительная форма — достояние редких людей. Только первые две формы встречаются почти у всех людей и поэтому только их оскорбление можно рассматривать, как преступление^[39].

Жалость, утверждает Гарофало, была чувством общим всем народам; она удерживала от жестоких действий и общество всегда рассматривало ее нарушения, как вредные действия. Но при ее исследовании не надо забывать истории ее развития, постепенного расширения понятия того, что мы зовем нашими ближними: еретиков жгли не потому что в те века не существовало чувства жалости, но потому, что на них, как не бывших ближними католиков, не распространялось чувство жалости.

Точно также и отцеубийство у древних народов не было преступлением потому, что было не оскорблением чувства жалости, но ее проявлением, долгом сыновней любви, требованием религии и пр. Детоубийство у спартанцев не считалось также преступлением, потому что это была не вредная, не бесполезная жестокость, которую только и запрещает альтруизм, а мера, предписанная законом для общественного блага^[40]. На этом же основании не преступление и смертная казнь: она преследует полезные цели и не вызывает в массе той жалости, как убийство.

Другое чувство, которое оскорбляется преступлением — *la justice*. Оно также имеет степени; высшая из них деликатность — *la delicatesses*, достояние лишь некоторых людей, а средняя степень, противоположная эгоистическому чувству собственности, называется *la probité*. — честность^[41]. Она менее инстинктивна, чем *la pitié* и более чем последняя зависит от примеров, воспитания, социальной среды. Это чувство оскорбляется, например, подделкою монеты и контрафакцией, обогащающей всех, кроме автора изобретения.

На основании всего изложенного Гарофало приходит к приведенному выше определению естественного преступления как оскорбления чувства жалости и честности в том их среднем размере, в каком обладает ими общество^[42].

В одних случаях понятие естественного преступления шире, а в других уже преступления по закону. Так, не являются естественными преступлениями политические преступления (если они не соединены с убийством и другими общими преступлениями и адюльтер, так как ими не оскорбляется ни чувство честности, ни жалости. И, наоборот, отсутствие у родителей заботы о детях, не считающееся преступлением по закону, причисляется автором к числу естественных преступлений.

Возвращаясь снова к труду Колаянни мы находим у него следующую критику определения Гарофало и его собственную формулу. Под определение Гарофало не подходит добрая половина (*una buona metà*) преступлений и автору поэтому приходится создавать на ряду с настоящими

преступниками еще *delitti artificiali* — искусственные преступления — и не настоящих преступников (*ehe non sono veri delinquenti*).

Определение Гарофало, постоянно с каждым днем удаляется от действительности, так как круг деяний считааемых преступными растет по мере того, как усложняются общественные отношения. Начинают рассматриваться как проступки некоторые способы пользования собственностью, санкционированные законами прошлого времени, но считааемые теперь уже злоупотреблением правом собственности. Таковы законы о труде, этой единственной собственности рабочих; правда пока он охраняется не строго, но охрана его растет, Чувства *pieta* и *probita* не могут быть признаны универсальными не во времени ни в пространстве. Спартанцы восхваляли кражи, в Афинах воспевали содомию, в Риме отец имел право убивать своих детей, муж жену, хозяин раба и т. д. Делая эти возражения Колаянни забывает, что Гарофало отнюдь не думал искать критерия преступности в самих деяниях, ни даже в чувствах «*sentimenti*», какими они являются теперь. Чувство *pieta* и *probita* развивались в истории человечества и при оценке поведения спартанцев по отношению к воровству или права римского отца семейства на убийство детей, жены и раба, надо вставать не на точку зрения морали XIX века, но века Спарты и Рима.

Мы полагаем, что Гарофало, совершенно неправильно обошел полным молчанием вопрос о способах определения этой средней величины нравственного чувства, столь различной в один и тот же момент у одного и того же общества. В Америке в большом ходу—линчевание т.-е. расправа—самосуд над заподозренными в преступлении. Входит ли линчевание в понятие естественного преступления, как оскорбляющее среднее чувство народной морали или не входит? Должны ли для решения этого вопроса мы обратиться ко всему американскому обществу или к отдельным классам, составляющим его, и если к классам, то к каким из них? Такие трудности должны возникать при решении вопроса о преступности и многих других действий. Примерное разнесение самим Гарофало деяний на естественно преступные, оскорбляющие *pieta* и *probita* и на естественно не преступные бездоказательно и голословно. Если на определение Гарофало смотреть как на указание пути, по которому надо идти при отыскании естественного преступления, то нельзя не признать что путь этот почти «непроходимый» по своей трудности. Но и самое ядро теории — выбор двух чувств, как основания квалификации деяний преступными или не преступными—отличается несомненно искусственностью. С таким же успехом можно доказывать, что человеческое общество обладает и другими чувствами, не менее древними, чем жалость и честность. Таково, например, чувство эгоизма или указываемое Тардом^[43] чувство уважения или страха перед общественным мнением, столь же различным у различных классов и слоев населения, как и честность и жалость. Гарофало полагает, что мы не имеем права различать чувство средней жалости и честности от общественного мнения. Но эти понятия не всегда совпадают: деяние не оскорбляющее чувство жалости и справедливости, может быть запрещаемо общественным мнением по соображениям ничего общего с жалостью и справедливостью не имеющим.

Обращаясь к своему определению Колаянни говорит что истинно социологическим определением будет лишь то, которое не опускает из внимания эволюции общества. Оно должно охватывать преступность древнюю, современную и будущую, т.е. преступления народов варварских и цивилизованных. Основная мысль Гарофало—обратиться к средней морали должна быть, по мнению Колаянни, удержана, так как составляет критерий применимый ко всякому обществу на всех ступенях его развития^[44]. Но оскорбление среднего морального чувства общества может совершаться в двух направлениях: одни оскорбляют его потому что не доросли до него, другие потому что стоят выше его. Отсюда несогласия между меньшинством и большинством: первые—преступники, вторые—гении и мученики мысли (*geni e martiri del pensiero*): первые находят постоянное проклятие, вторые—преклонение потомства^[45].

Что бы получить определение, охватывающее все категории деяний, считааемых в данный момент преступными и потому наказуемыми, хотя они и не оскорбляют никакого альтруистического чувства, автор обращается к самой жизни—*vita*, понимаемой в широком смысле в ее продолжительности (*durata*) и интенсивности (*intensita*). Для правильного развития общественной жизни необходимо установление известных границ индивидуальной деятельности. Отсюда Колаянни дает следующее понятие преступления: наказуемыми деяниями (преступлениями) являются те, которые вызываются индивидуальными и антисоциальными мотивами, нарушают условия жизни и оскорбляют среднюю мораль данного народа в данное время^[46].

Достоинство своего определения Колаянни видит в следующем: 1) оно содержит все необходимые признаки; 2) исключает неправильное деление преступлений на настоящие и не настоящие, т. е. наказуемые, но в действительности не преступные; 3) оно охватывает преступления примитивного общества, современного цивилизованного и будущего, которое будет альтруистичнее и моральнее нашего; 4) оно объясняет отсутствие отвращения к некоторым преступлениям и то удивление, какое они возбуждают в последующей стадии нравственного развития.

Определение Колаянни, как и определение Гарофало, представляет попытку дать такую формулу, которая обнимала бы преступления не только настоящего времени, но также прошедшего и даже будущего. Оба автора смотрят на преступность как на такое явление, которое остается и останется, но крайней мере в своей сущности, неизменным на протяжении всей человеческой

истории. Для них преступление—естественное явление и требует такого же точного и ясного определения, какими служат в физике формулы плотности, жидкости, или газа.

Ближайшими поводами к новым, предпринятым криминалистами, изысканиям послужило их недовольство старым юридическим или формальным понятием преступления, как деяния запрещенного под страхом наказания. Однако, до сих пор не одна из работ по уголовной социологии не брала за основание своих изысканий понятие естественного преступления. Сами авторы новых социологических определений преступления, как будто совершенно забывали их и оперировали в своих трудах всегда с юридическим преступлением. Впрочем, большому сомнению подлежит самая возможность воспользоваться определениями Колаянни и Гарофало. Определение среднего размера жалости, честности или средней морали общества в различные моменты его истории представляет такие трудности, которые едва ли могут быть преодолимы и вместе с тем открывает исследователю широкий простор для такого личного усмотрения, пример которого мы видим и в «Criminalogie» Гарофало. По мнению этого автора смертная казнь не оскорбляет среднего чувства жалости общества, но иначе думает Aramburu, указывающий Гарофало на те агитации, которые начинаются в Испании в пользу осужденного при каждом приговоре к смертной казни. Гарофало отвечает, что совершенно обратное явление замечается «в странах цивилизованных не менее Испании», что в Англии, Франции общественное мнение требует смертной казни, что в Цинцинати произошел кровавый бунт, когда присяжные дали в своем вердикте снисхождение обвиняемым в убийстве^[47]. Но спрашивается, какие были основания у автора предполагать, что выразительницею общественного мнения в Цинцинати была толпа, требовавшая казни убийц, а не те представители общества, которые в качестве присяжных не допустили смертной казни? Трудности при определении требуемой Колаянни средней морали—неизмеримы и они тем более велики, что эта мораль не одинакова в различных классах общества, как это признает и сам Колаянни.

Вторым признаком преступного деяния Колаянни указывает свойство мотива, его антисоциальность. Но он не объясняет как должна пониматься антисоциальность. Гарофало, яркий представитель консервативной партии в Италии, защитник узких буржуазных интересов, конечно, понимает общественное благо иначе, чем социалист Колаянни, а этот последний иначе, чем анархист Казерио. С точки зрения какой же политической доктрины мы должны оценивать свойство мотива: первой ли еще господствующей, но постепенно теряющей свою силу, второй ли, возрастающей или третьей, еще только нарождающейся? Если, при определении свойства мотива, стоять на точке зрения господствующей в каждый данный исторический момент партии, то нельзя не признать, что социологическое определение Колаянни, «годное для всех времен», является почти столь же неопределенным, как и юридическое. Что касается пригодности этого определения для прошедших времен, то известно, что законодательства при квалификации деяния преступным или непроступным придавали до сих пор решающее значение объективной, а не субъективной стороне, и не обращали на мотив должного внимания.

Т. о. в заключение нашего разбора мы должны признать, что Колаянни не достиг поставленной им цели: дать ясное определение преступного деяния.

Вслед за определением преступления следует у Colaĵanni учение о преступнике. Криминалист-социолог признает, как и уголовно-антропологическая школа, совершенно необходимым исследование вопросов, относящихся к самому преступнику: существуют ли какие-нибудь индивидуальные особенности, предрасполагающие к преступлению, правда ли, что существует тип преступника, как разновидности человеческого рода—вот вопросы, которые на ряду с подобными же другими, дают содержание науке уголовной антропологии.

Colaĵanni рассматривает затем соотношение между: 1) физической стороною и нравственною; 2) органами и их функционированием и 3) особенно между строением черепа, умственным развитием и моралью.

Подробное антрополого-критическое исследование этих вопросов, стоящее за пределами задач нашей работы, приводит автора к выводу, что основные положения уголовно антропологической школы еще далеко не установлены и не доказаны, что Ломброзо слишком поторопился сделать окончательные заключения там, где мы могли лишь сказать: «ignoramus» —не знаем. «Настоящий и здоровый позитивизм, говорит Colaĵanni, заканчивая критику этих положений Ломброзо, должен идти осторожно и особенно не гнаться за выводами и не спешить давать во что бы то ни стало гипотезы»^[48].

Рассмотрение характерных, по учению уголовно-антропологической школы, особенностей преступника и противоречия, к которым пришли в этих вопросах последователи Ломброзо и которые уже не раз были отмечены многими его критиками, дают Колаянни право сказать, что характер преступника имеет довольно относительное, почти ничтожное значение, если не пытаются определить и объяснить предрасположение к преступности социальными факторами, к которым почти все сторонники антропологической школы «и особенно Гарофало питают такое большое презрение»^[49].

При исследовании этих особенностей Colaĵanni указывает на ошибочность методов уголовной позитивной школы, не изучившей нормального честного человека и упустившей из внимания социальную среду. Сам Colaĵanni постоянно пользуется каждым случаем, чтобы оттенить значение социальных условий в образовании особенностей преступника. Не останавливаясь на подробностях

антропологической критики Колаянни мы отметим лишь основную черту его доктрины—выяснение громадного значения общественной среды. Когда уголовно—антропологи указывают на бледный цвет лица как на особенность преступника, он напоминает о дурном питании низших слоев населения, откуда выходят преступники, о жилищах, лишенных солнечного света, где ютятся беднота, о тюрьме, где ему самому пришлось после девяти месяцев заключения (по политическому процессу) испытать превращение цветущего вида своего лица в землянисто-желтый^[50]. Когда Ломброзо и др. указывают на особенности роста и веса преступников, Колаянни выдвигает влияние и здесь тяжелых социальных условий^[51]. Когда Ломброзо видит в особом языке преступников, проявление атавизма, Колаянни объясняет его принадлежностью преступников к одной профессии—преступной и необходимостью обезопасить себя от преследований судебной власти^[52].

На утверждение уголовно-позитивной школы, что преступники отличаются специально им свойственной нечувствительностью к боли Колаянни отвечает указанием на такую же терпеливость к боли всех классов, живущих ручным трудом и подвергающихся то действию жары, то холода. Кто не знает, спрашивает автор, громадной разницы в перенесении родовых мук женщиной из простонародья и из высших классов общества. Нечувствительность к физической боли часто находится в прямом соотношении с родом жизни человека: женщина из простонародья приступает к домашним работам через несколько часов после родов, а женщины из состоятельных классов остаются по 8 дней в постели и поправляются медленно; точно также доктора, производящие операции знают с какой терпеливостью переносит страдания рабочий и с какою болезненностью—люди других классов^[53].

Условиями жизни объясняет Колаянни нечувствительность преступников к страданию других: «она развивается у врачей, у служителей больниц и анатомических театров, у мясников; сначала им приходится бороться с возбужденным в них зрелищем чувством, но оно постепенно по мере занятий той же профессией пропадает; преступник, вредящий своему ближнему, также привыкает к страданию. Кроме того чувство сострадания находится в связи со степенью умственного развития индивида^[54].

Чувство мстительности также не исключительно принадлежащее преступнику качество: оно так же, как и чувство сострадания, находится в связи с общим состоянием культуры народа: вот почему мы находим наибольшее развитие мести у жителей Корсики, Сардинии, Калабрии, Албании и пр.^[55]

Что касается страсти к спиртным напиткам, к разврату, игре, то сам Ферри признал наибольшее развитие этих пороков среди городских преступников, т. е. тем самым признал не врожденность этих пороков, но приобретение их в силу социальных условий городской жизни.

Ломброзо приписывает преступнику особую страсть к животным. Но он забывает, что такую же любовь обнаруживают к птицам, обезьянам, собакам и кошкам монахи и итальянские солдаты; «причина этой привязанности к животным—одна и общая как у честных людей, так и у преступников: одиночество, недостаток семьи и общественных отношений»^[56].

Преступные сообщества, «камора» и «мафия», объясняемые Ломброзо, как результат врожденного преступникам стремления к преступному единению, находят у Колаянни объяснение условиями социальной среды: тождественностью интересов, хотя бы и преступных и необходимостью более успешной борьбы с полицейской и судебной властями.

Palimsesti—знаменитые надписи на тюремных стенах—также не составляют, по словам Колаянни, исключительной особенности преступников: чтобы убедиться в этом достаточно посмотреть на школьные скамьи, университетские парты и на стены памятников: там найдется такое множество надписей и притом и столь странных, что на основании их пришлось бы весь мир засадить в дом сумасшедших: они продукт или бездействия, или одиночества и представляют лишь капризные развлечения ума в различные моменты жизни^[57].

Большая склонность к самоубийству у преступников проистекает не из каких либо их особенностей, только им присущих, но по той же причине, по какой самоубийство распространено в войсках: вследствие недовольства образом жизни^[58].

Как известно Ломброзо и его последователи придают громадное значение существованию у преступника особой физиономии, Колаянни же объясняет эту особенность преступника образом его жизни^[59].

Вообще учение о внешних особенностях преступника представляется Колаянни полным противоречий как с количественной стороны (*fase quantitativa*), так и с качественной (*qualitativamente*). Под противоречиями количественными автор подразумевает ту различную степень распространенности преступных признаков, которую нашли антропологи, а под качественными противоречиями—разногласия этих ученых в вопросе о том, какие признаки отличают преступного человека от не преступного^[60].

Не придя к решению вопроса: каковы характерные черты, отличающие преступного человека от честного, уголовно-антропологическая школа поспешила определить различные типы преступников, соответствующие различным формам преступности. Но тип—явление устойчивое. Между тем, значительная часть преступников начинает с воровства, а кончает убийством^[61].

Если существует тип преступника, то объяснение ему надо искать не в атавизме, но во влиянии социальной среды, в воздействии на человека целого ряда условий, окружающих его со дня рождения и во время его детства, юношества и после. Среда создает типы моряка, крестьянина,

горца и др., и профессия вырабатывает характерные черты в людях, дающие нам возможность распознать артиста, ученого, священника и преступника. Тип профессиональный—по удачному выражению Тарда—интернациональный тип. Таков тип преступника. Так как преступники живут все под влиянием одного и того же режима, принужденные притворяться, лгать, переходить от насилия к унижению, жить в бедности, разврате и лукавстве, то их физиономии, привычки и нравственный характер становятся одинаковыми. Социальным факторам в самом широком и точном смысле слова обязан своим происхождением этот профессиональный тип преступника^[62].

Автор останавливается на интересном сопоставлении итальянских провинций по распространению в них преступности и вырождения. Он берет цифры убийств, преступлений против нравственности, семейного порядка и против собственности на 100.000 жителей в каждой провинции. Эти цифры он сопоставляет с цифрами не принявших на военную службу по тем же провинциям вследствие болезненности и различных недостатков^[63].

Сопоставление указанных цифр приводит автора к выводу, что преступность и вырождение находятся в Италии в обратном соотношении; утверждать, что преступность—явление вырождения также неверно, как было бы странно заявлять, что в Италии «в настоящий момент физическое здоровье и лучшее органическое строение—самые действительные причины преступности и, наоборот, вырождение составляет лучшее условие нравственного совершенствования»^[64].

Рассмотрев учение Ломброзо об особенностях преступника и частью отвергнув наличность этих особенностей, а частью объяснив их влиянием социальной среды, Колаянни посвящает второй том своей *Sociologia criminale* рассмотрению влияния на преступность антропологических, физических и социальных факторов. Верный своей точке зрения, выясненной нами выше, Колаянни последовательно проводит ее и в этой части своего труда и, отвергая решающее значение антропологических и физических причин преступности, настаивает на почти исключительном влиянии факторов социального порядка.

Из факторов антропологических автор останавливается на значении возраста, пола, гражданского состояния, наследственности и расы; из физических причин он изучает влияние :климата и колебаний температуры и, затем, переходит к рассмотрению социальных факторов. Выделяя из группы социальных факторов причины экономические Колаянни изучает влияние последних на различные преступления и заканчивает этот отдел своего труда попыткой определить влияние на преступность воин, милитаризма, политического устройства и религии.

К рассмотрению антропологических и физических факторов Колаянни обращается лишь для того, чтобы показать насколько ошибочно преувеличено исследователями значение этих факторов в ущерб действительному влиянию факторов социального порядка. Прежде чем перейти к той части работы Колаянни, где он говорит о значении социальных и среди них особенно экономических причин, мы остановимся на критике автором учений о влиянии других факторов.

^[1] Turati: Il delitto e questione sociale Milano. 1883.

^[2] Turati: Указ. соч. 12 стр.

^[3] Turati ук. соч. 74 стр. Romagniosi Genesi del diritto penale.

^[4] Ibid. 62 стр.

^[5] Il tributo criminoso e u privilegio quasi esclusivo d'una classe sociale (42 p.).

^[6] La questione penale e anzitutto e radicalmente una questione di trasformazione sociale 65 p.

^[7] Da incolore perversa e da passione improvvisa 126 стр.

^[8] Ibid 127 стр.

^[9] Die Kriminal-Soziologische Schule als Kumpferin für die Interessen der herrschenden Klassen. Von M. Sursky. «Die Neue Zeit» № 47 и 48 1903—04.

^[10] Vaccaro M. Angelo: Genesi e funzione delle leggi penali. Roma, 1889, p. 77. O Vaccaro см. Макс. Ковалевского: Современные социологи 1903 г. VIII глава и Colajanni: La Sociologia Criminale I v. 1889 § 61.

^[11] В правление, Нерона некто Pedonio был убит своим рабом за постыдное покушение на его честь. Четыреста рабов Педония, жившие при нем, подлежали смертной казни. Мысль, что столько невинных должны погибнуть волновала плебс и даже в сенате было некоторое течение против такой жестокости. Но Кай Кассии, указывая на закон и обычай и на publica utilitas—общее благо, требовал казни, и 400 рабов были казнены. Vaccaro o. c. VI. cap.: Funzione della giustizia punitiva sotto il regime della schiavitù.

^[12] Vaccaro: o. c. VII cap.: Funzione della giustizia punitiva sotto il regime delle caste.

^[13] Sursky приводит интересную таблицу с числами ежегодных убийств [Mord, Totschlag, Fahrlässige Tötung] и с числом несчастных смертных случаев застрахованных рабочих.

ГОДЫ	На все население империи			В предприятиях с вед. страхованием		
	Число убитых	На 10 тыс. населения		Число убитых	На 10 тыс. застрахован.	

1886	1171	0,2	2716	7,0
1887	1207	0,2	3270	7,7
1888	1148	0,2	3645	6,8
1889	1184	0,2	5185	7,1
1890	1304	0,2	5958	7,3
1891	1293	0,2	6346	7,1
1892	1321	0,2	5811	6,5
1893	1243	0,2	6245	6,9
1894	1307	0,2	6250	6,5
1895	1436	0,2	6335	6,7
1896	1384	0,2	6989	7,1
1897	1339	0,2	7287	7,0
1898	1447	0,2	7848	7,3
1899	1433	0,2	7999	7,2
1900	1472	0,2	8949	7,4
1886-1900	19688	0,2	90333	7,0

^[14] Sursky: о. с. 648 p.

^[15] В виде особенно яркого примера можно указать на охрану Германским Уголовным Уложением жизни и здоровья рабочих во время их работы: за нарушение фабрикантом и работодателем распоряжений и предписаний правительства, изданных для защиты рабочих, приказчиков и торговых учеников против опасности жизни и здоровью, закон назначает лишь денежный штраф до 300 марок [Strafgesetzbuch f. das Deutsche Reich. Anhang. Reichszerbeordnung § 147], но рабочий, ученик и вообще служащий в предприятии за сообщение другому лицу деловых тайн и секретов предприятия подлежит денежному штрафу до 3000 марок или тюремному заключению до 1 года. Кроме того в пользу потерпевшего фабриканта может быть присужден денежный штраф до 10000 марок [см. у Листа: Учебник уголовного права. Особенная часть. Пер. Ельяшевича М. 1905 г. 128—129 стр.]. Менгер указывает, что могущество владеющих классов в нашем обществе проявляется особенно ярко, когда сравнивают наказания за тяжкие преступления против личности и против собственности. Так, по Германскому Уложению, за легкие раны и удары преследование начинается лишь по частной жалобе и максимальное наказание—3 года тюрьмы или штраф до 1000 марок (§ 223 и 223 St. G. B.), а простое воровство, наоборот, всегда преследуется ex officio и наказание может достичь 5 летнего тюремного заключения (§ 242 St. G. B); тяжелые раны влекут наказание до 5 лет каторжной тюрьмы и не ниже 1 года обыкновенного тюремного заключения (§ 224 St. G. B.), а квалифицированное воровство—до 10 лет каторжной тюрьмы и не ниже 3 лет тюремного заключения. [Menger: L'etat socialiste Paris. 904. 213—214 pp.]

^[16] См. у нас Гл. 1.

^[17] Такие попытки сделали, между прочим, последователи социологической школы; см. у Намон: *Determinisme et respousabilite*. Paris 1898 (есть рус. пер. Детерминизм и вменяемость. А Амона, под ред. проф. Жижиленко. С.-Пб. 1905 г.).

^[18] «Экономическое положение, благоприятный или неблагоприятный вид которого прежде всего теперь принимается в соображение в вопросе о развитии преступности, есть общее состояние рабочих классов, их положение не только в финансовом, но и в физическом, духовном, нравственном и политическом отношениях. Неспособность к работе вследствие возраста, болезни, инвалидности; безработица по своей вине или без вины; заработная плата и рабочее время, не обеспечивающие ни сохранения силы, ни дальнейшего развития индивидуума: устройство помещения которое губит не только здоровье членов семьи, но и нравственность их, как вследствие бесчинства молодых рабочих и работниц, приходящих на ночлег, так и вследствие тесного сожития взрослых детей между собою и с родителями; условия работы, которые вместе с семейной жизнью уничтожают важнейшее основание всего нашего современного общественного строя,— эти и подобные им другие обстоятельства составляют, по моему убеждению важнейшую группу неблагоприятно влияющих на преступность факторов. Отсюда видно, что спокойная и твердо преследующая свою цель поднятия положения рабочего класса социальная политика является в то же время наилучшей и наиболее действительной уголовной политикой». С этими словами Листа, сказанными в его лекции: «Преступление, как социальное патологическое явление» (Перев. 1904 г. стр. 13. Liszt. *Das Verbrechen als sozialpathologische Erscheinung*. 1899. 21 S.) соглашаются и криминалисты-социалисты. Положение рабочего класса и связь его с преступностью не раз привлекали к себе внимание Листа, хотя подробно он не останавливался на этом вопросе. Так, в указанной лекции он высказал мысль «причинной зависимости между возрастанием числа малолетних рабочих на фабриках и ростом числа юных преступников (стр. 12). В этом же смысле высказался он в своей лекции в Будапеште «*Strafrecht der Zukunft*» (Budapest, 1892, 34 s.) и в статье «*Die Aufgaben und Methode der Strafrechtswissenschaft*», где он указывал на значение для преступности жилищного вопроса (Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswis. XX B. 171 s.).

[19] Последствиями контраста между богатством и пауперизмом Принс («Преступность и общество») считает развитие в низших слоях общества алчности, ненависти и зависти, а в высших эгоизма, равнодушия и безнравственности. «В низших слоях, говорит автор, где кишат несчастные, нарождаются голодные преступники, снедаемые отчаянием и ненавистью, создаются алкоголики, всякие нарушители порядка, бродяги, ненавистники работы и мономаны, действующие по указаниям своего развинченного организма. Здесь можно встретить всех тех, кто не щадит ни чужой собственности, ни жизни, ни чести, ни нравственности, так как все это блага, не имеющие для них никакой цены, никакого смысла. Наоборот, в высших слоях общества можно встретить людей, изнемогающих под тяжестью своего богатства и могущества, субъектов с расстроенными нервами, виверов и кутил, влачащих свое бесполезное существование с характером паразитизма,—все типы подобно неврастеникам низших классов, несомненно приближающиеся к вырождающимся, нравственно помешанным и преступникам». (Ук. соч. стр. 22). Особенное значение придает Принс труду и, сочувственно цитируя Руссо, Мирабо, Луи Блава и некоторых других, считавших праздность преступлением, полагает, что бездельничанье делает человека эгоистичным, подлым, жестоким и неспособным отличать добро от зла (там же стр. 22). См. также: Prins: Criminalite et repression 13 p.

[20] Poleмику противников и защитников Союза см. у Lilienfeld: «Die Intern. Kriminalistische Vereinigung und ihre Zielpunkte» (Zeitschr. für die ges. Straf. 14 Band, 686—704); Rolin: l'union Internat, de droit penal, ses bases, ses travaux et les novateurs du droit penal (Revue de droit Internat, et de legislation coniparee XXII, 1890, 195—249; Lucchini: Rivista penale, XXIX vol. 299; Lucchini: Le droit penal et les nouvelles theories. Paris, 1892, 3—4 pp.; Stenglein: Gerichtsaal 49 B., 139—156 Ss.; Stoss und Lisst: Die Intern. Krimin. Verein, u. ihre Zielpunkte (Zeitschr. für d. g. Straft. 14 B., 611—622 Ss).

[21] В программу международных съездов Союза до сих пор не был включаем ни один вопрос, относящийся к учению о факторах преступности. Лишь на лиссабонском конгрессе в 1897 г. был непосредственно затронут вопрос о факторах преступности речью Rene Worms: «L'ecole et le crime» и в 1902 году на С.-Петербургском конгрессе была произнесена речь Листом «Les facteurs sociaux de la criminalite». Программные же вопросы в большинстве случаев стояли, по выражению самого Листа, на нейтральной почве; таковы были вопросы: «о краткосрочном заключении», «о денежных штрафах», «о вознаграждении потерпевших от преступления», «об организации статистики рецидива», «каким образом возможно достичь при лишении, свободы, особенно краткосрочном, наибольших результатов?» «о нарушениях, их определении и репрессии», «о ссылке», «о влиянии старческого возраста на уголовную ответственность» и др. Bulletin du l'Union Intern, du droit penal 1890 и след.

[22] List: Les facteurs sociaux de la criminalite (Bul. dell'Union 11 v.).

[23] Кроме этой «секции социальных реформ» Weinrich предлагал две другие «юридическую секцию» и «статистическую»; первая должна была изучать уголовные законодательства, пенитенциарный режим и т. п а «статистическая» секция—изучать результаты, достигнутые в борьбе с преступностью. (Bullet, de l'Union Intern, du droit penal 6 vol. 407—408 p.p.).

[24] Так Felice: Principii di sociologia criminale. Milano, 1902, в главе: «Il socialismo e la delinquenza» набрасывает картину современного строя и противопоставляет ему социализацию производства, которая приведет к победе над преступностью: с уничтожением рабства, говорит автор, исчезли преступления, бывшие общераспространенными: повреждение чужой собственности из одной страсти к разрушению, сцены кровавой жестокости, беспрестанные восстания—все те последствия низкого морального уровня, который позволял господину бить и убивать рабов; французская революция, провозгласив равенство всех перед законом, нанесла удар старому феодальному рабству и вместе с ним исчезли преступления этого социального строя, построенного более на мече сильного, чем на праве человеческого рода; современный социализм ведет войну с наиболее сильными причинами преступности: «ecco perche credo ehe, socialisti e sociologi, fesiologi e criminalisti, uomini di mente ed uomini di cuore, debbano tutti mirare verso un punto luminoso del'avenire: la necessita di pronte ed impellenti riforme sociali e il socialismo che appare, cosi, non perche voluto da una scuola, o da un Interesse, ma perche reclamato da necessita sociali imprescindibili!» (124—137 pp.). Также и Ферри полагает, что с установлением коллективистического строя исчезнут преступления, которые вызываются теперь вырождением на почве бедности и лихорадочной борьбой за богатство, но останутся острые формы преступности, связанные с личным патологическим состоянием: Ferri: Socialismo et science positive. Paris. 1896, 197—199 p.p.; Ferri: Socialismo e criminalita 1883 cap. VI Un sogno del socialista e la realta d'un sociologo criminalista. Вопроса о преступности в социалистическом строе коснулся и Менгер: L'Etat socialiste. Paris. 1904. 208—216 p. p. См. также Turati: o. c.

[25] Eugene Rostand. Paris. Publications du Comite du defense et de progres social .V 13, p. 15—16. Также Prinzing: Der Einfluss der Eho auf die Kriminalität des Mannes. Zeitschr. f. Sozialwissenschaft, 1899, 121 s.

[26] Colajanni: Socialismo e Criminalita. Rivisto Popolare di politica, lettere e scienze sociali. Napoli № I, 2, 4, 8. См. также Social. crim. II v. «fattori sociali» и доклад его Амстердамскому Конгрессу Уголовной Антропологии о соотношении преступности и социализма.

[27] Итальянская уголовная статистика сообщает числа поступивших донесений о преступлениях (reati denunciati).

[28] Rivista popolare № 4, 95 p.

[29] Эти провинции следующие: Aquila, Ascoli, Avellino, Bergamo, Brescia, Caltanissetta, Campobasso, Caserta, Catanzaro, Cogliari, Cosenza, Cuneo, Foggia, Girgenti Lucca, Lecce, Palermo, Potenza, Reggio, Calabria, Sassari, Treviso, Toramo, Trapani. В следующих 23 провинциях число голосов за социалистов было значительно: Alesandria, Bologna, Como, Cremona, Firenze, Genova, Livorno, Mantova, Milano; Modena, Novara, Parma, Pavia, Piacenza, Pisa, Porto Maurizio, Ravenna, Reggio Emilia, Rovigo, Siena, Torino, Verona, Vicenza.

[30] Вопрос о значении социализма и клерикализма был также затронут в Бельгийской палате депутатов вождями социалистической и клерикальной партии: Вандервельдом и Вустом. Вуст указывал на недостаточность религиозного воспитания, как на главную причину преступности. Вандервельд находил, что число преступлений и проступков достигает максимума в католической Фландрии и минимума в провинциях, где преобладают свободно мыслящие и социалисты «это зависит, говорил Вандервельд, от того, что в провинциях Генау, Намюре и Льеже материальное положение жителей лучше, и экономические условия благоприятнее и заработная плата выше». *Annales parlementaires. Cham des representants*, pp. 2263, Сеанс 24 июля 1895.

[31] Вульфферт: Антрополого-позитив. школа. угол. пр. в Италии 2 вып. 562 стр.

[32] *La infrazione della legge dello stato promulgata per proteggere la sicurezza dei cittadini, risultante da im atto esterno dell'uomo positivo o negativo, moralmente imputabile.* Цитировано по Colajanni.

[33] Ibid 50 p.

[34] Garofalo: *La Criminologie* Paris 1893. Первая глава (1—50 стр.): *Le delit naturel*.

[35] «Le crime, en effet, est toujours une action nuisible, qui en meme temps blesse quelquesuns de ces sentiments, qu'on ost convenu d'appeler le sens moral d'une agregation humaine» (ibid 5 p.).

[36] Ibid 13 p.

[37] Ibid 21—22 p.p.

[38] Il nous faut analyser un peu plus profondement cet instinct de bienveillance pour en distinguer les differents degrers et en decouvrir la partie vraiment necessaire a la moralite, et qui est en quelque sorte universelle (ibid 23 p.)

[39] Ibid 28 p.

[40] Ibid 33 p.

[41] Ibid 36 p.

[42] Noris pouvons conclure... qu'un acte nuisible soit considere comme criminel par l'opinion publique c'est la lesion de cette partie du sens moral qui consiste dans les sentinients altruistes fondamentaux, c'est a dire la pitie et la probite. Il faut de plus, que la violation blesso, non pas la partie superieure et la plus delicate de ces sentiments, mais la mesure moyenne dans laquelle ils sout possedes par uno communaute». (Ibid 38—39 p.).

[43] Tarde: *La criminalite comparee*. Gorafalo: *La Criminalologie*. 1895. 63—64 p. p.

[44] Colajanni Ibid 60 p.

[45] «Onde le disarmonie morali tra le minoranze e le maggioranze, sono formate dai detriti psicologici della storia (delinquenti) e dai prematuri rampoli benigni stati futuri (geni e martiri del pensiero). Le ribellioni dei primi non trovano che la perenne maledizione: la ribellione dei geni e destinata all'odorazione dei posterii» (Battaglia *La dynamics del delitto* Napoli: 1886). ibid. 61-62 p.p.

[46] Sono azioni punibili (delitti) quelle determinate da moventi individuali e anti-sociali che turbano le condizioni di vita e contravvengono alla moralita media di un dato popolo in un dato momento. Ibid. 64 p.

[47] Garofalo: o. c. 66 p.

[48] Ibid. 148—149.

[49] Ibid. стр. 178.

[50] Ibid. 218-219.

[51] Ibid. 215.

[52] Ibid. 221.

[53] Ibid 225—227.

[54] Ibid. 227.

[55] Ibid. 228.

[56] Объяснение любви преступников к животным исключительно условиями тюремной жизни см. у Н. Соколовского в его очерках одиночного заключения: «Из старых воспоминаний и наблюдений». Стр. 210, «На славном посту».

[57] Calajanni. Ibid. 231—232. Можно видеть подтверждение этому объяснению Колаянни в самом характере многих из надписей. Так, на стенах одной одиночной тюрьмы читаем: «21.000 раз я обходил свою камеру в течение недели»; «В этой комнате 3330 камней» или «в этой комнате 131 черных, и 150 красных кирпичей» и т. п. Гавелок Элли: «Преступник». Перев. 133 стр., также Lombroso: *Les palimsestes des prisons*. Lyon. 1894.

[58] Colajanni. Ibid. 232 p.

[59] Colajanni (233—241): «кто хочет обманывать; тот, боясь быть выданным своими глазами, смотрит в землю; кто идет на кражу и должен узнать расположение чужого дома, имеет взор подвижный и живой, кто часто позволяет себе поддаваться чувству гнева, мести и ненависти, тот приобретает жесткие, грубые и отталкивающие черты». (234).

[60] Что касается количественных противоречий, то, например, надбровные дуги и лобные пазухи выдаются у преступников, по Ломброзо, в 66,9 случаях на 100, по Bordier в 60, Heger и Dallemagne в

13, а по Benedikt, Tenkate и Pavlowsky, Corre, Ardouin, Lennossek и Flesch—нуль. Аномалии в развитии зуба мудрости: Ломброзо—57%, Lennossek 8% и все остальные—0. Частичное или полное сращение швов: по Ломброзо—37%, Benedikt— 53,8%, Tenkate и Pavlowsky 3,7%. Corre 22,2, Heger и Dallemagne 25,8; Lennossek—8,3, Flesch—0.

То же самое противоречие видит автор и в качественном отношении. Так Ломброзо считает распространённой особенностью преступников — асимметрию черепа, но Топинар считает ее нормальным для человека явлением, Марро считает более сильную руку у преступников правую, а Warnott левую; Thompson и Vergilio определяют вес преступника ниже среднего, а Ломброзо и Марро выше и пр. (Colajanni *ibid.* 250—255).

^[61] По учению Гарофало понятие естественного преступления характеризуется отсутствием чувства сострадания (преступления против личности) или справедливости (преступления против собственности). Казалось бы, говорит Колаянни, что и типов преступников должно быть два. Но Марро насчитывает их одиннадцать и выделяет три группы характеров: 1) атактистический характер (убийцы, насильственники, разбойники и воры, прибегающие к взлому); 2) характеры атипические (*atipici*) поджигателей и 3) характеры патологические (у преступников обвиняемых в нанесении ран, у мошенников, биржевых игроков, домашних воров и празднующихся) Colajanni 260.

^[62] *Ibid.* 359.

^[63] Наибольшее число не принятых на службу было в Brescia 27%, Sondrio 26,95, Firenze 22,31; Bergamo 22,14, Livorno 20,47, Ferrara 20,48, Como 19,61, Montova 18,70, Padova 18,50, Pavia 18,17. Наименьшее число не принятых в Treviso 8,98% Avellino 9,32, Trapani 9,90, Kavenna 9,92, Xoggia 10,03, Girgenti 10,08, Rovigo 10,38, Caltanissetta 10,52, Lucca 10,80, Cosenza 10,85. Среди первых десяти провинций наибольшее число всех преступлений в Livorno (1906 на 100.000), там же наибольшее число преступлений против нравственности и против собственности (712). В Ferrara и Montova—maximum преступлений против собственности (679 и 542). Но только в этих 3 провинциях из первых десяти наблюдается такое прямое соотношение между преступностью и числом не принятых на службу. Наоборот, в остальных семи преступность развита наименее: так, в Bergamo (603), Sondrio (565), Como (549) Pavia (532)—наименьшее число преступлений. В следующих провинциях был minimum не принятых на военную службу, но высокая преступность: в Avellino — maximum всех преступлений (1519), в Caltanissetta maximum преступлений против добрых нравов (31,53), против жизни (46,02), против собственности (525); в Girgenti наибольшее число убийств 70,79 в Cosenza и Treponi maximum убийств (38,12 и 40, 21), в Treviso maximum преступлений против собственности (1035).

В итоге Colajanni находит параллельные течения преступности и вырождения в 4 провинциях (Livorno, Ferrara и Mantova—maximum не принятых на службу и преступности, а в Lucca minimum того и другого); в десяти провинциях соотношение между преступностью и вырождением обратное, maximum не принятых на военную службу и minimum преступности в Bergamo, Sondrio, Como, Pavia; minimum забракованных и maximum преступности в Avellino, Caltanissetta, Girgenti, Trapani, Cosenza и Treviso.

^[64] *Ibid.* 315, 317—318.

Влияние на преступность возраста.

По мнению Колаянни, если и можно признавать за возрастом какое-нибудь влияние на преступность, то лишь второстепенное. Нельзя, конечно, отрицать, что в развитии человеческого организма бывают такие моменты, когда происходят довольно резкие физические и психические изменения; таково, например, наступление эпохи зрелости у мужчины и особенно у женщины. Но утверждение, что возраст на всем пути своего развития побуждает человека совершать различные преступления, соответствующие той или другой возрастной эпохе, представляется рассматриваемому нами автору неправильным. Неправильность такого утверждения доказывается несколькими соображениями. Во-первых, склонность к преступности различных возрастных групп далеко не одинакова в различных государствах. Так, максимум преступности в Пруссии приходится на возраст между 26 и 40 годами, а во Франции на возраст до 24 лет. Автор приводит взятую им у Ферри (Nuovi Orizzonti) таблицу о числе несовершеннолетних преступников в возрасте до 20 лет^[1].

Таблица IV.

Число несовершеннолетних преступников	Мужчин (%)	Женщин(%)
Италия (1871-76)	8,8	6,8
Франция (1872-75)	10,0	7,6
Пруссия (1871-72)	2,8	2,6
Австрия (1872-75)	9,6	10,6
Венгрия (1874-76)	4,2	9,0
Англия (1872-77)	27,4	14,5
Шотландия (1872-77)	20,0	7,0
Ирландия (1872-77)	9,0	3,2

Бельгия (1874-75)	20,8	-
Голландия (1872-77)	22,88	3,7
Швеция (1873-77)	19,77	17
Швейцария (1874)	6,7	7
Дания (1874-75)	9,9	9,6

Колаянни указывает, во-вторых, на тот факт, что склонность к преступлению различных возрастных групп населения не одинакова в различные годы. Если бы возраст человека был причиной преступности, то следовало бы ожидать постоянства процента преступников того или другого возрастного периода, но этого нет в действительности. Так, во Франции число обвиняемых в суде присяжных распределялось по возрасту в 1825—1880 годы следующим образом:

Таблица V.

Возраст обвиняемых во Франции	1825-50	1851-60	1861-65	1866-69	1871-75	1876-80
Моложе 21 года	132	156	146	170	179	171
От 21 до 40	624	556	545	540	543	531
От 41 до 60	210	248	251	230	229	234
Старше 60 лет	34	41	58	60	48	54
	1000	1000	1000	1000	1000	1000

Из этой таблицы автор усматривает рост преступности юных преступников (моложе 21 года) и старых (старше 60 лет) и уменьшение преступности населения в возрасте от 21 до 40 лет.

Если мы обратимся к французской статистике за последние двадцать лет, то найдем следующие сведения о возрасте обвиняемых в суде присяжных^[2].

Таблица VI.

Возраст обвиняемых во Франции	1881-85	1886-90	1891-95	1896-00
Моложе 21 года	180	160	170	180
От 21 до 40	560	580	560	570
От 41 до 60	220	220	230	210
Старше 60 лет	40	40	40	40
	1000	1000	1000	1000

Приведенные в V и VI таблицах цифры не поставлены в соотношение с числом населения соответствующего возраста и потому мы не можем говорить о колебаниях преступности во Франции, но несомненные изменения процента преступности мы находим в других государствах. Так, в Германии, начиная с 1882 года, наблюдается быстрое возрастание числа юных преступников в возрасте до 18 лет.

Таблица VII.

Германия^[3].

Число юных преступников в возрасте до 18 лет		
Годы	Число юных преступников	Или на 100000 юного населения
1882	30719	568
1883	29965	549
1884	31342	478
1885	30704	560
1886	31513	565
1887	33113	576
1888	33067	563
1889	36790	614
1890	41002	663
1891	42312	672
1892	46493	729
1893	43776	686
1894	4552	716
1895	44384	702
1896	44275	702

1897	45328	-
1898	47986	-
1899	47512	-
1900	48657	-

Основное положение Колаянни, что возраст не является причиной преступности, не разделяется многими и в том числе Кетле, Герри и Неклюдовым, автором известного труда «Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению». Неклюдов находит, что возраст есть общая «космополитическая» причина преступности, что «влияние возрастов на количество преступников одинаково для всех государств»^[4]. Но с таким утверждением нельзя вполне согласиться. Несомненно, что некоторые преступления преимущественно свойственны тому или другому возрасту, но это еще не значит, что возраст является в этих случаях причиной преступлений. Если женщина в возрасте от 20 до 40 лет особенно склонна к совершению преступлений детоубийства, то причину этому надо искать не в физиологическом влиянии возраста, но в социальной среде, в так называемом общественном мнении, которое клеймит позором внебрачные рождения. Если бы причиной детоубийства был возраст женщины от 20 лет до 40 лет, то женщины, состоящие в браке, должны были бы давать такой же процент детоубийц, как и матери внебрачных детей, между тем они почти совсем не совершают этих преступлений. Точно также, по изысканиям Неклюдова, возраст от 25 до 30 лет отличается особою наклонностью к политическим преступлениям, но опровержением значения возраста, как физиологической причины политических преступлений, является то обстоятельство, что наибольшее число политических преступлений совершается в различных странах в различные возрастные периоды: так, во Франции наибольшее число политических преступников имеют (вычисления Неклюдова) от 25 до 30 лет, а в России от 21 до 25 лет^[5].

Таблица VIII.
Россия.

Возраст обвиняемых в политических преступлениях								
10-16	17-20	21-25	25-30	30-40	40-50	50-60	старше 60	всего
0,8	18,8	35,4	22,4	14,1	5,3	2,1	1,1	100

Еще моложе возраст женщин, обвиняемых в политических преступлениях: из 686 обвиняемых громадное большинство было моложе 30 лет (561 или 82% на 100)^[6]. Второстепенное значение возраста видно также из того факта, что различные общественные классы дают не одинаковый процент преступников того или другого возраста. Точно также в то время как дети, рожденные вне брака, составляют во Франции 7.5% на сто детей рожденных в браке, среди юных преступников насчитывается 14% мальчиков и 19% девочек рожденных вне брака^[7].

Точно также, возраст не может быть признан причиной преступлений против собственности, так как все возрастные периоды дают преступников этой категории. Очевидно, как признал это и Неклюдов, решающее значение здесь принадлежит неравномерности распределения богатства в современных государствах.

Таким образом во всех указанных случаях физиологическое влияние возраста уступает свое место другим более сильным влияниям социального порядка. К такому выводу Колаянни пришел и Тард, полагающий, что экономические соображения, нравы, понятия, искусственно развитые потребности берут верх над естественными импульсами не только в отношении преступности, но и брака: «максимальный возраст для бракосочетания и деторождения определяется социальными причинами», «от них же зависит и возраст максимума различных преступлений». В Китае неженатый молодой человек 20 лет вызывает удивление, а во Франции считается неприличным жениться ранее 30 лет. В Ирландии открытие картофеля вызвало быстрый рост населения и т. д.^[8] Впрочем, и у Неклюдова, несмотря на его категорическое утверждение, что возраст является общей и космополитической причиной всей преступности и отдельных преступлений, мы находим развитие и другого положения, не находящегося в противоречии с теорией Колаянни о значении социальной среды: так, подлоги всего чаще совершаются в возрасте от 30 до 35 лет, но главная их масса, по словам Неклюдова, выпадает на долю женатых и вдовых, а между ними преимущественно на долю лиц, имеющих детей. Политические преступления свойственны возрасту от 30 до 35 лет, но исключительно мужскому полу, так как они «обуславливаются главным образом общественным положением лица» и т. д.^[9]

Однако отрицать всякое значение возраста для преступности было бы совершенно не правильно. Среди малолетних преступников, например, громадное большинство осуждено за тайные похищения и ничтожное количество за грабежи и подлоги; объяснения этому явлению надо искать в свойствах детского возраста, не обладающего ни достаточною физическою силою для открытого нападения на чужую собственность, ни таким умственным развитием, какое необходимо для совершения подлогов. Точно также мы не встречаем стариков среди политических

преступников; очевидно, старческий возраст дает в данном случае такие сильные, задерживающие стимулы, какими не обладают зрелый возраст и молодость.

За указанными ограничениями оттенение Колаянни значения социальных факторов сравнительно с физиологическим влиянием на преступность возрастных периодов является правильным, и уголовный политик должен признать, что возраст является не общей, не космополитической и не непоборимой причиной преступности, но таким фактором, который не может устоять перед силою соответствующих реформ социальной среды преступника.

^[1] Colajanni о. с. 72—73 p. II v. Тард также указывает на эти цифры La Philosophie penale 1892, 312 p.

^[2] Compte general du l'administration de la justice criminelle de 1881 a 1900. Paris 1902, XI p.

^[3] Kriminalstatistik für das Jahr 1900. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 139, 39 s.

^[4] Н. Неклюдов: Уголовно-статистические этюды. Спб. 1866, 50 и 52 стр.

^[5] Quelques renseignements statistiques sur les accuses de crimes contre l'etat en Russie (Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie etc. 18v. 1903, 65—81 p. p. Приведенные статистические сведения относятся к периоду 1883—1890 гг. Русские официальные отчеты не публикуют этих сведений и потому нет возможности представить более поздних данных. Большинство обвинений было рассмотрено в административном порядке.

^[6] Ibid, 69 p.

^[7] Joly Henri: La France criminelle. 2-me ed. 191 p.

^[8] Tarde: La philosophic penale. 1892, 311 p.

^[9] Неклюдов: ук. соч. 97 стр.

Влияние на преступность пола.

Женщина совершает преступлений менее мужчины. Так как Колаянни не приводит статистических данных, характеризующих ее участие в преступности, то мы приведем некоторые из них.

Таблица IX.
Франция^[1].

Среднее ежегодное число мужчин и женщин обвиняемых в суде присяжных в период 1881-1900 гг.								
	1881-1885		1886-1890		1891-1895		1896-1900	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Мужчин	3767	86	3583	85	3389	84	2900	85
Женщин	615	14	646	15	631	16	500	15

Таблица X.
Франция^[2].

Число мужчин и женщин обвиняемых в исправит. судах в 1881 и 1900 гг.				
	1881		1900	
	всего	на 100 тыс. населения	всего	на 100 тыс. населения
Мужчин	159080	1197	157951	1611
Женщин	26929	200	25238	179

Таблица XI.
Бельгия^[3].

Число осужденных мужчин и женщин за 1898 — 1900 гг.				
	1898	1899	1900	на 100 тыс. в 1900
Мужчин	42073	45469	46159	1220
Женщин	12726	13822	13286	360

Участие женщины в совершении различных преступлений в Бельгии видно из следующей таблицы:

Таблица XII.
Бельгия 1900 г.^[4]

	На 100 осужденных приходилось	мужчин	женщин
1	Преступления и проступки против государственной безопасности и прав огражденных конституцией	94,4	5,6
2	Подделка монет, марок и пр.	85,2	14,8
3	Подлог документов	89,3	10,7
4	Лжесвидетельство	67,6	32,4
5	Присвоение не принадл. звания, имени, чинов	87,1	12,9
6	Преступления и проступки против обществ. порядка	88,8	11,2
7	Преступления и проступки против обществ. безопасности	92,1	7,9
8	Преступления и проступки против семейного порядка	52,9	47,1
9	Преступления и поступки против обществ. нравственности	87,7	12,3
10	Убийство	75,0	25,0
11	Нанесение ударов	80,2	19,8
12	Посягательства на личность, свободу и нарушение частными лицами неприкосновенности жилища	91,1	8,9
13	Клевета и оскорбления	52,9	48,1
14	Вскрытие писем	-	100
15	Кражи	57,3	42,7
16	Банкротство	91,3	8,7
17	Мошенничество и злоупотребление доверием	76,7	23,3
18	Укрывательство похищенного	62,3	37,7
19	Поджог	86,7	13,3
20	Повреждение имущества	90,9	9,1
	Всего	76,8	23,2

Таблица XIII.
Швейцария 1892—1896^[5].

На 10.000 муж. и 10.000 жен. населения приходилось осужденных в год				
	Название кантона	муж.	женщ.	муж. и женщ.
1	Цурих	26,4	3,3	10,0
2	Берн	25,9	8,3	17,0
3	Луцерн	24,6	6,4	15,6
4	Ури	9,9	0,6	5,0
5	Швиц	9,5	1,6	5,4
6	Унтервальден Верхний	27,2	3,2	15,1
7	Унтервальден Нижний	22,3	1,7	11,8
8	Гларус	10,3	1,7	5,7
9	Цуг	33,7	7,5	20,0
10	Фрибург	6,8	0,6	3,7
11	Золотурн	31,9	5,1	18,1
12	Базель городской	22,0	3,8	11,8
13	Базель сельский	68,0	5,8	36,0
14	Шафгаузен	27,4	5,5	15,8
15	Аппенцель I	16,6	2,1	9,1
16	Аппенцель II	26,6	3,3	14,6
17	С.Галлен	21,9	3,6	12,4
18	Граубюнден	10,7	1,9	6,1
19	Ааргау	20,8	2,5	11,1
20	Тургау	13,0	2,0	7,4
21	Тесин	5,5	0,3	2,6
22	Ваадт	23,1	2,4	12,7
23	Валлис	4,6	0,6	2,6
24	Пеуенбург	24,8	4,6	14,1
25	Женева	11,5	0,4	5,5
	Швейцария	23,2	4,0	13,2

В Германии, несмотря на то, что женское население превышает мужское (в 1895 году насчитывалось 26.618.651 женщин, и 25.661.250 мужчин) женщины дают в 4—5 раз меньше преступлений, чем мужчины.

Таблица XIV.
Германия^[6].

Число осужденных мужчин и женщин с 1882 по 1898 г. и в 1900 г.		
Годы	Мужчин	Женщин
1882	267353	62615
1883	266693	63165
1884	281637	64340
1885	281728	61359
1886	291434	61566
1887	294642	61715
1888	288481	62184
1889	303195	66449
1890	314192	67258
1891	3221657	69407
1892	347050	75277
1893	256232	74171
1894	370388	75722
1895	377214	76997
1896	382432	74567
1897	387054	76531
1898	399839	77968
1900	396975	72844

Участие женщины в совершении различных преступлений в Германии видно из следующей таблицы, которую мы составляем на основании отчета германской уголовной статистики за 1900 год.

Таблица XV.
Германия 1900 г.^[7]

На 100 осужденных мужчин за преступления и проступки осуждено женщин.	
Насилия и угрозы чиновникам и пр.	6,1
Нарушение неприкосновен. жилищ	11,4
Освобождение арестованных вещей	36,1
Ложная присяга	42,4
Плотские преступления, насилдование и пр.	0,7
Оскорбления	35,2
Убийство предумышленное	27,1
Убийство	20,0
Тяжкое повреждение здоровья	7,9
Легкое повреждение здоровья	11,4
Угрозы и насилия	5,7
Воровство простое	35,6
Воровство квалифицированное	11,0
Присвоение	21,0
Грабеж	2,5
Вымогательство с угрозами	15,1
Пристанодержательство	49,7
Обман	20,6
Подделка правит. и др. актов	20,2
Повреждение имущества	5,9
Поджог	21,6
Преступления и проступки по должности	6,4
По всем преступлениям и проступкам	18,3

В Англии по переписи 1 апреля 1901 года женское население превышает мужское на 1,5% (51,5% женщ.), но женская преступность в несколько раз ниже мужской.

Таблица XVI.

Англия 1893—1900 гг.^[8]

На 100 осужденных приходилось женщин.		
Годы	Дела вчинаемые по обвин. акту	Дела упрощ. произв.
1893	13,07	23,39
1894	12,95	23,50
1895	13,26	23,94
1896	11,75	23,58
1897	12,00	23,99
1898	11,82	23,66
1899	11,70	23,89
1900	11,51	24,67

Итак, везде женщина участвует в совершении преступлений менее мужчин. Объяснения этому факту были даны различные. Уголовно-антропологическая школа нашла, что женщина по своему анатомическому строению стоит ниже мужчины и поэтому должна отличаться большею, чем он преступностью^[9].

Но так как цифры уголовной статистики противоречили этому утверждению, то Ломброзо и его последователи обратились к изучению проститутки и нашли, что проституция является эквивалентом преступности, что проститутка обладает тем же преступным типом, каким наделена преступница. Согласно другого мнения, объяснения меньшей преступности женщины надо искать в ее более высокой нравственности^[10]. Колаянни не примкнул ни к одному из этих двух мнений и объяснил интересующее нас явление исключительно причинами социального характера. Если бы женщина находилась, говорит он, в одинаковых с мужчиной экономических условиях, она дала бы одинаковый с ним процент преступности. Но история женщины существенно разнится от истории мужчины. Красною нитью через всю жизнь женщины проходит ее приниженность и замкнутость в круг домашних обязанностей. Она сделалась рабой ранее, чем появилось рабство; ее положение было особенно тяжко; самым рабочим она была третируема, говорит Бебель, как существо низшее^[11]. «Эгоизм мужчины и его грубая сила заковали женщину в железные цепи и не давали проявиться ее влиянию на общественную жизнь»^[12]. Мы наблюдаем это явление и у дикарей и в современных обществах. На островах Таити женщина не должна прикасаться к оружию и рыболовным снарядам мужчины, не имеет права появляться в местах общественных сборищ, не смеет есть пищу вместе с мужчинами. У Бирманцев она не имеет права входить в храм. У кафров женщинам запрещен вход в места, где собираются мужчины^[13]. У евреев в десяти заповедях женщина была поставлена наравне со скотом и рабом. С распространением христианства общественное положение женщины мало изменяется: с одной стороны повиновение жены мужу делается священным догматом, а с другой развивается аскетизм, смотрящий на женщину с глубоким презрением. В средние века, когда семья продолжала собственными силами производить все предметы потребления, женщина не имела ни возможности, ни времени отлучаться от семейного очага и интересоваться общественными делами, и потому круг ее интересов замыкался семьей и домашним хозяйством. Но в те же средние века народное невежество приписало ей широкое участие в области колдовства, и сотни тысяч невинных жертв погибли на кострах. Приниженное положение женщины и отрицание за нею права участия в общественной жизни родной страны перешло в новое время. Великая французская революция не занялась женским вопросом. Когда, в 1793 году, были провозглашены права человека и гражданина, парижанки потребовали провозглашения прав женщины и указывали, что, если она всходит на эшафот, то она должна иметь право всходить и на трибуну. Эти требования остались неисполненными. Когда немного спустя конвент объявил отечество в опасности, парижские энтузиастки предложили сформировать свой женский отряд, но предложение было отклонено с указанием женщине, что ее место у детей, а не на площади^[14]. Переворот, наступивший в промышленности с введением новой силы—пара, был началом переворота и в положении женщины: развитие крупного производства и распад домашнего освободили женщину от прикованности к семейному очагу и дали ей новое поле деятельности на фабрике. Вместе с тем женщина постепенно начала завоевывать себе и другие сферы труда. Однако и теперь ее правовое и политическое положение продолжает носить на себе характерные черты прежнего времени и чтобы достичь полного равенства с мужчиной ей придется вести еще долгую борьбу.

В этой истории женщины и ее современном положении надо искать объяснение ее меньшей преступности. Совершенно правильно Колаянни указывает, что преступность женщины различается по отдельным государствам и по различным годам, приближаясь к преступности мужчины или отдаляясь от нее по мере того, как социальные условия, в которых живет она, приближаются к положению мужчины или отличаются от него. Чем разнообразнее и кипучее жизнь человека, чем

чаще ему приходится вступать в сношения с другими людьми, тем более у него шансов выйти из устанавливаемых законом рамок и совершить преступление. Женщина, остающаяся замкнутой в семейном кругу, не имеющая доступа к общественным и правительственным должностям, лишенная политических прав, фактически не может совершать преступлений по должности, нарушать законы, регулирующие осуществление избирательного права и т. п. Так, в Германии на сто осужденных за преступления по должности приходилось в 1900 году всего 6,4 женщины; в Бельгии наименьшее количество осужденных женщин на каждую сотню осужденных мужчин приходится за преступления и проступки против государственной безопасности и против прав, огражденных конституцией (5,5 на 100) и наивысшее за преступления против семейственного порядка (47,1 женщин против 52,9 муж.); во Франции в 1900 году было 15 мужчин обвиняемых в преступлениях против политических прав и ни одной женщины. Общая цифра женской преступности в стране тем ниже, чем более замкнута жизнь женщины. Коляяни ссылается на ничтожную преступность женщины в Алжире сравнительно с французской (4 женщины в Алжире и 14 во Франции на 100 мужчин обвиняемых в преступлениях), на более высокую преступность англичанки, на низкую преступность испанки, далматки. В добавление к этим цифрам можно указать на статистические данные о преступности женщины в России. Положение женщины в России далеко не одинаково в различных местностях и потому не одинаков и процент преступности в различных губерниях: особенно незначительно число обвиненных женщин в губерниях Таврической, Казанской, Уфимской, Оренбургской, т.е. там, где значительный процент населения мусульманского исповедания и где женщина ведет совсем замкнутый образ жизни. Наоборот наибольший процент преступности выпадает на запад России: уезды Варшавский, Петроковский, Калитиский, Радомский, Келецкий^[15]. Наименьший процент преступности дала магометанка в период с 1837 до 1846 г. (до изысканиям Анучина): на сто ссыльных мужчин протестантского вероисповедания приходилось 28,64 женщины протестантки, на 100 православных мужчин 22,01 женщины, на сто раскольников 14,91 раскольник и на сто магометан всего 1,33 магометанки. Анучин дал верное объяснение наименьшей преступности женщины, совпадающее с объяснением Коляяни^[16]. Социальными причинами од объяснил также незначительную преступность магометанки: «основатель магометанства вложил в Коран все, чтобы совершенно удалить женщину от общественной жизни и сделать из нее простую вещь, приковав эту вещь к господину мужу. Укутанная в чадру, замкнутая в гареме, пропитанная с детства самою рабскою покорностью к мужчине, привыкнув считать себя за вещь, которую можно покупать и продавать, магометанка лишена всякой возможности проявить свою деятельность в каком бы то ни было отношении, как в хорошем, так и в дурном»^[17]^[17].

Рассмотрение тех преступлений, которые всего чаще и всего реже совершает женщина убеждает нас в правильности объяснений Коляяни.. Всего чаще она совершает детоубийство; в России на 70 осужденных мужчин пришлось в 1889— 1893 г. 3940 женщин, во Франции 90 женщ. на 10 мужч. (1900 г.). Как было бы ошибочно объяснять незначительное участие мужчины в совершении этого преступления его особою жалостью к новорожденным, так было бы неверно предполагать, что причиной детоубийства является жестокость женщины. Наблюдения показывают, что детоубийцами являются девушки-матери, а это обстоятельство дает все основания утверждать, что детоубийство имеет свою главную причину известные взгляды современного общества на внебрачные рождения^[18].

Значительно участие женщины в совершении домашних краж (по вычислению Коляяни 60%). Этот факт вполне объясняется указанным выше семейным положением женщины^[19].

Женщине приходится, конечно, быть с детьми чаще чем мужчине, а потому особенно велико число ее преступлений против детей^[20].

Из занятий женщины вне домашнего хозяйства одно из самых распространенных торговля, и уголовная статистика отмечает значительное число торговых обманов, совершаемых женщинами (46,3 на 100 во Франции в 1900 г.^[21]).

Вместе со многими криминалистами мы полагаем также, что, при объяснении меньшей преступности женщины, не следует опускать из внимания ее участия в проституции, вызываемой теми же социальными причинами, какие порождают преступность^[22]. Перед голодною женщиною, не находящей возможности жить трудом своих рук, остается кроме смерти, две дороги, одинаково позорные, но не одинаково опасные: один запрещенный законом путь преступности и другой легальный, санкционированный властью, путь к проституции. Несомненно, что часть женщин, принужденных выбирать из двух зол одно, выбирают последнее.

Таково социологическое объяснение преступности женщины. Постепенное завоевание ею политических прав, расширение области ее труда приводит к увеличению ее преступности. Но было бы совершенно неправильно выдвигать это возрастание преступности, как аргумент против равноправности женщины и мужчины, потому что этот аргумент с таким же правом можно применить и против расширения области деятельности мужчины. Правильная политика заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых сократится до минимума всякая преступность, безразлично мужская она или женская. Одним из таких условий является уничтожение для уменьшения той розни, какую видим мы теперь в борьбе за существование, когда идут «класс на класс, пол на пол, возраст на возраст»^[23].

[1] *Compte general de l'administration de la justice criminelle*. Paris, MDCCCII, XIX p.

[2] *Ibid.* L. p. Сведений о поле обвиняемых в полицейских судах не имеется.

[3] *Statistiques judiciaires de la Belgique*. Troisieme annee. Bruxelles. 1902, XXV p.

[4] *Ibid.* XXV p.

[5] *Schweizerische Statistik*. 125 Lieferung. Die Ergebnisse der Schweizerischen Kriminalstatistik während der Jahre 1892—1896. Bern. 1900, 12 s.

Статистические сведения о движении преступности присылаются в федеральное статистическое бюро с 1892 года. В период с 1892 по 1896 г. было прислано 14612 карточек, из которых 12381 о муж. и 2264 о женщ.

[6] *Seuffert Hermann, prof.: Die Bewegung im Strafrechte während der letzten dreissig Jahre*. Dresden. 1901, 12 s.

Kriminalstatistik für das Jahr 1900. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 139, II—47 s.

[7] *Kriminalstatistik f. d. Jahr 1900*. II 46—47 s.s.

[8] *Bonger W. A. Criminalite et conditions economiques*. Amsterdam 1905, 521.

[9] По изысканиям Ломброзо оказалось, что мозг женщины весит меньше, что серого вещества в нем меньше, что в крови меньше красных шариков, что череп ее походит на череп ребенка, лоб имеет перпендикулярное направление, характерное для ребенка, лицо сравнительно с черепом мало. Она несравненно чаще мужчины владеет одинаково хорошо обеими руками или бывает левшой, осязание ее хуже (тонкое у женщины 16% у мужчины в 31,5%, притупленное у женщины в 25%, а у мужчины в 6%), вкус у женщины более грубый, а слух развит менее, чем у мужчины. Она лжива, скупа, относится легче к страданиям других и пр. *Lombruso und Ferrero. Das Weib als Verbrecherin und Prostituirte*. Uebers. von Kurella.

[10] См. Зеланд: Женская преступность. С.-Пб. 1899 г. Рейнгардт: Женщина перед судом уголовным и судом истории. 2-ое изд. Каз. 1900 г.

[11] *Bebel: La femme dans le passe, le present et l'avenir*. Traduit par Rave. Paris, 1891 p. 9.

[12] Клара Цеткина: Женщина и ее экономическое положение. Пер. с нем. О. 1905, 3 стр. См. С. Zetkin: *Geistiges Proletariat, Fraueufrage und Socialismus*. Berl. 902. См. также В. М. Хвостов: Женский вопрос с точки зрения нрав. филос. Науч. Сл. 1905. № 1.

[13] Ломброзо и Ферреро. Женщина преступница и проститутка. Перев. 2-ое изд. К. 1902, 166 и след.

[14] *Bebel o. c.* 199-200 p. p.

[15] Тарновский: Итоги русской уголовной статистики. Приложение к Журн. Мин. Юст. 1899, 139—141 стр.

[16] Различие в числе осужденных обоего пола г. Анучин объясняет различием в образе жизни: для мужчины сделаться преступником гораздо вероятнее, чем для женщины, потому же самому, почему для него вероятнее сделаться жертвою нечаянной или неестественной смерти. См. Анучин *Материалы для уголовной статистики России*. Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь. Часть I. Тобольск 1866 г. 138 стр. Таково же объяснение проф. Фойницкого: «Женщина преступница» *Сев. Вест.* 1893 p. № 2 и 3.

Тард, выдвигая значение социальных факторов в преступности женщины отмечает, что число женщин убитых молнией в течение десяти лет приблизительно вдвое менее числа убитых мужчин: «не зависит ли это от более замкнутой домашней жизни женщины? Во всяком случае, это может зависеть лишь от особенностей ее социальной и отнюдь, кажется, не физической жизни». *Tarde: la philosophie penale*.

[17] Анучин: ук. соч. стр. 138.

[18] *Compte general de l'admin. crim.* Paris 1902.

[19] Во Франции за 1900 г. женщина совершила 8,9% всех vols-crimes (краж преступлений) и 22,3% домашних краж (*ibid*).

[20] Во Франции на 100 муж.—119 женщин, обвиняемых в *delits violances et attentas aux enfants* (*ibid.* 62).

[21] *Ibid* 56 p.

[22] *Ashaffenburg: Das Verbrechen und seine Bekämpfung*. 1903, 130 s.

[23] *Bebel o. c.* 220—221 p. p.

О женской преступности см. кроме указанной литературы Joly: *La France criminelle*. XIV chap. Майо Смит. *Статистика и социология*. 289, 293 стр. Corre: *Le crime dans les pays creoles*; 79—81 p.p. Tarde: *La criminalite comparee*. Oeltingen: *Die Moralstatistik*. 1882, 523 s. и др. Lombroso et Lacht: *Le crime politique* IIv. 5—13 p.p. Georg S. *Die Weibliche Lohnarbeit und ihr Einfluss auf die Sittlichkeit und kriminalität*. (*Die Neue Zeit*, 1899—1900, 747—758 ss.). Гирш: Преступления и болезни, как социальные болезни. Перев. Спб. 1898.

Влияние на преступность семейного состояния.

а) Внебрачное происхождение.

Под рубрикой *Stato civile* Колаянни рассматривает в числе антропологических причин влияние на преступность незаконнорожденности и брака. Так как под браком Колаянни понимает союз мужчины и женщины, санкционированный властью, то правильнее было бы рассматривать влияние на преступность внебрачного происхождения и брака среди социальных причин, как мы указывали это выше^[1]. Но чтобы не нарушать порядка изложения, принятого в труде Колаянни, мы рассмотрим влияние этих факторов теперь же.

Что касается влияния на преступность внебрачного происхождения, то Колаянни останавливается на нем очень кратко. Приведя взятые у Ломброзо статистические данные о числе незаконнорожденных среди преступников, Колаянни объясняет их преступность влиянием социальных условий, трудностью борьбы за существование рожденных вне брака и отсутствием надзора за ними в детстве. Эти причины были выдвинуты и главою уголовно-антропологической школы.

Процент незаконнорожденных среди преступников всегда выше процента незаконнорожденных среди всего населения отдельных государств. Так, во Франции среди юных заключенных насчитывалось в 1894 и 1898 гг. свыше 11% рожденных вне брака, а среди всего населения Франции незаконнорожденные составляли только 8.94% (в 1894 г.)^[2]. В Швейцарии при 4.70% незаконнорожденных среди всего населения, процент таковых среди преступников достиг 9.3 (в 1892—1896)^[3]. В Пруссии (1891—1900 гг.) процент незаконнорожденных среди заключенных мужчин был 8.3 и 11.6, среди женщин 12.5 и 15.1, а среди всего населения 7.81 (1887—1891 гг.)^[4]. В Норвегии, при 7.17% (1894 г.) незаконнорожденных среди населения страны, их насчитывалось (в 1899—1900 г.) среди заключенных 12%^[5].

б) Влияние на преступность брака.

Страницы труда Колаянни, посвященные выяснению влияния на преступность брака, являются наименее обработанными и выводы автора наименее обоснованными. Указывая числа холостых, женатых и вдовых, Колаянни не ставит эти цифры в соотношение ни с численностью соответствующих групп населения, ни с их возрастом. Поэтому некоторые из тех положений, к которым пришел автор, носят скорее характер предположений и догадок, не всегда оказывающихся правильными, нежели научных выводов.

Колаянни полагает, что лица, состоящие в браке (и особенно женщина) предохранены от преступлений более, чем холостые. Они более ограждены от преступлений, направленных на чужую собственность, чем от преступных деяний против личности. Однако было бы ошибочно придавать браку слишком большое морализующее значение: меньшая преступность лиц, состоящих в браке, объясняется, по мнению Колаянни, в значительной мере особенностями положения брачующихся еще до их вступления в брак: для вступления в брак обыкновенно требуется некоторая состоятельность; экономические затруднения, а также недостатки физические и духовные осуждают человека на безбрачие. Меньшую преступность замужней женщины Колаянни объясняет соображениями экономического характера: замужняя женщина обыкновенно менее участвует в борьбе за существование и потому менее подвергается опасности совершать преступления. Меньшее участие лиц, состоящих в браке, в совершении преступлений против собственности, объясняется, по мнению Колаянни, влиянием приданого, поиски которого не останавливают в наш век самых юных мужчин от противоестественных браков со старухами^[6].

Некоторые выводы Колаянни находятся в противоречии с выводами Prinzing'a, автора двух специальных работ о влиянии брака на преступность. Работе Принцинга должно быть отдано несомненное преимущество уже потому, что он выясняет процентное отношение преступников, состоящих в браке, холостых и вдовых (отдельно для каждого пола) на сто тысяч соответствующей части населения и кроме того разбивает каждую из исследуемых им групп еще на несколько групп по возрасту^[7].

Результаты, к которым пришел Принцинг, представляют большой интерес и в некоторых случаях являются совершенно неожиданными. Так, оказывается, что женщины, состоящие в браке, совершают преступлений более незамужних.

Таблица XVII.

Германия 1882-1893 гг.^[8].

На 100.000 населения каждой категории приходилось осужденных			
Возраст (лет)	Незамужние	Замужние	Вдовы и разведенные
12-15	149,5	-	-
15-18	320,5	-	-
18-21	415,2	602,5	-
21-25	417,2	469,9	1339,3
25-30	440,7	454,5	1149,2
30-40	446,2	500,0	1029,9
40-50	331,7	468,2	709,9
50-60	221,5	299,5	369,2
Старше 60	102,2	133,4	111,2

Чтобы выяснить причины этого явления Принцинг совершенно правильно приступает к детальному рассмотрению участия женщины в совершении различных преступлений. В преступлениях против собственности замужние участвуют менее-незамужних:

Таблица XVIII.

Германия 1882—1893 гг.^[9].

На 100.000 населения каждой категории приходилось осужденных за преступления против собственности			
Возраст (лет)	Незамужние	Замужние	Вдовы и разведенные
12-15	142,1	-	-
15-18	284,4	-	-
18-21	337,6	381,6	-
21-25	310,8	268,3	826,8
25-30	304,9	240,1	703,2
30-40	290,4	247,5	610,1
40-50	209,2	215,6	404,6
50-60	134,8	121,6	198,1
Старше 60	61,0	59,4	54,7

Из этой таблицы видно, что вдовы и разведенные жены совершают особенно много преступлений против собственности; объяснение этому можно искать в экономических условиях положения вдов, теряющих вместе с мужем очень часто источник своего существования. Что касается замужних женщин, то их преступность во всех возрастах, за исключением раннего от 18 до 21 года, менее преступности незамужних. Объяснение этому следует искать, как это и сделал Колаянни, в том, что в брак вступают легче женщины, имеющие хотя бы некоторую имущественную достаточность. Но чем же объяснить в таком случае большую преступность молодых жен от 18 до 21 года? Этот факт, не был известен Колаянни. Криминалист-социалист Bonger, правильно разделяющий, по нашему мнению, приведенное выше объяснение Колаянни меньшей преступности жен, полагает, что причины большей преступности молодых жен надо искать также в экономических условиях их жизни. В таком раннем возрасте, как 18—21 г., в брак вступают, говорит Bonger, большую часть лишь пролетарии: обремененные семьей, подвергающиеся всем тягостям борьбы за существование, они должны скорее, чем другие, совершать преступления^[10]. Подтверждение этому объяснению мы видим в том факте, что и мужчины, состоящие в браке, совершают тем более всех преступлений вообще и преступлений воровства в частности, чем они моложе, причем мужья в возрасте от 18 до 21 года совершают краж почти в три раза более, чем холостые этого же возраста. Точно также и в возрасте от 21 до 30 лет мужья совершают преступлений более холостых.

Таблица XIX.

Германия 1882—1893 г.^[11].

На 100.000 населения каждой категории приходилось осужденных за простое воровство			
Возраст (лет)	Холостые	Женатые	Вдовцы и разведенные
18-21	551,7	1418,3	-
21-25	427,7	685,9	627,2
25-30	382,6	412,6	572,1
30-40	411,9	296,9	350,0
40-50	365,0	216,2	420,0
50-60	233,1	151,6	231,1
Старше 60	109,2	84,0	67,2

Весьма значительно участие замужних женщин в совершении обид и телесных повреждений.

Таблица XX.

Германия 1882—1893 гг.^[12].

На 100.000 населения каждой категории приходилось осужденных женщин за оскорбление			
Возраст (лет)	Незамужние	Замужние	Вдовы и разведенные
18-21	24,3	88,5	-
21-25	34,9	85,7	157,1
25-30	44,2	94,8	137,1
30-40	57,3	116,7	138,4

40-50	58,4	121,4	121,7
50-60	43,6	84,8	77,1
Старше 60	22,4	38,3	26,7

Таблица XXI.Германия 1882—1893 гг.^[13].

На 100.000 населения каждой категории приходилось женщин осужденных за причинение телесных повреждений			
Возраст (лет)	Незамужние	Замужние	Вдовы и разведенные
18-21	20,4	67,5	-
21-25	24,9	61,1	96,4
25-30	29,8	58,7	88,9
30-40	29,9	61,0	70,2
40-50	21,3	55,3	46,8
50-60	13,9	33,9	25,7
Старше 60	7,0	14,2	8,6

Принцинг полагает, что ближайшими причинами этих двух преступлений замужней женщины является жизнь бедных семей в общих квартирах и установившийся во многих местах Германии обычай, чтобы жена сопровождала в праздничные дни мужа в трактир. О влиянии состояния квартир на преступность нам придется впоследствии говорить подробнее; что же касается второй предполагаемой Принцингом причины, то мы не имеем статистического материала, который выяснял бы насколько часто посещают жены трудящегося люда трактиры и насколько пагубно отражается на них такое посещение. Действительно, наибольшее число телесных повреждений падает на праздничные дни и должно быть связано с посещением кабаков, пивных и вообще с потреблением опьяняющих напитков^[14], но повинна ли в этом вместе с самим рабочим и его жена, этого мы не знаем. Во всяком случае, знаменательно, что и среди мужчин женатые всех возрастов совершают оскорбления и телесных повреждений значительно более холостых (см. XXII таблицу). Так как нельзя предполагать, чтобы женатые посещали кабаки чаще холостых, то скорее можно предполагать здесь влияние общих квартир.

Как и следовало ожидать замужние женщины совершают детоубийств и истреблений плода значительно менее незамужних и вдовых. Причину этих преступлений надо искать очевидно во взглядах современного общества на внебрачные рождения, но на этом вопросе мы уже останавливались выше, когда говорили о причинах женской преступности^[15].

Таблица XXII.Германия 1882—1893 гг.^[16].

На 100.000 муж. каждой категории населения приходилось осужденных за оскорбление			
Возраст (лет)	Холостые	Женатые	Вдовцы и разведенные
18-21	111,1	444,5	-
21-25	173,3	279,0	448,0
25-30	222,9	270,6	381,4
30-40	277,3	316,2	377,3
40-50	240,7	311,3	317,3
50-60	158,1	237,7	187,5
Старше 60	66,4	122,9	66,6

Мало предохраняет брак от преступлений против нравственности. Вдовцы и вдовы, женатые и замужние совершают преступление сводничества чаще холостых и незамужних (это преступление обыкновенно совершается представлением своего помещения для проституток). В кровосмешении вдовцы оказываются виновными чаще женатых, а женатые чаще холостых. Такое же отношение сохраняется и при другом преступлении: употреблении во зло власти для склонения женщины к незаконной связи^[17].

Убийство совершается чаще всего вдовцами и вдовами, затем холостыми и девицами и менее всего женатыми и замужними^[18].

Наибольший процент осужденных мужчин за сопротивление властям приходится на холостых и наименьший на женатых, а среди женщин наибольший на вдов и наименьший на замужних. Молодые супруги, мужья и жены, в возрасте от 18 до 21 года оказывают сопротивление власти чаще, чем лица двух остальных категорий этого же возраста^[19]. Мы полагаем, что объяснение этому факту надо искать в особенностях социального положения молодых супругов 18—21 года, принадлежащих чаще всего к пролетариату.

Вдовцы и вдовы и разведенные супруги дают почти во всех преступлениях наибольший процент осужденных. Принцинг полагает, что возрастание числа преступлений, совершаемых вдовцами, объясняется утерей ими со смертью жены нравственной поддержки. Aschaffenburg признается, что причина рассматриваемого явления для него совершенно неясна, вместе с тем он отказывается принять догадку Принцинга, как ничем не подтвержденную и высказывает предположение о другой причине; не следует ли искать объяснение рассматриваемой преступности разведенных и вдовых в особенно высокой преступности разведенных, брак которых нередко расторгается вследствие совершенного одним из супругов преступления. Хотя и это объяснение Ашаффенбурга построено на предположениях, но оно представляется более вероятным, чем догадки Принцинга.

Заканчивая рассмотрение влияния на преступность брака, мы должны признать, что это влияние не из особенно благоприятных. Брак оказывается не только бессильным удержать от совершения плотских преступлений, но в некоторых случаях как будто даже толкает на совершение этих преступлений (кровосмешение, склонение женщины к непотребству путем употребления во зло власти над нею). Брак отягчает положение беднейших слоев населения и приводит молодых супругов к высокой преступности против собственности. Оскорбления, нанесение ран и ударов становятся печальным уделом лиц состоящих в браке. Прекращение брака вследствие смерти одного из супругов или развода создает такие условия, при которых вдовцы и разведенные совершают преступлений более чем холостой и незамужняя.

В окончательном своем выводе Колаянни признает, что при изучении влияния на преступность брака выступает преимущественное значение социальных факторов. Действительно, без этих последних факторов многие особенности рассматриваемой нами преступности были бы совсем не понятны и потому конечный вывод Колаянни совершенно правилен^[20].

---

^[1] 33 стр.

^[2] Grosmolard: Criminalite juvenile. Arch. d'anthr. crim. 1903, 155 p. Aschaffenburg: Das Verbrechen und seine Bekämpfung. 1903, 25 s.

^[3] Schweizerische Statistik. 125 Lieferung. Bern. 1900, 34 s. Aschaffenburg o. c. 25 s.

^[4] Bongers. W. A. Criminalite et conditions economiques 1905, 557 p.

^[5] Ibid 553 p.

^[6] Колаянни приводит таблицу с указанием числа браков молодых людей со старухами старше 50 лет, приходящихся на миллион браков во Франции

^[7] Friedrich Prinzing dr. Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes. Zeitschrift für Socialwissenschaft 1899, 2 B., 37—44, 108—126. Prinzing: Die Erhöhung der Kriminalität des «Weibes durch die Ehe (ibid 433—450).

^[8] Ibid 437.

^[9] Ibid 443.

^[10] Bongers W. A. Criminalite et conditions economiques. Amster: 1905, 517 p.

^[11] Prinzing: o.c. 117 s.

^[12] Ibid 440 s.

^[13] Prinzing, ibid 442 s.

^[14] Koblinsky (доклад 5-му междун. конгрессу борьбы с алкоголизмом), нашел, что из 205 нанесений ран и ударов—121 (т.е. 59%) приходится на воскресенье, 32 и 35 на понедельник и субботу и 27 на остальные четыре дня вместе. Врач Fertig в Вормсе нашел, что из 366 ран и ударов (96—98 гг.)—142 приходится на воскресенье, 57 на понедельник, по 84 на вторник и среду, 35 на четверг, 27 на пятницу и 37 на субботу (Alkoholgenuss und Verbrechen, Aschaffenburg (Zeitschr. f. die ges. Str. XX B., 86—88 ss.).

^[15] См. стр. 134.

^[16] Prinzing, ibid 113 s.

^[17] Ibid 111 и 113 ss.

^[18] Ibid 441 s.

^[19] Ibid 438 s.

^[20] Bongers (o. c. 518 p.) находит более правильным говорить о морализующем влиянии не брака, понимаемого в смысле легальной моногамии, но любви: il serait plus exact de parier ici de l'influence moralisatrice de l'amour, que du mariage pris dans le sens de monogamie legale. Les maries heureux ne doivent pas leur bonheur a la sanction legale, sans eile le bonheur ne serait pas moins grand.... si les epoux sont mal assortis, pour l'une ou l'autre raison, alors le mariage a une influepce tres demoralisatrice. La monogamie legale entre alors en jeu en ce sens qu'elle empeche ou rend difficile la separation de personnes, qui ne s'entendent pas, ou dont l'une est alcoolique p. e. ou se conduit mal d'une autre facon etc. Le grand pouvoir de l'homme marie sur sa femme, par suit de sa preponderance economique, peut egalement etre une cause demoralisatrice.

Наследственность.

Колаянни далек от мысли отрицать влияние наследственности. Наоборот, он придает ей большое значение, но полагает, что и в данном случае не должно быть опускаемо из внимания громадное значение социальной среды и особенно воспитания, которое может парализовать и дурную наследственность.

Пагубное влияние дурной наследственности обыкновенно доказывают исследованием происхождения несовершеннолетних преступников, относительно которых уголовная статистика уже давно собирает довольно обширные и разносторонние сведения. Однако собранные до сих пор цифровые данные не дают возможности придавать большого значения утверждению уголовно-антропологической школы о прямой передаче родителями своим детям преступных наклонностей. Так, по изысканиям Марро, из 507 преступников только 13% имели преступных родителей, а у остальных 77% дурная наследственность выражалась принадлежностью их родителей к числу алкоголиков, эпилептиков, душевно больных и т. п.^[1]

Цифры, которые приводит Колаянни, относятся к весьма раннему времени (к сороковым годам). Но процентные отношения остались до сего времени почти те же самые, что были и ранее. Так, во Франции среди юных заключенных имели родителей преступников:

в 1878 г. - 1072 или 14.1%

в 1884 г. - 860 или 15.2%

в 1894 г. - 852 или 16.4%

в 1898 г. - 734 или 16.4%

Grosmolard, у которого мы заимствовали приведенные выше цифры, придает наследственной передаче преступности лишь второстепенное значение и считает главнейшим фактором социальную среду и бедность: «ребенок не родится преступником, говорит он, но становится им»^[2]. Один Нью-Йоркский журнал произвел анкету о степени влияния среды и наследственности и получил ответы, отдающие преимущественное значение социальной среде: директор Массачусетской школы находил, что слова «каков отец, таков сын», надо заменить другими: «какова среда, таков сын»; директор одного убежища приводил примеры полного изменения характера детей под влиянием социальной среды, несмотря на сквернейшую наследственность^[3]. Также и Henri Joly в своем последнем труде о преступной молодежи видит «всюду влияние среды, воспитания, привычек» и очень мало влияния наследственности^[4]. Таково же мнение Листа, Тарда, Delvincourt, Vuacheux и др.^[5]

Процент алкоголиков среди родителей преступников—значителен; велико также число таких семей, в которых дети-преступники не могли получить хорошего воспитания. По данным годовых отчетов Эльмирской реформатории более чем у трети осужденных родители были несомненные пьяницы, и в 50 случаях из ста семейная обстановка оказывалась дурная и очень редко хорошая (от 7,6 до 11,7%).

Таблица XXIII.

Годы	На 100 заключенных							
	Родители пьяницы		Семейная обстановка			Покинули родит. дом		
	Несомненно	Вероятно	Дурная	Посредственная	Хорошая	Раньше 10 лет возраста	Между 10 и 14 годами	Вскоре после достижения 14 лет
1881	33,8	18,0	47,7	44,0	8,3	5,4	7,6	22,5
1882	35,1	16,0	48,1	41,1	10,8	5,0	7,3	22,7
1883	35,6	14,1	49,3	39,1	11,6	5,2	7,0	23,6
1884	35,9	13,3	50,0	39,2	10,8	4,9	6,8	25,0
1885	36,4	12,8	50,6	38,9	10,5	4,9	6,8	25,5
1886	37,5	12,0	52,4	37,4	10,2	4,6	6,4	25,5
1888	38,4	10,9	52,1	38,9	9,0	5,2	6,3	29,5
1889	38,7	11,1	51,8	39,9	8,3	5,2	6,2	30,8
1890	38,4	11,4	52,0	40,4	7,6	4,7	5,8	29,5
1891	38,4	13,0	52,6	39,8	7,6	4,5	5,9	30,7
1892	38,3	13,1	54,1	38,3	7,6	4,1	5,8	32,0
1893	37,8	12,7	50,3	40,0	9,7	3,8	6,1	32,6
1894	37,5	12,1	49,0	40,6	10,4	3,8	6,1	31,8
1896	37,5	11,3	47,0	41,3	11,7	3,6	6,7	33,0 ^[6]

Из этой таблицы видно, что значительный процент осужденных принуждены были покинуть родительский дом в самом раннем возрасте. Раннее оставление ребенком родительского крова вызывается или отдачей его в учение и на заработки или его осиротением.

При современных условиях семья играет громадную роль: в ней ребенок получает свое первое, а часто и единственное воспитание; она накладывает на него свой отпечаток, который трудно сглаживается всей последующей жизнью. Поэтому особенно тяжело положение того несчастного

ребенка, у которого совсем нет семьи, а следовательно нет и заботливого, проникнутого любовью к нему отношения. Он всем чужд; до него никому нет дела; он должен сам себя поить, кормить и одевать, пока не возьмет на себя эту обязанность в тюрьме или исправительной колонии само государство или общество. Но что бы получить право сделаться таким государственным пансионером, сироте и заброшенному ребенку приходится пройти школу разнузданного разврата и уроки разнообразных видов преступности. Отчеты исправительных заведений не столько говорят о дурной наследственности своих питомцев, сколько об их голодной нужде, дурных примерах и отсутствии надзора за ними даже в тех случаях, когда их семья была порядочная, но, принадлежа к числу рабочих слоев населения, не имела никакой возможности заняться воспитанием ребенка.

---

^[1] Marro: I carateri 231, Colajanni o. c.

^[2] Grosmolard: Criminalite juvenile Arch. d'anthr. criminelles 18 v. 1903, 200 p.

По вычислению Д. А. Дриля из 514 заключенных Невшательского пенитенциария только у 20 были родители преступники, а пьяницы у 241, душевнобольные у 5, эпилептики у 1. Дм. Дриль: Малолетние преступники М. 1884 вып. I. 291 стр.

^[3] Escard Paul: Education et Heredite, leur influence sur la Criminalite d'apres une publication americaine. Reforme sociale 16 Mai 1900.

^[4] Henri Joly: L'enfance coupable. Paris, 1904, 173 p.

^[5] Delvincourt: La lutte contre la Criminalite.

Vuaclicieux Etude sur les causes de la progression constatee dans la criminalite precoce. Paris 1898.

Raseri, dr., Les enfants assistes. Notes de legislation et statistique comparee. 10 t. II p. 1902 Bulletin de l'institut internat. de statistique.

^[6] Bongor: o. c. 555 p.

Влияние на преступность расы.

Последним из антропологических факторов Колаянни рассматривает расу^[1]. Известно, что уголовно-антропологическая школа признает за расой большое влияние на преступность^[2]. Но несомненно, что доказать такое влияние представляется весьма трудною, почти неисполнимою задачею. Главное из затруднений лежит в разнообразии экономических, политических и других условий тех народностей, преступность которых пытаются объяснить влиянием расовых особенностей^[3]. Не останавливаясь на всех подробностях антропологической критики Колаянни учения Ломброзо о расе, как факторе преступности, мы отметим лишь тот заключительный вывод рассматриваемого нами автора, в котором он оттеняет преобладающее влияние социальной среды: «знакомство с причинным соотношением исторических явлений, говорит он, дает право утверждать, что моральные и интеллектуальные изменения зависят от социальных факторов»^[4]. Более подробно Колаянни обосновал это свое положение в другой своей работе «L'Homicide en Italie», напечатанной в «La Revue Socialiste»^[5]. В этой статье Колаянни доказывает, что убийство в Италии, совершаемое здесь чаще, чем в какой-нибудь другой стране, вызывается не расовыми особенностями населения, но социальными факторами и особенно невежеством. При рассмотрении степени распространенности убийства по различным провинциям Италии, оказывается, что одни из них отличаются высоким развитием этой преступности, другие, наоборот, почти совсем не знают ее. Так, при 12,58 обвиняемых в убийствах на каждую сотню тысяч жителей Италии (в 1895—1897), приходилось в провинциях: Girgenti—52,65, Sassari—36,33, Trapani—33,25, Naples—31,76, а в Mantua—1,87, Bergamo—2,12, Padua—2,15, Sondrio—2,47. Провинции, дающие наименьший процент убийств населены социалистами, республиканцами и радикалами; наоборот, в Сардинии и Сицилии, где наиболее развита рассматриваемая нами преступность, почти не существует указанных выше партий. Отсюда автор делает вывод, что «демократическая пропаганда оказывает воспитательное и умеряющее действие на преступность»^[6]. Но несомненно, что эта пропаганда находит больший успех в тех местах, где население более грамотно и развито. Рассмотрение соотношения грамотности и числа убийств в Италии приводит автора к убеждению, что грамотность оказывает сдерживающее влияние на кровавые преступления. Так, в наиболее преступных провинциях, Сардинии и Сицилии, грамотность развита менее всего. То же самое соотношение наблюдается между числом убийств и числом неграмотных в Ломбардии, Пьемонте и других местах. Точно также и Боско в своем труде об убийстве в Соединенных Штатах Америки отмечает смягчающую роль образования; среда тюремного населения Америки треть совершенно неграмотна, между тем число не умеющих ни читать, ни писать во всем населении страны едва достигает 10%. В этой же стране среди населения, прибывшего сюда из европейских государств, убийства совершаются тем чаще, чем менее культурна страна, из которой эмигранты прибыли: первое место по числу убийств занимают итальянцы, а последнее—швейцарцы, датчане, норвежцы, немцы, англичане^[7]. В Швейцарском кантоне Тессине, который по населению, расе, языку и географическим условиям—та же Италия, с уменьшением безграмотности уменьшились и убийства. Но нельзя признать правильным мнение Колаянни, что подтверждением влияния

образования на число убийств служит также статистика убийств по профессиям обвиняемых. То обстоятельство, что «бродячие профессии» дают огромный процент убийц, доходящий до 47,38 на сто тысяч лиц этой профессии, а лица либеральных занятий, коммерсанты и рантье почти совсем не совершают этого преступления, должно находить, себе более вероятное объяснение в различиях экономического положения этих профессий. Если мы можем предполагать, что лица либеральных профессий, рантье и коммерсанты получают то или другое образование, то мы не имеем оснований утверждать, что лица бродячих занятий—безграмотны. Но если они и безграмотны, то имеем ли мы право объяснить их участие в совершении преступлений против жизни их безграмотностью? Различие между положением рантье и бродячего музыканта не ограничивается образованностью первого и безграмотностью второго. Оно касается многих других сторон и особенно глубоко и широко в экономическом отношении. Этого различия не может, конечно, отрицать Колаянни, но почему же в таком случае считать причиной преступлений неграмотность, а не какую-нибудь другую отличительную и характерную особенность бродячих профессий?

Преобладающее значение социальных условий над расовыми остроумнее других доказал Joly. Он исследовал преступность жителей о. Корсики на самом острове и в других департаментах Франции и оказалось, что корсиканец, весьма преступный у себя, на родине, перестает быть таким в других департаментах, где преступность его значительно понижается^[8]. Этим фактом до известной степени подтверждается значение, приписываемое сторонниками социологической школы социальной среде сравнительно с расовыми и другими личными особенностями. Но и здесь возможны возражения. Эмигрировать с о. Корсики могут во Францию корсиканцы наименее склонные к преступности.

---

^[1] Colajanni: La Sociologia Criminale II v. 189—307.

^[2] Ломброзо: Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Übersetzt, v. Kurella. 1902. Drittes Kapitel, 17—36 ss. «Dass die Rasse einer der wichtigsten, Factoren der Kriminalität in all den genannten Gebieten ist, davon bin ich umsomehr überzeugt, als ich bei den meisten ihrer Einwohner eine grössere Körperlänge als ihrer Nachbarschaft gefunden habe» 21 s.

^[3] См. также статью проф. Чижа: «Влияние национальности на преступность» («Вестник Права» № 9, 1901 г.). Автор сообщает очень интересные сведения о совершенно различной преступности латышей и эстонцев, при одинаковых, по его мнению, социальных условиях. Но сам автор отмечает, что неизвестна профессия этих двух народностей (46 стр.). Кроме возможного различного влияния профессии, мы можем предполагать и различное экономическое положение латышей и эстонцев, как следствие их занятия теми или другими профессиями.

Трудность сравнения преступности различных народностей увеличивается в тех случаях, когда они имеют различные материальные и процессуальные законоположения. См. Aschaffenburg o. c. 23—25.

^[4] Другие выводы Колаянни по вопросу о влиянии расы на преступность: представители одной и той же расы одновременно могут являть различные психические и моральные характеры; одна и та же раса может сильно различаться в различные моменты; все расы имели и имеют одинаковые формы преступности; нельзя утверждать, что некоторые расы предназначены навсегда остаться варварскими; различия между расами уменьшаются по мере развития цивилизации и пр. стр. 305—307 Colajanni o. c.

^[5] N. Colajanni: L'Homicide en Italie. La Revue Socialiste, 1901, № 199, Tome 34, 17 annes, Paris, Stock.

^[6] Ibid 41 p.

^[7] Ibid 48 p.

^[8] Joly Henri: La France criminelle 2-me ed. 45 p.

Влияние физических факторов.

Рассмотрение учения уголовно-антропологической школы о влиянии на преступность физических факторов^[1] дает Колаянни возможность оттенить и в данном случае значение социальной среды. По его мнению климат и вообще физические условия не могут быть признаны в наше время факторами общественной эволюции: контраст между непрерывным движением истории и неподвижностью, неизменностью физических факторов слишком очевиден, чтобы на нем приходилось останавливаться. На севере, как и на юге, говорит Колаянни, формулируя свои окончательные выводы о значении физических факторов, в самом жарком и в самом холодном климате, вопреки гипотезе Монтескье, живут народы и трибы высокой честности; порок и добродетель появляются и исчезают во всякой географической широте и при самых различных условиях физической среды; при одном и том же климате и при одинаковых географических условиях живут общества с самыми различными физическими и моральными характерами». Этнографическое изучение опровергает гипотезу Герри, что на севере и в холодных странах

преобладают преступления против имущества, а на юге и в теплых странах преступления против личности. Воровство, убийство, нанесение ран и плотские преступления не являются исключительным или преимущественным продуктом какой-нибудь страны и не служат показателями характерной моральной флоры или фауны. Внезапность порыва, импульсивность и живость страстей зависят не от физической среды, но от степени социальной эволюции, которой достиг народ или отдельная личность. Климат, времена года и годовые колебания температуры не оказывают, по мнению Колаянни, такого прямого физиологического влияния, которое было бы способно побудить человека к преступлению: они оказывают лишь косвенное, «непрямое» влияние, увеличивая существующие потребности. Когда в социальном организме благосостояние велико, оно нейтрализует влияние холода, а рост культуры уничтожает или уменьшает те последствия, которые могли бы проистечь от жары. Так как социальная среда господствует над физической, то этим и объясняется то явление, что, при одних и тех же климатических и физических условиях, преступность уменьшается или увеличивается и вообще изменяются моральные отношения.

К таким выводам пришел Колаянни после разбора имевшейся в его распоряжении литературы. Выдвинутые им соображения социологического характера безусловно заслуживают глубокого внимания, но нельзя согласиться с его отрицанием существования так называемого календаря преступности, т.е. определенного распределения преступности по месяцам. Существование такого календаря подтверждается данными новейшей уголовной статистики и работами Фойницкого, Тарновского и Ашафенбурга.

Исследование Фойницкого, впервые напечатанное еще в 1873 году, т.е. ранее работ Ферри и Лакассаня, написано на основании данных французской и английской уголовной статистики. Если рассматривать всю преступность, не разделяя ее на совершенно различные между собою группы преступлений против личности и собственности, то на каждый месяц приходится почти одно и то же число преступных деяний. Мало заметны колебания также по временам года. Так во Франции в период с 1836 по 1869 г. на зиму выпадало 25,93 всех преступлений, на весну 24,36, на лето 25,14 и на осень 24,57%. Но если рассматривать преступления против личности и собственности отдельно, то разница в распределении этих преступлений становится более заметной: наименьшее число преступлений против личности выпадает на зиму и осень, а наибольшее на лето и весну; наоборот, наименьшее число преступлений против собственности совершается летом и весной, а наибольшее зимою и осенью (27,69 зимой, 23,80 весной, 23,22 летом и 25,29 осенью). Это же соотношение наблюдается и при рассмотрении преступности по месяцам во Франции и Англии (по наблюдениям Фойницкого), в Германии (по изысканиям Ашафенбурга), в России (по изысканиям Тарновского) и в Бельгии, по данным уголовной статистики.

Таблица XXIV.

Помесячное распределение преступлений против личности в Бельгии^[2], Англии, Франции, Германии и России^[3].

	Бельгия		Преступления против личности			
	Обида, клевет а	Раны	Англия	Франция	Германия	Россия
Январь	5,7	7,2	85	87	78	83
Февраль	6,9	7,2	72	95	83	86
Март	8,5	7,3	82	94	81	66
Апрель	7,9	7,4	101	97	94	109
Май	9,0	9,1	105	113	108	118
Июнь	11,1	9,2	119	124	116	122
Июль	11,8	10,5	123	112	121	115
Август	11,3	10,6	119	112	128	113
Сентябрь	9,4	9,0	117	101	118	113
Октябрь	6,3	8,9	104	90	102	109
Ноябрь	6,5	7,8	89	88	91	86
Декабрь	4,5	5,6	83	86	78	78
Среднее	8,3%	8,3%	100	100	100	100

Таблица XXV.

Помесячное распределение преступлений против собственности в Англии, Франции, Германии и России^[4].

	Все преступления против собственности			
	Англия	Франция	Германия	Россия
Январь	109	112	109	105
Февраль	101	109	108	105

Март	97	98	96	91
Апрель	98	92	90	77
Май	98	93	93	87
Июнь	98	93	93	78
Июль	98	91	92	85
Август	98	92	93	94
Сентябрь	99	95	93	106
Октябрь	104	99	104	107
Ноябрь	108	110	113	101
Декабрь	98	116	117	109
Среднее	100	100	100	100

Существование календаря преступности представляется несомненным, но и значение социальных факторов в помесечном распределении различных преступлений также лежит вне всякого сомнения. Ферри уже в первые годы своей научной деятельности, когда он был склонен придавать социальной среде менее значения, чем придает теперь, признал в своем ответе на критику Колаянни, что изменения преступности по месяцам стоят в связи не только с влиянием температуры, но и с социальными факторами. На значение этих же последних факторов указывают и цитированные нами выше авторы Фойницкий, Тарновский, Ашафенбург, а также Тард^[5]. Возрастание преступлений против собственности в холодное время объясняется экономическим положением беднейших слоев населения, ко всем тягостям которого зимою присоединяется новый враг—холод. Увеличение преступности против личности в летнее время объясняется более частым в теплое время нахождением населения вне дома, работами на воздухе, прогулками и пр. Рассмотрение времени совершения отдельных преступлений против личности и против собственности также убеждает в значении социальной среды. Наибольший процент изнасилований падает на летние месяцы, а наименьший на зимние. Очевидно, что большая возможность совершения этого преступления летом, когда население чаще, чем в другие времена года, отлучается из дому, вполне понятна. Бродяжничество в России выше среднего с июля по ноябрь. Г. Тарновский объясняет этот факт тем, что приближение зимы заставляет лиц, не имеющих узаконенного вида на жительство, добровольно заявлять властям о своем бродяжничестве, чтобы найти приют хотя бы в тюрьме. Нищенство мало развито летом, так как в это время легче бедняку прокормиться и т. д.

Таким образом, признавая существование календаря преступности, мы думаем, что изменение социальных условий должно внести изменение и в этот календарь преступности.

---

^[1] Colajanni: t. c. 321—446. Ero же: La delinquenza della Sicilia e le sue cause. Palermo. 1885. Ero же: Oscillations thermometriques et les delits contre les personnes. Archives d'Anthr. crim. 1886. Guerry: statistique morale de l'Angleterre, comparee avec celle de la France. P. 1864. И. Я. Фойницкий: Влияние времен года на распределение преступлений. Суд. Журн. 1873 г. № 1, 2 и 3 (и в его сборнике «На досуге», т. I, 261—397 стр.) Ferri: Zeitschr. f. d. g. Str. 1882. Ею же: Variations thermometriques et criminalite. Arch. de FAnthr. crim. 1887. Corre: Facteurs generaux de la criminalite dans les pays creoles. Arch. de l'anthr. crim. 162—186 pp. 1889. Tarde: La criminalite comparee. 1902, 151 и сл. Aschaffenburg: Das Terbrechen u. seine Bekampfung, 1903. 11—23 s. Е. Н. Тарновский: Помесечное распределение главнейших видов преступности. Журн. М. Юст. 1903. 110—135.

^[2] Процентное отношение преступности в Бельгии по месяцам высчитано нами на основании цифр Statistique criminelle de la Belgique (statistique judiciaire de la Belgique 3-me annee 1902. 172 p.

^[3] Цифры преступности Англии (1896—1900), Франции (1824—1879), Гер-мании (1883—1892) и России (1892—1898) взяты у Е. Н. Тарновского: ук. статья 112 стр.

^[4] См. ук. статью Е. Н. Тарновского.

^[5] Так, И. Я. Фойницкий объяснил рост преступлений против собственности зимою увеличением трудности борьбы за существование и рекомендовал как средство борьбы с этою преступностью организацию труда, которая избавила бы рабочий люд от вреда влияний холодных месяцев. Ук. соч. 365 стр., также 367 и др. Е. Н. Тарновский говорит, что «преступления вообще распределяются помесечно не случайно, а в зависимости от определенных атмосферических, как равно и общественных условий» и полагает, что это распределение должно меняться при переходе из одной среды в другую, в связи с изменением рода занятий, местожительства, степени достатка и пр. Интересно, что по данным русской статистики в теплое время года относительный уровень числа женщин преступниц выше, а в холодное ниже числа мужчин преступников. Автор предполагает на основании этого факта, что женщина чувствительнее мужчины к переменам температуры, так как ее психофизическая организация более впечатлительна (стр. 134). Но едва ли такое предположение справедливо. Не вернее ли искать объяснение в социальных условиях? Так «по телесным повреждениям относительное число женщин достигает максимума летом, в июле, на 47% выше уровня мужчин и опускается до минимума зимой (в декабре) на 35% ниже декабрьского уровня

осужденных мужчин». Но русской женщине приходится вести особенно затворническую жизнь зимою, а летом, в рабочую пору, чаще сталкиваться с народом; в жизни же мужчины летом и зимою различие не настолько ярко, как у женщины и потому разница между летним максимумом и зимним минимумом не так велика. Во всяком случае объяснению г. Тарновского противоречит им же самим указываемый факт: «по краже, подведомственной общим судебным установлениям, относительное число женщин выше уровня мужчин в летнее время и ниже в холодное полугодие— осенью и зимою».

Влияние на преступность бедности.

Из предшествующего изложения труда Колаянни не трудно было видеть, что рассматриваемый нами автор при критике антропологических и физических факторов придает наибольшее значение причинам социального порядка. Обращаясь к рассмотрению этих последних он признает, что, действительно, он склонен признавать за ними громадное влияние, если даже не исключительное^[1]. Среди всех социальных факторов наибольшее значение для Колаянни, как социалиста, имеет современная неравномерность в распределении богатств, дающая избыток и довольство одним и осуждающая других ко всем лишениям и страданиям бедности: к постоянному недоеданию от самого рождения и до преждевременной смерти, к физическому и моральному отравлению в сквернейших жилищах, к истощению своих сил в тяжелой и нездоровой работе, к жизни, лишенной здоровых развлечений и к преступности.

Такой взгляд Колаянни, конечно, не общепризнанный; наоборот, вопрос о влиянии на преступность бедности и богатства, по справедливому выражению Тарда, «излюбленное поле битвы для двух крайних фракций позитивной школы: фракции социалистов (Колаянни, Турати) и ортодоксов (Гарофало и др.)^[2]. С учением наиболее яркого представителя того направления, которое склонно или совсем отрицать существование бедности, как общественного зла, или отвергать пагубное влияние неравномерного распределения собственности на преступность, нам уже приходилось встречаться выше в главе о предшественниках социологической школы науки уголовного права: это барон Рафаэль Гарофало. Между взглядами Колаянни и Гарофало такая глубокая пропасть, что о компромиссе, о каком-нибудь соединении этих двух противоположных теорий в одну не может быть и речи. Но за пятнадцать лет, истекшие со времени появления этих двух трудов, криминалистическая литература обогатилась целым рядом других работ, посвященных выяснению значения для преступности бедности и, если до сих пор криминалист не может констатировать согласного, однообразного решения интересующего нас вопроса, то он и не может пожаловаться на недостаток исследований по этому предмету. Несомненно, что существующего теперь разнообразия мнений не было бы, если бы уголовная статистика давала точные сведения о степени имущественной состоятельности осужденных или обвиняемых. Но, к сожалению, такого материала уголовно-статистические отчеты не сообщают. К несовершенствам уголовной статистики присоединяются недостатки общей: мы не обладаем вполне точными и определенными сведениями о размере богатства и бедности различных классов общества^[3]. Что касается сведений о богатстве различных народов, то на них нельзя строить никаких выводов в интересующем нас отношении по той причине, что имеет значение не сумма богатств, находящихся в пределах государства, но распределение этих богатств между гражданами этого государства^[4].

Но если нет прямых путей для определения влияния бедности на преступность, то существует один окольный путь, которым уже шли многие исследователи и которым воспользовался в числе других криминалистов социологической школы также Колаянни. Этот путь состоит в выяснении роста преступности в годы голодовок и урожаяв, в годы возвышения и падения цен на необходимые жизненные припасы. Против такого метода исследования возможны возражения. Если в неурожайные годы наблюдается увеличение преступности, то можем ли мы утверждать, что такое возвышение обязано своим происхождением увеличению преступности именно беднейших слоев населения? Не имеем ли мы в таком случае, право сделать лишь тот неоспоримый вывод, что неурожай влияют неблагоприятно на преступность всей страны, а не тех или других слоев населения этой страны? Но уже и такой вывод представляется весьма ценным для уголовного политика, ясно раскрывая перед ним всю бесполезность обычных средств борьбы с преступностью в голодные годы. Однако, делая указанный выше вывод о связи между неурожаями страны и ее преступностью, мы имеем веские основания предполагать, что увеличение «бюджета» преступности в голодные годы дается именно нуждающимися слоями населения. Оснований для такого предположения несколько. Во-первых, число лиц принадлежащих к состоятельным классам слишком ничтожно, чтобы могло влиять на значительное изменение преступности всей страны^[5]. Во-вторых, если предположительно отнести это увеличение преступности в годы неурожаяв на долю богатых классов, то невозможно найти объяснения такого влияния высоких цен хлеба, картофеля, мяса на тех, кто расходует на эти предметы первой необходимости лишь самую ничтожную часть своих доходов. Наоборот, не представляет никаких трудностей объяснение роста преступности бедных в годы нужды и соответствующего ее падения в годы более низких цен; так как, при ограниченности бюджета нуждающихся слоев населения, всякие колебания цен на предметы первой необходимости отражаются на всех статьях их расхода.

Выяснить влияние бедности на преступность можно также и еще одним путем: посредством изучения условий жизни бедных слоев населения и осужденных до совершения ими преступлений. Колаянни воспользовался и этим методом и при этом был одним из первых криминалистов, остановившихся на выяснении влияния жилищ бедноты на преступность. Переходя к выяснению значения бедности, как фактора преступности, мы прежде всего остановимся на влиянии жилищ бедноты, а затем обратимся к исследованию того влияния, которое оказывают на преступность неурожайные годы и цены необходимых жизненных продуктов.

---

^[1] Iniziando, di conseguenza l'esame dei fattori sociali, ci trovia mo gin disposti ad accordar loro una massima, se non esclusiva efficienza. Colajanni ibid 448 p.

^[2] Tarde:-La philosophie penale. 390 p.

^[3] Colajanni: Ma dove finisce il benessere, l'agiatezza, la ricchezza e comincia la miseria? E questo un quesito cui non danno sufficiente e adeguata risposta ne gli storici, ne gli economisti, ne gli sorittori morale. 464 p.

^[4] Colajanni 512 p.

^[5] Так по вычислению Fornasari di Vercè (La criminalita e le vicende economiche d'Italia. 1894. 3 p.) в Италии приходилось по переписи 1881 г. на каждую тысячу жителей 609,34 человека, имеющих лишь самое необходимое, чтобы не умереть с голоду и лишь 42,70 капиталистов, собственников, чиновников. В Англии, по словам Гобсона (Проблемы бедности и безработицы. Перев. 1900 г. 5 стр.) только три человека из десяти могут вести жизнь свободную от гнетущих забот строгой экономии.

а) Влияние на преступность жилищ.

Говоря о громадном значении для преступности экономического фактора Колаянни ограничивается по вопросу о влиянии того или другого состояния квартир на преступность лишь несколькими короткими замечаниями^[1].

Между тем с каждым днем вопрос о квартирах бедных классов городского населения и особенно пролетариата больших городов получает все больше и больше значения; все чаще на Западе городские муниципалитеты начинают уделять ему свое внимание и средства; устраиваются жилища для неимущих; организуются местные и международные съезды лиц, интересующихся этим вопросом^[2]. Но то, что сделано—лишь капля в море. Размеры этого общественного зла остаются громадными, как прежде, или даже увеличиваются благодаря повсеместно наблюдаемому бегству крестьян из их деревень в города, куда гонит их нужда, недовольство своим положением или надежда завоевать себе лучшее положение здесь, среди поражающей глаз деревенского жителя непривычной роскоши и богатства. Но этот крестьянин, превратившийся в городского пролетария, очень скоро узнает на самом себе ценою чьих усилий и каких лишений создается этот «внешний блеск роскоши города, скрывающего в себе позор и социальные страдания и являющегося одновременно носителем красоты и мерзости»^[3]. Одной из этих «мерзостей» является жилище бедняка, этот рассадник заразных болезней и очаг городской смертности. Но нас интересует в настоящее время жилище бедноты не с гигиенической, а с криминалистической точки зрения.

На громадное значение для преступности дурного состояния жилищ бедных классов населения уже ранее указывалось представителями социологического направления в науке уголовного права. К сожалению, эти указания носили общий характер, не сопровождались доказательствами или результатами наблюдений и этот вопрос первостепенной важности в этиологии преступности оставался в тени. Отсутствие трудов по вопросу о влиянии состояния жилищ на преступность объясняется трудностью такого исследования: в то время как для выяснения влияния жилищ в гигиеническом отношении уже давно выработаны известные приемы исследования и зарегистрированы случаи смерти и заразных болезней, дело выяснения роли жилищ в совершении преступлений еще совсем новое. Тем большее значение получают те немногие работы, которыми может воспользоваться криминалист, чтобы показать, насколько справедливо и не преувеличено было мнение Колаянни и других сторонников социологической школы в науке уголовного права о значении состояния жилищ, как фактора преступности. Среди этих работ наиболее замечательна работа Schnetzler'a, на которую до сих пор не встречалось указаний в уголовной литературе. Шнетцлер, автор доклада, представленного Брюссельскому международному конгрессу о дешевых жилищах, избрал предметом своего исследования город Лозанну^[4]. В городе, разбитом на 25 кварталов, была высчитана плата каждой квартиры и затем определена средняя плата за квартиру в каждом из 25 кварталов. Она оказалась ниже 400 франков в год в десяти наиболее бедных кварталах, а в остальных 15 выше этой суммы. Состояние каждой недвижимости было подвергнуто осмотру и оценке баллом и, затем, была высчитана средняя оценка баллом общего состояния недвижимости в каждом квартале. Точно также было определено среднее количество воздуха, приходившееся на каждого жильца в квартирах различных участков. Таким образом, в руках автора получился точный цифровой материал, послуживший ему

основанием для определения по каждому из 25 кварталов процента рождаемости, всей смертности вообще и детской в частности, заразных болезней, числа разводов и преступлений. Свои вычисления автор сопровождает прекрасно составленными чертежами в красках. Оставляя в стороне диаграммы смертности, рождаемости и др., мы обратимся к рассмотрению лишь тех из них, которые выясняют нам отношение между преступностью и качеством квартир по участкам.

На основании вычислений Schnetzier'a мы сделали следующую сводную таблицу из трех столбцов: в первом столбце расположили в убывающем порядке участки по числу совершенных в них преступлений, приходившихся на каждую тысячу жителей, во втором поместили эти же участки в порядке оценки баллами общего состояния недвижимости и в третьем столбце расположили эти же 25 кварталов в нисходящем порядке количества воздуха на каждого жителя. Кварталы обозначены буквами, и подчеркнутые буквы обозначают кварталы, в которых цена квартир оказалась в среднем ниже 400 франков в год.

№	Число преступлений		Оценка недвижимости баллом		Количество воздуха на жильца	
1	B	25,9	C	4,75	X	84,4
2	C	24,9	H	4,66	N	66,2
3	R	20,5	B	4,36	V	64,9
4	G	18,3	R	4,34	E	60,7
5	Z	18,0	P	4,32	J	60,6
6	P	17,4	Q	4,10	F	59,6
7	O	14,2	U	3,91	I	59,5
8	H	13,9	S	3,72	Y	53,7
9	Q	13,2	K	3,59	M	52,2
10	L	13,0	D	3,48	A	45,4
11	U	12,9	T	3,42	G	45,2
12	D	12,8	A	3,10	D	39,5
13	S	12,2	Z	3,01	L	36,5
14	A	10,5	O	2,99	S	34,4
15	T	9,1	E	2,93	U	34,3
16	V	8,4	N	2,66	T	33,6
17	K	6,7	G	2,64	P	32,5
18	Y	5,6	F	2,63	Q	31,8
19	J	4,3	I	2,50	B	30,5
20	F	4,2	M	2,46	H	30,4
21	I	3,7	L	2,23	K	30,2
22	N	2,9	Y	2,07	O	30,0
23	X	2,5	V	2,01	Z	29,8
24	M	2,5	J	1,91	C	26,4
25	E	1,6	X	0,81	R	26,1
	Средняя преступность по всем 25 кварталам = 11.				Среднее количество воздуха на жильца по всем 25 кварталам = 45,4.	

Рассмотрение этих цифр показывает, что между преступностью и состоянием жилищ существует прямое соотношение. При средней преступности по всем 25 кварталам в 11% на 1000 жителей, тринадцать кварталов оказываются с преступностью выше средней и в числе их все кварталы, кроме одного, с ценой квартир ниже 400 фр. в год; в некоторых из них преступность достигает очень высокой, сравнительно, цифры: так, в квартале B и C она более чем в два раза выше средней (25.9 и 24.9 на 1000 жителей). Только один квартал K с дешевыми квартирами и с малым количеством воздуха на жильца стоит благоприятно в отношении преступности. Что касается четырех кварталов G, O, Q и D с преступностью выше средней и квартирной платой выше 400 фр., то большая преступность трех из них O, Q и D объясняется полною неудовлетворительностью их в гигиеническом отношении: в них приходится на жильца количество воздуха меньше среднего и в двух смертность значительно выше средней: при средней смертности 18,9 приходилось умерших в квартале O—33 и Q—20,5. Таким образом, только один квартал G, хорошо стоящий в гигиеническом отношении, дает в силу влияния других факторов большое число преступлений.

Из второго столбца и сравнения его с первым можно видеть, что наиболее преступными оказываются кварталы, где балл оценки общего состояния недвижимости хуже и, наоборот, замечается почти полное отсутствие преступлений в кварталах, где балл оценки лучше (лучший балл в кварт. X—0.81 с преступностью 2.5, а худший в квартале (C — 4,75 с преступностью 24,9).

Наконец, рассмотрение соотношения между количеством воздуха, приходившегося на жильца, и преступностью ясно показывает, что наименее преступными оказываются кварталы, где на человека приходится больше воздуха и, наоборот, где приходится его меньше, там преступность стоит выше: так, кварталы R и C занимают два последние места по количеству воздуха в жилищах и стоят на 2 и 3 месте по высоте их преступности. Так задыхаются бедные люди в душной атмосфере конур не только физически, но и морально.

Мы увидим ниже, что жильцы, ютящиеся в сырых подвалах, в углах, на чердаках и переполняющие конуры-комнаты, дают больший процент всех преступлений: и против личности, и против собственности, и против общественной тишины и пр. Чем объясняется такое дурное влияние скверных жилищ на преступность? Прежде всего, конечно, тем, что условия жизни в дурных жилищах развращают ребенка с самого раннего детства. Что он видит здесь? Потемки угла темной, переполненной жильцами комнаты, не настолько темны, чтобы скрыть от ребенка картины грубого пьянства и открытого разврата. Он слышит циничную брань и усваивает ее в совершенстве ранее, чем узнает первую букву азбуки. Грязные улицы бедных кварталов, где играет этот ребенок, не дают ему ничего нового, чего он не видел бы у себя дома, а богатые роскошные улицы только еще ярче и сильнее дают чувствовать сознанию подростка пролетария всю пропасть между его положением и классом богатых, показывая, как много всего есть у других и ничего у него самого, кроме рук для постоянной работы, не всегда достаточно сильных и здоровых и не всегда находящихся занятием. Нет ничего удивительного, что этот ребенок, выросший среди дурных примеров скверных жилищ, пойдет по пути преступления, будет пьянствовать, устраивать драки, красть и пр. Но дурные жилища оказывают влияние на человека, выросшего и в другой, лучшей обстановке; особенно заметно такое влияние на преступления против личности и оно легко объяснимо. Скученные в тесной комнате жильцы тем чаще сталкиваются друг с другом, чем их больше; на каждом шагу у них есть основания к распрям, брани и оскорблениям. Так, например, у нас, в России, неиссякаемым источником многочисленных столкновений является пользование всеми жильцами одною общею печью, одним столом для еды и т. д. В комнате, тесно заставленной койками, жильцу приходится лавировать между этими непрочными сооружениями и скарбом соседей, и неловкий шаг влечет за собою ссору. Все это поддерживает в жильцах далеко недружелюбные отношения друг к другу и устанавливает среди них ту напряженность настроения, которая так часто и бурно прорывается в грубой брани и взаимных оскорблениях. Эти своеобразные коммуны,— «фаланстеры» суровой действительности—воспитывают в своих обитателях чувства совершенно противоположные тем, на развитие которых рассчитывал утопист Фурье в своих идеальных фалангах.

Подтверждение этому объяснению влияния густоты населения на преступность мы находим и в уголовной статистике: преступность обыкновенно стоит выше там, где гуще население. Так, например, в Саксен-Мейнингенском герцогстве в 1893—97 гг. преступность была выше в округах, где на 1 кв. килом. и на жилое помещение приходилось больше жителей^[5].

Совершенно такое же явление установлено в Мадриде наблюдениями de Quiros и Aguilaniedo. Из 8 кварталов Мадрида три населены беднотою; здесь насчитывается 152.124 жителя, т. е. $\frac{2}{5}$ населения всего города. В то время, как в 5 более достаточных кварталах приходится в среднем 38 жителей на дом, в трех бедных кварталах их насчитывается от 52 до 55, и в то же время на эти же кварталы выпадает наибольшее число внебрачных рождений, преступлений и пьянства. За 1895—97 гг. 76.913 человек из этих кварталов появились перед городскими судьями Мадрида.

Приведенные до сих пор цифры относились к общей преступности, без разделения ее на ее типичные формы: преступления против собственности, личности и общественного порядка. В таблицах Schnetzler'a мы находим ответы и на эти интересные вопросы. Так, например, драки распределялись по кварталам следующим образом:

C-19	Y-6	T-5	F-3	T-1
L-14	H-5	A-4	O-3	I-1
Z-13	G-5	B-4	Q-3	N-1
P-11	K-5	R-4	J-2	V-1
U-6	S-5	X-4	M-2	D-0

Итак, в квартале C, одном из самых скверных по своим гигиеническим условиям, занимающем предпоследнее место по количеству воздуха, приходящегося на человека, совершается столько же драк, сколько в восьми вместе взятых кварталах, в которых приходится более всего воздуха на каждого жильца (A, N, V, E, J, F, X, Y).

Также распределяются проступки, вызванные столкновениями с полицией: сопротивление, оскорбление и угрозы агентам полиции и нарушение общественной тишины. Кварталы с дурными жилищами занимают подряд девять первых мест по числу этих нарушений, и в то время, когда обитатели душных, грязных квартир дерутся друг с другом, нарушают общественную тишину уличными скандалами и сталкиваются с полицейскими агентами, жильцы более достаточных кварталов живут почти без всякого риска быть поколоченными и без всяких неприятностей с полицией. Нарушение общественной тишины, конечно, легче совершить тому, кто вырос не в тишине спокойной детской, но среди несмолкаемого шума переполненной квартиры, среди постоянных раздоров жильцов, кто не может вполне понимать и ценить значение тишины, так как не

знает ее. Правда, нарушения общественной тишины совершаются чаще всего лицами, находящимися в состоянии опьянения, но и в этих случаях влияние жилища является иногда косвенной причиной: глубоко правы многочисленные сторонники того взгляда, что дурные жилища влияют на развитие алкоголизма. Не трудно нарисовать себе картину возвращения к себе домой рабочих в их квартиры без света и воздуха, тесные и грязные. Что же удивительного, что они бегут отсюда в трактир, ресторан, кафе, где чисто, так много свету и весело, особенно за стаканом вина^[6].

Изучению влияния дурных жилищ на проституцию посчастливилось более, чем вопросу о влиянии жилищ на преступность: лишь редкие исследователи (и в числе их Ломброзо) проходят молчанием или суживают значение здесь социальных условий вообще и громадного значения жилищ в частности. При современном состоянии жилищ их влияние на рост проституции неизбежно и вполне понятно. Так при обследовании жилищных условий городского населения повсеместно и часто были обнаруживаемы не только случаи, когда койки и кровати девушек находились бок о бок с кроватями мужчин, но были констатируемы случаи в роде следующих: «две девушки и взрослый мальчик спят на одной кровати» или «15-летняя девушка спит вместе с отцом на одной койке» и т. д.^[7]. Бывают, и не только в виде исключения, случаи, когда проститутки живут в общей с другими жильцами комнате, а дети и девушки являются невольными свидетелями картин, развращающих и ум и душу. При таких условиях жизни легче пасть, чем устоять.

Дурное состояние квартир бедного люда — явление повсеместное; бедные классы всех народов одинаково страдают от этого зла, но больше и хуже в больших промышленных центрах и особенно в т. н. рабочих кварталах этих центров. Так, в Париже, по анкете 1890 г. было обнаружено, что из 19284 семей рабочих—9364 семьи жили каждая в одной комнате и из них 2186 семьи в мансардах и 200 в подвалах. В 1511 семьях было более пяти человек, помещавшихся в одной комнате^[8]. Рабочие квартиры в Париже, по словам исследователя, не достойны цивилизованного населения столицы Франции. Bertillon в своей прекрасной работе по сравнительной статистике перенаселения квартир в столицах нашел, что 331976 парижан, т. е. 14% населения Парижа жили в переполненных квартирах^[9].

В Брюсселе, по заключению проф. Denis, только пятая часть рабочего населения живет в удовлетворительных квартирах, не смотря на то, что этот город еще в 1843 г., первый из бельгийских городов, подробно обследовал жилищные условия бедноты, и с тех пор этот вопрос не переставал занимать, если не городское самоуправление, то лучших его представителей. Внесению в 1889 г. в палату депутатов проекта о рабочих жилищах предшествовало изучение квартирного вопроса и комиссия пришла к убеждению, что сотни тысяч квартир должны быть рассматриваемы, как абсолютно нездоровые^[10]. В чрезвычайно печальном положении находится квартирный вопрос в Италии. Известный итальянский криминалист Ферриани вздумал сам заглянуть в жилища бедняков. Он нашел, что жилища бедного люда являются нарушением элементарных требований гигиены, нравственности и человечности. Гигиена, нравственность и человечность безнаказанно попираются здесь домовладельцами. Во время своего обхода квартир он видел картины глубокой нищеты, эхом отзвучивающей так часто в камерах мировых судей, «картины, так надрывающие сердце, что их передача покажется многим плодом фантазии». Автор замечает: «я говорю—жилые дома, а на самом деле такое название часто никак нельзя применить к грязным конурам, в которых богат не позволит пробыть своей собаке и часу. Никогда не исчезнут из моей памяти эти картины, и я понимаю, что эти жилища необходимо должны быть очагом телесных и душевных болезней самого скверного свойства и, прежде всего, проституции»^[11].

По данным, относящимся к 1891 г. на 24.153 подвала (в нескольких городах Италии) приходилось 101.456 жильцов и на 54.638 квартир в чердаках—183.270 жильцов^[12].

Совершенно такого же мнения и другие итальянские криминалисты Niceforo и Sighele, давшие описание бедных квартир в Риме. «Гнездо римской бедноты—«mala vita», пишут они, находится большую частью во всем том квартале, который идет от Campo Verano до площади Vittorio Emanuele и от нее до границ квартала Esquilino. Тут ютится мир эксплуатируемых женщин, воров по профессии, шарлатанов, проституток. Это—мир, где каждую ночь совершаются преступления, которых не узнает полиция и где подготовляются планы будущих предприятий... Войдите в эти огромные здания, где по микроскопическим комнаткам размещается человек по шести в каждой конуре, и вы найдете здесь корни дурного растения: здесь, как ядовитые грибы, растут в нездоровой сырости преступления, наводящие ужас на весь город»^[13].

В Лондоне королевская комиссия для исследования жилищ рабочего класса называет переполнение этих квартир позором для общества. Тягости квартирного вопроса увеличиваются еще огромным за последние 50 лет повышением в Англии квартирной платы на 150%^[14].

В Берлине из каждой сотни семей в 5 человек 32 семьи живут в квартирах из 2 комнат, а из 100 семей в 9 человек 36,5 семей живут в квартирах из 3 комнат; вообще, чем больше семья, тем хуже ее жилищные условия (вычисления Бертильона).

В Вене 26% семей из 6—10 членов живут в квартирах из 2 комнат.

Можно бы привести и другие цифры жилищной нужды рабочего и бедного класса населения, но для наших целей достаточно и приведенных. На западе, особенно в странах, где рабочая партия имеет в парламентах своих представителей, вопрос об уменьшении тягостей жилищной нужды давно привлекает к себе внимание политических деятелей. Так, в Бельгии депутат социалист Denis представил в 1903 г. в палату проект закона о рабочих жилищах; в Англии радикал Макнамара, при

обсуждении в феврале 1903 г. ответного адреса на тронную речь, внес поправку с указанием на необходимость улучшения рабочих жилищ. Но, к сожалению, не всегда эти добрые начинания выходят из области прений в действительность. Так, например, указанная выше поправка радикала Макнамара была отвергнута. Такова, впрочем, судьба многих проектов экономического свойства, имеющих целью улучшение положения низших и бедных слоев населения: борьба различных классов современного общества слишком обострена, чтобы представители достаточных классов согласились «дарить» миллионы нищим и эти бездомные нищие, обитатели темных углов, чердаков и вонючих подвалов, мстят бессознательно, а иногда и сознательно своими преступлениями «имущим, но не дающим», и то, что не было дано на реформы экономического свойства, дается и, может быть, в еще большем размере, на увеличение тюремного бюджета. Простая аксиома проф. Листа, что закон о жилищах делает гораздо более для уменьшения преступности, чем дюжина новых уголовных законов, остается для многих совершенно непонятной.

^[1] Colajanni II v. 528, 530, 532 p.p.

^[2] Congres internationales des habitations ä bon marche в Париже в-1889 г., в Брюсселе в 1897 г. и др.

^[3] Принс: Преступность и репрессия. стр.10.

^[4] Enquete Sur les conditions des logements. Annee 1894. Supplement au rapport general presente a la Municipalite de Lausanne par Andre Schnetzler 1899. Значение цифр Шнетцлера несколько умалется, впрочем, небольшими размерами города Лозанны.

^[5] Weidemann: Die Ursachen der Kriminalität im Herzogtum Sachsen-Meiningen. Berl. 1903 (Abhand. d. Krim. Sem. an der Univ. Berl.) стр. 42.

Название округа	На 100 тыс. мужск. civilpers осуждено	Число жителей на 1 кв. км.	Число жителей на 1 жилой дом
Мейнинген	1794	87,60	8
Хильдбургхаузен	1828	74,44	8
Заальфельд	2077	109,75	8,5
Зоннеберг	2848	179,07	12

^[6] На преступлениях против собственности мы замечаем также влияние числа жителей, приходящихся на дом; в Саксен-Мейнингенском герцогстве воровства и обмана больше в тех округах, где больше жителей на каждое помещение; а из таблиц Шнетцлера видно, что воровство развито более в кварталах с скверными квартирами.

^[7] Dr. Lux: Die Prostitution, ihre Folgen und ihre Bekämpfung, 1894. s. 15.

^[8] Congres Internat, des habitations a bon marche tenu a, Bruxelles 1897, Rapport de M. Soenens p. 93.

^[9] Essai de statistique comparee du surpeuplement des habitations a Paris et dans les grandes capitales europeennes par Mr. Jacques Bertillon. 1894. См. В. В. Святловского: жилищный вопрос с экономич. точки зрения. 1902, особенно I и IV вып.

^[10] Жилищный вопрос и обществ. благотворительность в Бельгии. М. Д. Трудовая помощь. 1902 г. октябрь.

^[11] Ferriani: Die schlaun und glücklichen Verbrecher. Berl. 99, 444 s.

^[12] М. Загрицков Дешевые жилища в городах северн. Италии (изв. Моск. гор. думы 1902 г.).

^[13] Пересекая эти улицы, пишут цитированные криминалисты о бедных кварталах Рима, не встречаешь той отвратительной окраски, какую видишь почти на всех улицах Неаполя, но легко замечаешь печальные, меланхолические картины бедности, разлитой всюду, видишь «нечто бледное, исхудалое, исходящее от фасадов домов, лавок, от группы женщин и детей, работающих или играющих у входа под высокими воротами». Авторы видели по шести человек в комнатках, где воздуху было лишь на одного человека. В одной из комнат жила прачка с сожителем и тремя сыновьями и двумя дочерьми от первого брака, при чем все дети, из которых старшему было 17 лет, спали на одной кровати; в другой комнате на соломенном тюфяке спало семь человек; в третьей конуре жила семья из чахоточного, лежащего в лихорадке мужа, потерявшего работу и больной беременной жены, зарабатывающей шесть су в день (около двадцати пяти копеек); в одной из комнат, снятой стариком нищим, жили кроме него и старухи, молодой рабочий 18 лет на одном тюфяке, а на другом три сестры сироты 18, 13 и 8 лет, из которых старшая была сожительница рабочего. В жилищах этих отверженных, где рядом ютятся безработный и профессиональный вор, погибшая женщина и ребенок работницы, «самая безысходная бедность сплетается с преступлением» 63 стр. На изрисованных и исписанных стенах этих комнат авторы прочли надписи: «голод», «каторжные работы» и пр., там же, 66 стр. Alfredo Niceforo, Scipio Sighele: La mala vita a Roma.

^[14] Гобсон: Проблемы бедности и безработицы. 1900 г., стр. 24.

б) Влияние на преступность цен хлеба.

На громадное значение голода и высоких цен хлеба^[1] в годы неурожая было обращено внимание многими криминалистами и экономистами еще задолго до появления труда Колаянни. Уже древние римские философы говорили о необходимости принимать во внимание то состояние крайней необходимости, которое создавалось голодной нуждой. В XVI столетии Albertus de Gandino и de Bello Visu развивают мысль об оправдании голодной кражи соображениями христианско-коммунистического характера: «tempore necessitatis omnia esse communia»^[2]. Из нашего очерка о предшественниках социологической школы уголовного права можно видеть, что, начиная с Томаса Моруса, целый ряд писателей подробно выяснял влияние голода на преступность. Но строго научное изучение такого влияния сделалось возможным лишь в XIX веке со времени появления материалов по уголовной статистике. В настоящее время литература о влиянии хлебных цен на преступления несомненно богаче, чем о каком либо другом факторе преступности. Но Колаянни, опубликовавший свой труд в 1889 году, мог воспользоваться лишь теми работами, которые захватывали период не позднее 1885 года.

К сожалению, несмотря на появление за последние годы не только статей в журналах, но и отдельных монографий по интересующему нас теперь вопросу, нельзя сказать, чтобы спорные в 1889 году вопросы находили в наши дни одинаковое разрешение. Наоборот, разногласий как будто стало даже больше и, во всяком случае, они стали резче. Эти разногласия касаются не только той или другой степени влияния экономического положения на различные преступления, но и самой возможности такого влияния. С одной из теорий, отрицающих влияние бедности (учение Гарофало), мы уже имели случай познакомиться. К взглядам этого сторонника уголовно-антропологической школы примкнули, если не вполне, то отчасти, некоторые другие криминалисты. Таковы, например, Eugene Rostand, Henri Joly и др. Все эти авторы сходятся с Гарофало в том, что, отрицая или умаляя значение бедности, как фактора преступности, признают преимущественное значение за нравственным чувством. Так Rostand полагает, что, если не бедность, то по крайней мере крайние пределы нищеты могут вызывать преступление, но в действительности нищета служит фактором преступности только тогда, когда для ее влияния подготовлена соответствующая почва в области морали и веры человека, когда недостаточно развиты или совершенно отсутствуют моральное и, особенно, религиозное чувства^[3].

Таково же мнение Жоли (Henri Joly — автор известных работ «La France Criminelle», «Le crime» «Le combat contre le crime» и др.). Не голод и не нищета заставляют совершать преступления, но лень, дурное поведение и еще чаще желание полакомиться^[4]. Не экономическое состояние служит объяснением бесчестности или честности, говорит Жоли, но отношение человека к своему состоянию богатства или бедности, т. е. недовольство или довольство своею судьбою^[5].

Подтверждение своей теории Жоли видит в статистике обвинений по делам о кражах, разобранным судом присяжных во Франции с 1830 г. по 1860 г.: на 1000 краж приходилось 395 похищений денег и банковых билетов; следующее место по численности занимали кражи белья, одежды, товаров и драгоценностей, а последнее место принадлежало кражам зерна, муки и домашних животных; их было всего 55 на 1000. Автору, конечно, известны цифры, показывающие влияние на преступность неурожая, «но неурожай—исключительное явление, а воровство—постоянное; неурожай встречается все реже, а воровство растет»^[6].

Лучшее опровержение теорий Rostand, Joly, а также и Гарофало мы находим в цифрах уголовной статистики, которые представляем ниже. Но эти теории вызывают и другие возражения,

Если выходить из предположений Жоли, что только ту кражу можно признать совершенной из нужды, которая имела своим объектом предметы первой необходимости, то автор должен был бы искать ответа на вопрос о влиянии бедности в статистических данных о делах подсудных не суду присяжных, но судам низшим. Жоли опустил из внимания ничтожное количество дел, рассмотренных судом присяжных: так, в период 1896—1900 г. г. этим судом разбиралось средним числом в год 716 дел и прекращалось 7415 дел, а в исправительных судах разобрано 33202 и прекращено 87587 дел средним числом в год^[7]. Если принять во внимание эти цифры и вспомнить, что суду присяжных неподсудны все мелкие кражи, за исключением, совершенных с квалифицирующими обстоятельствами, то указанная выше цифра (55 краж муки и зерна на 1000 краж) оказывается далеко не маленькой величиной: едва ли мы ошибемся, если отнесем все это число к делам, сделавшимся подсудными суду присяжных только потому, что их голодные авторы не остановились не только перед совершением простой, но даже и квалифицированной кражи. Но не прав Жоли и в другом отношении. Чтобы доказать ничтожное, по его убеждению, значение для преступности бедности, он ссылается только на указанные выше случаи краж зерна и муки, опуская из внимания совершенно аналогичное с этими предметами значение других предметов первой необходимости: одежды, дров, угля и пр. Между тем Starke доказал, что такие преступления, как кража леса, совершаются преимущественно, если не исключительно, бедняками и достигают своего максимума в годы неурожая и высокой цены на хлеб^[8]. Это же явление отмечает и Проаль: в холодные зимы во Франции чаще совершаются бедными женщинами кражи угля для топлива^[9].

Теорию Гарофало, так решительно и так полно вычеркивающего всякое влияние бедности на преступность, мы изложили выше в главе о предшественниках социологической школы уголовного

права. Мы остановимся здесь на ее критике. Прежде всего вызывает замечания главнейший тезис теории этого криминалиста-антрополога: бедность, т. е. состояние, характеризующееся полным отсутствием капитала, не представляет, по мнению Гарофало, ничего ненормального на том основании, что пролетариат свыкся с таким положением. Но свыкнуться с нуждой и бедностью невозможно. Утверждая противное Гарофало впадает в очевидное противоречие с самим собою, так как признает, что в наше время нет довольных своим положением: рабочий завидует хозяину, мелкий торговец — крупному, чиновник—своему начальнику и т. д.^[10] Тем значительнее недовольство бедных слоев. Современные бедняки—не дикари; их потребности выходят далее круга чисто животной жизни и их недовольство должно быть тем ярче и сильнее, что часто остается без удовлетворения насущнейшая нужда в пище. Указывают на громадную разницу между жизнью рабочих классов теперь и их жизнью в недалеком прошлом. Несомненно, что их квартиры, пища и одежда теперь значительно лучше, чем были двадцать лет тому назад, но при этом забывают, что потребности рабочего и бедных классов не могли остаться такими же, какими были четверть века назад. Они возросли, но далеко не все из них находят себе должное удовлетворение. Если, таким образом, под бедностью разуместь разницу между ощущаемыми потребностями и возможностью их удовлетворения, то теперь, по справедливому замечанию Гобсона, бедности больше, чем когда-либо^[11].

Что касается утверждения Гарофало, что капиталисты страдают сильнее пролетариата, так как при несравненно большем количестве потребностей у них чаще возможны случаи неудовлетворения этих потребностей, то такое утверждение слишком парадоксально, чтобы подробно останавливаться на его критике. Итальянский криминалист заявляет это совершенно голословно. Из того факта, что у состоятельных классов потребностей больше, еще не вытекает, что эти потребности остаются чаще без удовлетворения. Кроме того Гарофало опустил из внимания совершенно различную возможность удовлетворения богатыми и бедными классами своих потребностей легальным путем. У богатого эта возможность всегда есть в той или другой степени, а у бедняка ее обыкновенно не существует; у богатого остается возможность достичь желаемого путем сокращения своего бюджета, а у бедного нет этой возможности, так как дальнейшее уменьшение сокращенного до крайних пределов бюджета обыкновенно немыслимо^[12]. Но и статистические вычисления Гарофало в доказательство одинакового процента преступников среди богатых и бедных представляются нам ошибочными и произвольными. Если правильно отнесение злостного банкротства к числу преступлений состоятельных классов, то непонятно почему отнесены сюда же все обвинения в подделке монет, подлогах и торговых обманах. Относительно подделки монет и подлогов можно лишь признать, что для их совершения нужна некоторая степень грамотности и развития, но отнюдь не требуется состоятельности. Что касается торговых обманов, то рискованно относить их к преступности только богатых слоев населения. Известно, что статистика заносит в разряд купцов также и бедных торговцев-разносчиков и приказчиков.

Вместо того чтобы прибегать к своим гадательным вычислениям процента преступников среди богатых и бедных классов, Гарофало мог бы обратиться, например, к французской статистике и он нашел бы здесь прямой ответ на интересующий его вопрос. По данным французской уголовной статистики за все время ее существования наиболее обеспеченный класс капиталистов и собственников оказывается наименее преступным, а классы, живущие личным трудом и лица без определенных занятий и положения, наиболее преступными. Так, сводный отчет за 1881 — 1900 г, констатирует минимум преступности среди чиновников, капиталистов и собственников; особенно незначительно участие богатых классов в преступлениях против собственности^[13]. То же самое подтверждает уголовная статистика Германии^[14].

Но лучшим доказательством влияния на преступность бедности служит возрастание числа преступлений в годы неурожая и в периоды высоких цен на необходимые жизненные продукты и соответствующее сокращение преступности в годы низких цен.

В подтверждение такого влияния Колаянни указывает на некоторые статистические данные. Приводимые им цифры немногочисленны и относятся к сравнительно старому времени^[15]. Но и новейшие изыскания, которыми Колаянни не мог воспользоваться, подтверждают его выводы. Таковы работы — Herman Berg, Walter Weidemann, Albert Meyer, E. H. Тарновского и др. Из этих работ труд Мейера (Meyer) охватывает наиболее продолжительный период с 1832 по 1892 г. Для каждого из этих шестидесяти годов Мейер высчитал среднюю цену на хлеб в кантоне Цюрихе и сопоставил полученные им цифры с числом осужденных за преступления против собственности. Изобразив графически движения цен и преступности он пришел к выводу, что обе линии идут почти непрерывно параллельно одна другой лишь в первые двадцать лет и па этом основании считает возможным сделать вывод, что влияние цен хлеба на преступность падает. Но в данном случае автор не совсем прав. Насколько велико продолжало оставаться в 1853 — 1893 г. г. влияние цен необходимых жизненных продуктов на преступность можно видеть из чертежа самого Мейера (см. чертежи).

Из этого чертежа видно, что на 1854 год выпадает наибольшее повышение цен и в этот же год число преступлений достигает своего максимума за все сорок лет; сильное понижение цен в 1858 году сопровождалось в том же, а также и в следующем году столь же сильным понижением преступности^[16].

Чертеж Мейера служит опровержением высказанного в криминалистической литературе Тардом мнения о том, что лишь резкие изменения в экономическом положении оказывают свое влияние на преступность. Но из движения обеих линий видно, что они идут параллельно не только при резком своем поднятии и падении, но и при небольших своих изменениях, как например, в период с 1873 по 1877 год: понижение цены хлеба в 1874 г. вызвало соответствующее понижение преступности, и оно продолжалось в 1875 году, в котором не остановилось падение цен хлеба, но как только цены повысились в 1876 г., а затем и в следующем 1877 году, то поднялась постепенно в оба эти года и преступность. Точно также обе линии идут параллельно с 1888 г. по 1890 год, несмотря на то, что колебания цен хлеба за эти годы очень незначительны и не может быть речи о тех экономических кризисах, которые, по теории Тарда, только и могут влиять на преступность^[17]. В опровержение этой же теории можно сослаться на исследование Берга (Berg) о соотношении преступности против собственности с ценами на рожь и пшеницу в Германии за время с 1882 г. по 1898 г. (см. таблицу XXVI)^[18].

Таблица XXVI.

Годы	На 1000 населения осуждено		Цена 1000 килогр.	
	Простое воровство	Всякое воровство	Рожь	Пшеница
1882	250	325,3	158,21	212,16
1883	241	312,4	144,71	186,02
1884	231	301,3	145,68	173,78
1885	214	279,3	141,49	166,53
1886	210	272,3	130,99	163,52
1887	198	259,1	122,13	169,85
1888	194	251,5	133,01	177,84
1889	211	274,1	152,93	186,34
1890	206	269,0	166,67	195,96
1891	216	281,2	207,39	255,23
1892	236	311,3	178,09	189,90
1893	202	269,5	136,41	157,46
1894	198	266,3	115,95	138,25
1895	192	255,4	120,04	144,29
1896	184	247,5	121,43	157,14
1897	188	249,9	129,06	175,09
1898	191	256,4	147,70	193,40

Сравнивая эти цифры и рассматривая чертеж Берга, мы видим, что на движение преступности оказывала свое влияние не только цена 1891 года, наивысшая за весь рассматриваемый период, сопровождавшаяся в 1892 году соответствующим повышением числа осужденных за воровство, но и низкие цены 1887 г. и 1894 г., сопровождавшиеся понижением преступлений против собственности в 1888, 1895 и 1896 гг. Не трудно видеть также, что на ряду с этими наиболее резкими колебаниями цен, на преступность также влияли и другие менее значительные их изменения: за непрерывным понижением цен с 1882 по 1887 г. идет такое же постепенное и непрерывное понижение преступности с 1882 по 1888 г., а за повышением цен с 1888 по 1891 г. наступает повышение воровства с небольшим понижением в 1890 г.

Некоторые другие преступления против собственности, а именно: грабеж, вымогательство, подделка бумаг, обман повышаются и понижаются в числе не с тою поразительною правильностью в зависимости от цен на хлеб, какую мы видели выше относительно воровства. Но цифры осужденных за грабеж, вымогательство, банкротство и подделку бумаг в Германии слишком незначительны и на основании их нельзя делать каких либо предположений^[19]. Что касается обманов, то, по мнению Берга, наиболее удобным временем для совершения этих преступлений является не период экономической угнетенности, не нужда, но, напротив, экономическое благосостояние и шумный суетливый рынок; в последнее десятилетие развитие торговли должно было влиять на совершение обманов сильнее, чем хлебные цены. Однако влияние цен хлеба сказалось и на рассматриваемом преступлении: число обманов возрастало с 1886 года непрерывно до 1892 года, и цена на хлеб за эти годы (до 1891 г.) также непрерывно возрастала.

По мнению Берга обманщик обыкновенно имеет для себя достаточно, но хочет иметь более, чем имеет^[20]. Но автор не дает доказательств этого своего положения, которое притом противоречит его теории о значении нужды, как фактора преступлений против собственности. Уголовная статистика показывает, что наибольшее число обманов, как и других преступлений против собственности, совершается в холодные месяцы года (в Германии в ноябре, декабре, январе и феврале)^[21]. Странно было бы думать, что аппетиты обманщиков к наживе разгораются особенно сильно в холодное время, которое к тому же далеко не является периодом усиленной торговой деятельности. Поэтому более правильно предположить, что обманы вызываются теми же факторами, какие ведут к увеличению воровства, т. е. бедностью.

Подтверждение этому мы видим в том, что в герцогстве Саксен-Мейнингенском обманы совершаются чаще в тех же округах, где чаще совершается воровство и где приходится более жителей на дом, т. е. где жилищные условия хуже, где больше бедности^[22]. Если бы обманы вызывались, как говорит Берг, шумным рынком скорее, чем нуждой, то следовало бы ожидать наибольшего числа этих преступлений в тех местностях, где более развита торговля, между тем мы встречаемся как раз с обратным явлением: в герцогстве Саксен-Мейнингенском наибольшее число осужденных за обманы приходится на 100.000 населения в округе Зоннеберге (112 человек), стоящем на предпоследнем месте по числу занятых в торговле (84 человека из 1000 жителей); следующее за этим округом место по числу занятых в торговле принадлежит округу Заальфельд (86 на 1000 человек), но обманов в нем совершается менее (109 осужденных), чем в Зоннеберге; наоборот, в округе Мейнингене наиболее развита торговля (из 1000 жителей 102 заняты в торговле), но обманов совершено менее, (всего 99 осужденных на 1000 жит.), чем в двух указанных выше округах^[23].

Приведенные выше цифры относились к преступности в швейцарском кантоне Цюрихе и Германии. В других государствах была также установлена связь между числом преступлений и ценами на хлеб.

О влиянии хлебных цен на преступность в России имеется весьма ценное исследование Е. Н. Тарновского. Работа автора охватывает период с 1874 г. по 1894 г. т. е. 21 год. Вычисления касаются преступлений против собственности в 33 губерниях с громадным населением около 67.000.000 жителей^[24]. К сожалению, изменения, внесенные в мировую юстицию законом о земских начальниках, сильно затруднили изучение низшей преступности, и г. Тарновский ограничился исследованием числа осужденных общими судами за кражи и насильственное похищение имущества. Цифры, сообщаемые автором, представляют ежегодные суммы этих двух преступлений. Но в виду высказанного в литературе мнения, что насильственные похищения собственности не подчинены влиянию хлебных цен, было бы удобнее рассматривать их отдельно^[25]. Е. Н. Тарновский нашел, что преступность как всех 33 губерний, так и отдельных районов находится в прямом соотношении с ценами на хлеб. Так, в 1880 и 1881 гг. хлеб сильно вздорожал, и число возникших дел и кражах и насильственных похищений поднялось почти на 20% выше среднего. Вместе с падением цен на рожь в 1885—1890 гг. падала и преступность; на 1888 год выпадает наименьшая преступность и одна из наиболее дешевых цеп хлеба; такая же преступность выпадает и на дешевый 1889 год, но в 1890 году число возникших дел возросло, несмотря на удешевление хлеба (автор не дал объяснение этому факту)^[26]. Высшего своего развития преступность достигла в голодный 1891 и 1892 г.; она держалась на высоком уровне в 1893 и 1894 годах при очень дешевых хлебных ценах. Коляяни подметил этот факт продолжительного влияния неурожая на преступность. Он полагает, что кризисы ведут к укреплению порочных наклонностей, к уменьшению сопротивления морального чувства и к потере привычки трудиться^[27]. Кроме этого объяснения возможно другое и оно представляется нам более правильным. Такие страшные по своей нужде годы, как 1891 год в России, когда люди умирали с голоду, а преступность сразу возросла, должны вести к продолжительным экономическим потрясениям. Урожай и низкие цены 1893 и 1894 года не могли привести к значительному падению преступности, потому что они не могли уничтожить всех тяжких последствий нищеты, порожденной голодом 1891 года: раны были слишком глубоки и на их залечение требовалось продолжительное время. Кроме того, высокая преступность 1893 и 1894 г., определенная для всех 33 губерний вместе, объясняется неурожаями 1893 и особенно 1894 г., постигшими Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губернии и их преступностью выше средней. В этом районе в 1891 году, когда восточные губернии страдали от голода, был выдающийся урожай и поэтому преступность, несмотря на высокие цены, поднялась только до уровня средней. Исследование преступности в России по районам показывает, что число краж и насильственных похищений стоит в соотношении с хлебными ценами и урожаями^[28]. При совпадении низких цен с урожаями, число рассматриваемых нами преступлений падает обыкновенно особенно значительно, но и одни низкие цены без урожая точно также, как и хорошие урожаи, хотя бы и при высоких ценах, оказывают благотворное влияние на преступность.

Приведенные выше цифры Берга, Вейдемана, Мейера и Тарновского служат опровержением мнения, высказанного известным статистиком и социологом Смитом и политико-экономом Дэни о том, что в настоящее время хлебные цены потеряли то свое огромное значение, которое они имели прежде. По мнению первого из названных ученых, цена пищи перестала быть главным фактором в экономической жизни Германии с 1860 года, благодаря промышленному и коммерческому развитию страны^[29]. По утверждению второго, эти цены играли роль во времена Кетле, когда неурожай действительно давали себя сильно чувствовать стране. Но теперь, под влиянием ввоза иностранного зерна, хлебные цены в стране могут быть низки, несмотря на постигший ее неурожай. Поэтому для выяснения влияния на преступность экономического состояния автор берет т. н. Index numbers, т. е. среднюю цену многих товаров (он высчитал ее для 28 наиболее важных продуктов вывоза). Исследуемый автором период охватывает 50 лет с 1840 по 1890 г. Цена хлеба оказывала свое влияние на число преступлений лишь в сороковые годы^[30]. В период с 1850 по 1865 г. цены были высоки. Причиной поднятия цен было открытие золотых россыпей в Калифорнии и Австралии и падение вследствие этого цены монеты. В то же время начинается оживление промышленной

деятельности Бельгии: строятся железные дороги, растет спрос на труд и плата за него и преступность остается почти на одном и том же уровне. На 10.000 жителей приходилось осужденных преступников:

1851—55 г.—20.40

1856—60 г.—21.00

1861—69 г.—22.21

1871—73 г.—23.00

Период с 1874 г. сопровождается понижением цен на выбранные автором товары, но преступность возрастает. Дэни объясняет это тем, что труд не находит себе спроса, рабочий класс страдает от безработицы и растет антагонизм между трудом и капиталом, стачка следует за стачкой со всеми последствиями нищеты.

На 10.000 населения приходилось осужденных в 1874—78 г.—23.00, в 1879—83 г.—32.6 и в 1884—89—36.4^[31].

Таким образом не только хлебные цены, но и стоимость 28 наиболее важных продуктов не оказываются, по изысканию Дэни, в прямом соотношении с преступностью: она определяется, по мнению рассматриваемого автора, главным образом положением труда, спросом на него и заработной платой.

Было бы совершенно неправильно отрицать громадное значение для преступности положения труда, заработной платы, стачек и пр.^[32] Но основное положение Дэни, что хлебные цены утратили в настоящее время свое влияние на преступность не только противоречит приведенным выше статистическим данным, но представляется неправильным и по другим соображениям. Дэни рассматривает влияние цен на преступность, не разбивая ее на ее совершенно различные формы: на преступность против собственности, против личности и общественного порядка. Относительно влияния хлебных цен на преступность против личности существует распространенное среди сторонников уголовно-антропологической школы мнение, что удешевление и вздорожание хлеба и других необходимых жизненных продуктов оказывает обратное влияние на число преступлений против личности: они повышаются при удешевлении хлеба и уменьшаются при его вздорожании. Важность такого утверждения очевидна: если оно правильно, то может быть поднят вопрос: должен ли законодатель принимать такие меры, которые поведут к удешевлению жизни, к уменьшению преступности против собственности, но в то же время и к развитию более серьезных преступлений против личности?

Объяснение такому обратному соотношению между ценами на хлеб и преступностью против личности криминалисты антропологи видят в том, что при удешевлении хлеба наступает улучшенное питание, увеличивается запас жизненной энергии и последняя находит себе выход в насильственных действиях, какими являются все преступления против личности. По мнению Ломброзо голод понижает половые влечения, а хорошее питание увеличивает их, а вместе с ними приводит и к повышению преступлений против нравственности^[33]. Можно ли согласиться с таким объяснением, если даже признать, что удешевление пищи бедняка имеет своим следствием большее участие его в преступлениях против личности? Не думаем. Объяснение Ломброзо совершенно не считается со степенью физической истощенности бедных классов; об излишке энергии у них не может быть и речи: если каждая лишняя копейка, переплачиваемая бедняками на фунт вздорожавшего хлеба, превращает многих из них в воров и в других преступников против собственности, то удешевление на ту же копейку важнейших съестных продуктов дает лишь малую долю необходимой для трудовой жизни энергии. Легко себе представить, что руки голодного бедняка протягиваются за чужою собственностью, но трудно признать, что лишний фунт хлеба делает бедняка кровожадным, похотливым, буйным и задирой^[34].

Но существует и другое объяснение увеличения преступности в годы дешевых цен. Некоторые полагают, что удешевление хлеба ведет к алкоголизму, а этот последний поднимает преступность против личности. Такое объяснение менее противоречит интересам пролетариев, чем первое: оно не дает правительству права игнорировать условия экономического положения бедных классов, но лишь делает необходимой борьбу с алкоголизмом. Это объяснение опровергается наблюдениями, показывающими развитие пьянства не в годы падения цены на хлеб, но в годы чрезмерного ее увеличения. Есть такие ступени безысходной голодной нужды, где лишь водка дает забвение. Таково мнение Ваег, автора выдающегося труда об алкоголизме. Одну из глав своей работы он начинает заявлением о своей согласии с Либихом, автором «Химических писем»: «страсть к спиртным напиткам не причина, но следствие нужды». Указывая на бродяг, нищих, проституток и детей пролетариата, вырастающих на улице, он говорит, что все эти ступени пролетариата тем более предаются пьянству, чем безнадежнее их нищета^[35]. В виде яркого примера можно указать на Аachen, где в 1874 году вследствие кризиса было закрыто 80 фабрик, заработок рабочих понизился на 1/3, число нищенствующих семей поднялось с 1864 до 2255, число кабаков с 183 до 305 и количество проституток с 37 до 101^[36].

Таково же мнение Вандервельда и многих других писателей^[37].

Этой же точки зрения держится и Колаянни, полагающий, что к алкоголизму ведут не лучшие материальные условия, но, наоборот, нужда и затруднительное экономическое положение^[38]. Криминалист социалист Bonger сводит причины алкоголизма к следующим: а) занятие некоторыми профессиями при слишком холодной или высокой температуре (таков труд матросов, портовых

рабочих, машинистов, работающих в шахтах и пр.); занятие такими промыслами, при которых получается много пыли или газов (таков труд каменотесов, каменщиков и пр.); к алкоголизму ведет занятие и такими профессиями, при которых рабочим приходится иметь дело с алкоголем, как, например, рабочим на винных заводах; б) слишком большая продолжительность рабочего дня^[39]; в) дурное или недостаточное питание; г) дурные жилища; необеспеченное существование и безработица; д) отсутствие здоровых развлечений.

Итак, бедность, а не благосостояние является фактором алкоголизма. Но обратимся к цифрам преступности и хлебным ценам. Статистические данные нам показывают, что преступления против личности возрастают непрерывно, а цены на хлеб то падают, то возвышаются. Так, в Германии преступления против личности росли непрерывно с 1882 г. по 1898 г. и за все эти 17 лет было лишь два самых незначительных понижения в 1888 г. и в 1897 г. Между тем цены на хлеб претерпели за этот период несколько изменений: понижались с 1882 по 1887 г., повышались с 1888 г. по 1891 г. и затем падали до 1894 г. и снова поднимались до 1898 года. При этом, первое из этих двух понижений преступлений против личности совпадает, вопреки оспариваемому нами мнения, с понижением преступности против собственности в 1888 г., вызванным сильным падением цен на хлеб в 1887 г.

Добавим, что в рассматриваемый период германской статистики на годы с дешевой ценою хлеба не выпадает большого потребления пива (в 1887 г.—97. 9 литр. на голову, в 1888 г. —97. 5 литр.) и, наоборот, в наиболее дорогом году 1891 было потреблено 105.5 литр. То же самое было и относительно спиртных напитков: наименьшее количество потребленного спирта приходилось на дешевые 1887 и 1888 годы (3.6 литр. на голову), в наиболее дорогие годы 1891 и 1892 было потреблено больше почти на литр (4.4 литр.). Изыскания уже цитированного нами Вейдемана показывают, что преступления против личности (телесные повреждения) всего чаще совершаются в округе Зоннеберге (561 на 100 тыс.), где жизнь дороже и где вместе с тем совершается более преступлений против собственности; наоборот, в округе Хильдбургхаузене жизнь дешевле и в нем совершается менее преступлений не только против собственности, но и против личности (381 телесных повреждений на 100 тыс. населения).

Исследователь преступности в кантоне Цюрихе пришел к оспариваемому Коляяни и нами выводу относительно обратного влияния хлебных цен на преступность против личности. Но из прекрасных чертежей, сопровождающих обстоятельную работу этого автора видно, что движение линий, изображающих преступность против личности и хлебные цены, далеко не обратное. Так, мы усматриваем из его чертежа безостановочный рост, начиная с 1885 г. и до 1892 г., преступлений против личности, но в то же время цены на хлеб испытали шесть различных изменений: три раза падали и три раза снова поднимались. Падение же цен в период с 1881 до 1885 г. сопровождалось параллельным, за исключением одного 1884 г., понижением преступлений против личности. Впрочем, автор далек от мысли приписать понижению цен прямое развращающее влияние: ни в каком случае, говорит он, мы не можем признать законом тот факт, что лучшее экономическое условие ведет к большей преступности против личности... не столько хорошие материальные условия жизни сами по себе, сколько легкомыслие, грубость, неправильный образ жизни (алкоголизм) при достаточном материальном положении вызывают преступления против личности^[40].

Для Коляяни несомненна прямая связь между преступлениями против личности и бедностью, но особенно сильно косвенное влияние последней: она ведет к недостаточному воспитанию детей бедняков. Автор ссылается на исследования Bournet и Imeno Agius, установивших прямое соотношение между рассматриваемыми преступлениями и бедностью^{41*>[41]}.

Если от статистики мы обратимся к личным наблюдениям различных авторов, то среди них мы не найдем фактов, подтверждающих заключения уголовно-антропологов относительно обратного влияния хлебных цен на преступность против личности. Наоборот, нет недостатка в наблюдениях роста этих преступлений при неурожаях и общих голодовках. Такова известная среди криминалистов работа д-ра Matignon о бедности, преступности и суеверии в Китае. Автор отмечает распространенность среди китайцев преступления детоубийства, несмотря на запретительные императорские указы и приказы вице-королей. В более достаточных провинциях это преступление совершается реже и есть соотношение его с годами голода. Чаще убивают новорожденных женского пола, так как дочь более тяжелое для китайца бремя. Нужда же заставляет китайцев продавать своих дочерей для целей проституции. Наконец, автор объясняет бедностью распространенность среди китайцев произведения выкидышей: на стенах города можно видеть афиши аптекарей, расхваливающих силу своих снадобий и искусство врачей^[42].

Неурожаи, постигавшие Россию, всегда обогащали судебную хронику газет известиями о многочисленных случаях убийств и нападений с целью грабежа.

Таким образом мы склонны признать, что тяжелое экономическое положение является фактором преступлений и против личности. Но весьма значительный процент этих преступлений совершается под влиянием другого фактора—алкоголизма, развивающегося всего чаще, как было указано выше, на ночь бедности.

Громадное значение алкоголя, как причины преступности, было подмечено очень давно^[43].

Вместе с тем было установлено, что он оказывает более влияния на преступление против личности и общественного порядка, чем против собственности. Так, Ашафенбург сообщает, что

наибольший процент привычных пьяниц, а также и лиц совершивших преступление в состоянии случайного опьянения был среди преступников против нравственности (9% привычных и 66% случайных, среди обвиняемых в сопротивлении властям (5,1% привычных и 70,1% случайных) и среди обвиненных в причинении телесных повреждений (3,1% и 51,3%)^[44]. На Международном Тюремном Конгрессе 1900 года обсуждался вопрос о влиянии алкоголя на преступность и указывалось, что 1/2 обвиняемых в нанесении ран обыкновенно находятся при совершении преступления в состоянии опьянения^[45].

Несомненно, что не все проступки и преступления рассматриваемой нами группы, совершенные в пьяном состоянии или привычными пьяницами, совершаются людьми бедных, неимущих классов. Интересные сведения в этом отношении сообщает Ашафенбург из жизни гейдельбергских студентов: по данным полицейского бюро г. Гейдельберга оказывается, что с 18 июня по 16 июля 1899 года в этом городе было арестовано 102 студента (при общем числе 1462 матрикулированных) за появление на улице в безобразно-пьяном виде и за совершение различных проступков, на какие подвинула их пьяная фантазия (тушение фонарей, бесчинства, нарушение тишины и пр.)^[46].

Если таково влияние алкоголя на людей воспитанных, образованных, то во сколько же раз сильнее оно должно сказываться на человеке бедном и темном, выросшем среди обстановки, где с раннего детства он видит грубые картины пьяного безобразия.

Нам остается выяснить влияние хлебных цен на преступления, направленные против властей и против порядка управления. Колаянни не соглашается с Ломброзо, что наиболее могущественными факторами революций являются физические. Он полагает, что и в данном случае главная роль принадлежит экономическим условиям. По мнению Ломброзо из 142 волнений в Европе с 1793 по 1886 лишь 48 были вызваны экономическими причинами, но это составит 1/3 общего числа. Что касается остальных волнений, то, по мнению Колаянни, в категорию «политических волнений, направленных против короля, властей и политических партий» должен входить экономический фактор. Он входит и в военные бунты и в беспорядки, направленные против иностранных рабочих. Насколько бывает благороден, чист и бескорыстен патриотизм отдельных личностей, настолько дружиной, проводящей в движение массы, почти всегда бывает экономическая нужда. В Нормандии с 1725 г. по 1768 г. было девять восстаний, вызванных бедностью. В Богемии, Тироле, в Прирейнских провинциях и в Польше были бесчисленные волнения, вызванные этой же причиной. Почти все восстания в Италии, происшедшие с 1860, были вызваны нуждой. Колаянни признает, что в наш век революционизирующее значение экономических кризисов уменьшается старанием правительств облегчить тяготы страдающих. Но это им не всегда удается, как свидетельствуют октябрьские дни 1831 г. в Лионе, июньские 1848 г. в Париже, аграрная революция в Галлиции 1848 г. и многие кровавые бунты в Бельгии, Франции, Соединенных Штатах и Англии.

То обстоятельство, что волнения часто разрастались в Бельгии и Франции, хотя эти государства стали богаче, чем прежде, не опровергает, по мнению Колаянни, его основного положения о значении экономических условий, т. к. важно не количество богатства в стране, но его распределение. Придавая такое большое значение бедности, как фактору мятежей, волнений и революций, Колаянни полагает, что слишком тяжкая и долгая нищета делает человека бессильным, убивает в нем энергию, приспособляет его к низшей среде. В данном случае Колаянни сошелся во взглядах с Ломброзо и Лаши, которые высказывают ту же самую мысль и подтверждают ее ссылками на более частые волнения в средние века в городах, организовавшихся в общины, чем в феодальных владениях, где народ страдал от тяготей страшной бедности; из 46 городов голода в Неаполе только шесть раз было совпадение голода и мятежей, но там же не было волнений во время голода 1182 года и в следующие за ним пять голодные годы, когда люди едва находили, в траве полей, чем кормиться. В Индии в страшные голодовки 1865—66 г. г., когда некоторые местности потеряли 25—35% населения, не было восстаний^[47].

К сожалению, вопрос о влиянии бедности и голодной нужды на мятежи и другие преступления против власти и установленного в стране порядка правления совершенно не разработан в уголовной литературе. Цитированный выше труд Ломброзо и Лаши вместе с работой Колаянни являются единственными, выясняющими причины политических преступлений. Но Ломброзо слишком мало уделит внимания рассмотрению экономических факторов, а Колаянни почти совсем не представил доказательств своих положений. Впрочем, что касается доказательств, то в данном случае ими не могут быть те статистические данные, которыми Колаянни и мы до сих пор пользовались.

Преступления рассматриваемой нами категории слишком незначительны по своему количеству, чтобы при их изучении можно было воспользоваться статистическим методом. Но метод наблюдения, т. е. исследование в каждом отдельном случае причин государственных преступлений, мятежа, волнений и пр., может и должен быть применен и в данном случае. Такое исследование привело самого Ломброзо и другого сторонника уголовно-антропологической школы Лаши к признанию за бедностью известной доли значения фактора преступности против властей и порядка управления. Но несомненно, что влияние экономических факторов здесь сильнее, чем думают сторонники уголовно-антропологической школы.

С каждым днем растет контраст между богатством и бедностью, увеличивается недовольство бедных классов своим положением и растет вражда пролетариев к тем, кого он считает виновниками своего приниженного положения, кого он называет своими эксплуататорами. Крайнее

обострение розни между экономически-обеспеченным классом и другим, ничего кроме рабочих рук не имеющим, но может быть оспариваемо в наше время. На почве этой розни и классовой ненависти совершаются многочисленные преступления. Среди них мы назовем прежде всего анархистские покушения. Уголовные процессы анархистов показали, что исполнителями этих так вольнолюбивших общественное мнение покушений были по большей части рабочие, испытывавшие на себе все тяготы крайней нищеты. Казерио, убийца президента Карио, был бедный итальянец, по профессии булочник. Свое преступление он совершил в то время как был без работы. В одном из своих писем перед казнью он писал: «я хочу объяснить свой поступок... 14 лет от роду я узнал «общественный порядок», которым мы обязаны ничего не делаем, занимающимся потреблением. Все должно принадлежать рабочим. Плотники, каменщики, настроив множество домов, не имеют своего угла, где бы они могли преклонить голову; люди умирают с голоду, а рядом—магазины, переполненные всем необходимым, рядом—тысячи богачей, прожигающих ежедневно тысячи франков...»^[48]. Другой известный анархист Равашоль был тоже бедный рабочий; в проекте своей защитительной речи он в ярких красках рисует всю разницу в положений богатых и бедных классов и говорит: «Что должен делать тот, кто, несмотря на труд, все же терпит нужду в необходимом? Если ему придется прекратить работу, он умрет с голода и тогда в утешение труп бросят несколько жалких слов. Я предоставляю это другим. Я предпочитаю контрабанду, воровство, подделку денег, убийство! Я мог бы просить милостыни, но это позорно и мерзко, и при том Ваши законы делают даже из самой нищеты преступление... Вот почему я совершил деяния, которые мне ставят в вину и которые являются лишь логическим последствием варварского состояния общества... Господа, не преступников надо судить, но уничтожить причины преступлений. Создавая статьи и кодексы, законодатели забыли, что они таким образом борются не с причинами, но лишь со следствиями и потому нисколько не уничтожают преступности... Что же делать? Уничтожить бедность, эту причину преступлений и обеспечит каждому удовлетворение его потребностей»^[49]. Те же мысли развивал бельгийский анархист Moineaux во время суда над ним в 1892 г.^[50]. Когда председатель суда спросил анархиста Лукени о мотивах его преступления, он отвечал: «Это—бедность». Вальян с 12 лет должен был сам зарабатывать свой хлеб и испытал все тяготы нищеты^[51]. Во всех этих случаях, как и во многих других, влияние бедности авторов анархистских покушений на рассматриваемые нами преступления выступает выпукло и ярко^[52]. Но фактором этих преступлений является не только личная нужда и страдания анархиста, но и нищета и страдания других, за которых он борется.

Анархистские покушения можно назвать восстаниями отдельной личности против установившегося режима. Если эти восстания вызываются, как показывают наблюдения, экономическими причинами, то вне всякого сомнения установлено, что этими же факторами вызываются в большинстве случаев восстания и волнения массовые, поднимаемые целыми группами населения. Таковы, например, рабочие и крестьянские движения. Значение экономических причин в данном случае общепризнано. Россия, особенно за последние годы, дает многочисленные доказательства такого происхождения рабочих волнений и аграрных беспорядков, но эти важные явления русской жизни должны послужить предметом подробного и специального исследования криминалиста социологической школы. К сожалению, в настоящее время трудно и мало доступны для исследования такие наиболее ценные материалы по этому вопросу, как результаты, добытые предварительными и судебными следствиями: почти все эти процессы слушались при закрытых дверях и лишь отрывочные сведения попадали о некоторых из них в иностранную и заграничную русскую печать.

---

^[1]Colajanni II v. 543—657.

Alfredo Niceforo: La delinquenza in Sardegna Cap. V: condizioni economiche e criminalita. Eduard Reich: De l'influence du Systeme economique et social sur la criminalite. (IV congres intern, de psychologie tenu a Paris 1900, 756—760 p.p.). Georg Mayer: Das Gesetzmassigkeit im Gesellschaftsleben. München, 1877. Haston Richard: Les crises sociales et les conditions de la criminalite (Annee sociologique publiee sous la direction de Durkheim 3-me annee). Joli: La France criminelle, Paris. IX chap. Tarde: La criminalite et les phenomenes economiques. Arch. d'anthr. crim. XV t. Denis Hector: La depression economique et sociale et l'histoire des prix. Jxelles—Bruxelles. 1895, 166—168 p.p. Denis Hector: доклады 3 и 5 Межд. Антроп. Конгрессам. Herman Berg: Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882, (Abhandlungen des kriminalistischen Seminars an der Universität Berlin. Neue Folge, I B. II Heft, Berl, 1902),Walter Weidemann: Die Ursachen der Kriminalität im Herzogtum Sachsen Meiningen (ibid, II B., I Heft, 1903). Albert Meyer: Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zürich. Jena. 1895. Lindenberg: Die Ergebnisse der Deutschen Kriminalstatistik 1882—1892. (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik 1894, VIII B., Dritte Folge). Fornasari di Verce: La criminalita e le vicende economiche d'Italia dal 1873 al 1890. Torino 1894. Lombroso: Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Berl. 1902, 67— 77 стр. Е. Н. Тарновский: Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России Жур. Мин. Юст. № 8, 1898. W. A. Bonger- Criminalite et conditions economiques. Amsterdam.

1905. Van Kan: Les causes economiques de la criminalite, 1903. Damme: Die Kriminalitat und ihre Zusammenhänge in der Provinz Schleswig—Holstein vom 1882 bis 1890 Zeitschr. f. d. g. Str. XIII B.

^[2] Розин Н.: О крайней необходимости. 1899. 62 стр.

^[3] Eugene Rostand: Criminalite et socialisme. Его же: Pourquoi la criminalite monte en France et baisse en Angleterre. Reformo Sociale 1897.

^[4] Joly цитирует мемуары бывшего начальника сысской полиции Массе: Un joly monde: из ста воровок одна крадет по нужде, мужчины крадут вино, ликеры, женщины—шоколад, конфеты, пирожное и фрукты.

^[5] Joly. La France criminelle 1889. 363 р. См. статью Е. Д. Синицкого: Моралистическое направление в угол. пр. Сбор. Правовед. IV кн.

^[6] Henri Joly: La France criminelle. 358 р.

С большими оговорками признает влияние бедности также и Proal («Le crime et la peine» Paris 1892, Ch: IX Le crime et la misere). Он не отрицает влияние голода: преступность растет в годы неурожая и при том в Алжире сильнее, чем во Франции, так как арабы менее предусмотрительны. У диких влияние голода еще сильнее; они не останавливаются даже перед убийством стариков. Однако, по мнению Proal, случаи, когда преступление совершается под влиянием нищеты, не многочисленны (202 р.). Хотя распределение и неравномерно, но общество все более проникается, по мнению Proal, своим долгом к бедным: «ce n'est pas pour se soustraire a, la misere, mais pour se procurer la richesse, le luxe, les plaisirs on pour satisfaire les passions que la plupart des crimes sont commis». Жадность и страсти, толкающие на преступление, такое же достояние богатых, как и бедных. «Ce qui provoque un crime, c'est bien moins la pauvreté, que le chemage». (206 р.). Proal убежден, что рост благосостояния и образования никогда не сделают уголовный кодекс лишним. (207 стр.).

^[7] По данным французской уголовной статистики (Compte general 1900), число дел о кражах—проступках всегда превышало в несколько раз число краж—преступлений, подсудных суду присяжных; так;

	1886-1890		1891-1895		1896-1900	
	Разобр.	Прекр.	Разобр.	Прекр.	Разобр.	Прекр.
Кражи проступки	992	7318	835	8031	716	7415
Кражи преступления	36855	75249	37088	86267	38202	87587

^[8] Исследование Starke (Verbrechen und Verbrecher. Ber. 1884), касается Пруссии; в ней число краж леса достигло maximum в период 1854— 1876, в годы наиболее высокой цены на хлеб; оно падало до minimum в годы низких цен и оставалось на среднем уровне при средних ценах на хлеб (см. Lombroso: Die Ursachen n. Bekämpfung des Verbrechens, стр. 68).

^[9] Proal le crime et la peine. 1892, 202 стр.

^[10] Garofalo: La Criminologie 1896. 170 р.

^[11] Доходы бедных увеличились, говорит Гобсон, но их желания и потребности увеличились еще больше. Отсюда рост сознательной классовой ненависти, большая вражда бедных к богатым. Они (бедные) были некогда голы и не стыдились этого; но мы показали им лучшие условия жизни. Мы подняли норму требований, предъявляемых ими к приличной человеческой жизни, но мы не увеличили для них в соответствующей степени возможности достичь этого. Гобсон: Проблемы бедности и безработицы. 1900 г. 26 и 27 стр.

^[12] Гобсон поясняет последствия такого сокращения бюджета на примере: «сократив на половину доход богатого человека, вы принудите его сократить свои расходы; он должен будет отказаться от своей яхты, от своей кареты или от какой-нибудь другой роскоши, от такого сокращения расходов пострадает его гордость, но оно не причинит ему особенно больших личных неудобств. Но если вы сократите на половину доход хорошо оплачиваемого механика, то вы доведете его и его семью до крайней бедности» (ук. соч. 8 стр.).

^[13] Compte general de l'admin. de la just. crim. 1902 p.p. XXVIII, XXVII. Незначительна также преступность рыбаков; она объясняется условиями их жизни вне общества, на море. Не все отчеты ставят сведения о профессии обвиняемых в соотношение с числом лиц этой профессии среди всего населения страны.

По отчету за 1882 год приходилось обвиняемых муж. пола в суде присяжных на 100.000 лиц той же профессии: земледельцев 16, рабочих земледельцев 24, занятых в промышленности 25, в торговле 38, либеральные профессии 28, прислуга 49, рантье, собственники 6 (Compte general за 1882г., XII стр.).

За 1887 г.: земледелие—14 муж. промышленность—26, транспорт—33, торговля—21, прислуга—20, собственники, рантье, либеральные профессии 12, без занятий и неизвестно 139 (IX р.).

^[14] Kriminalstatistik 89 B. 312—313, s. 95 B. 314—315 s; 120 B. 330-331; 126 B. 330. Наибольшее число осужденных приходится на рабочих и поденщиков.

^[15] Колаянни ссылается на работу Stevens Les prisons cellulaires en Belgique (есть русский перевод: Стевенс. Одиночные тюрьмы в Бельгии. М. 1903 г. 167 стр.1.

Стевенс указывает на прямое соотношение населенности тюрем и цен хлеба в сороковые и пятидесятые годы. Другие цифры Колаянни относятся к тридцатым годам прошлого века и только немногие к семидесятым и восьмидесятым. (Colajanni: о. с. 549 и след. стр.).

^[16] По совершенно справедливому замечанию Мейера, подтвержденному и другими исследователями, влияние цен хлеба на преступность сказывается не только в том же году, когда происходит резкое изменение в них, но и в следующем году: «Die Gewoheiten der Menschen schaffen gleishsam eine kriminelle Inertie». Несомненно также, что не все преступники судятся в тот же год, когда они совершили свое преступление. Meyer о. с. 30—31 стр.

^[17] Tarde: о. с. Arch. d'ant. cr. XV t, также IV t.

^[18] Berg: о. с. 284, 286 стр.

^[19] Так, в то время как на 100.000 уголовно-зрелого населения приходилось в 1882—1898 гг. до 325 ежегодно осужденных за воровство, наивысшие за все 17 лет цифры осужденных за грабеж были лишь 1,4, за вымогательство 1,9, за подделку бумаг 14, за банкротство 2,7 на 100.000 населения.

^[20] Berg: о. с. «Wer stiehlt, hat meist nicht genug: wer betrügt, hat regelmässig genug, will aber mehr haben, als er hat» 295—296 ыс.

^[21] В периоде 1883 — 1892 гг., при 100 обманах в среднем, приходилось в Германии на октябрь— 102, ноябрь — 116, декабрь—120, январь— 107, февраль — 111, март — 94, апрель—89, май—90, июнь и июль по 95, август—91 и сентябрь 90 (Kriminalstatistik für das Jahr 1894, II, 53 стр. цитировано по Bonger: о. с. 619 p.). Также Fornasari di Verce нашел, что в период с 1880 по 1890 обманы увеличивались и уменьшались в Италии параллельно с числом простых краж и ценою на хлеб (La criminalità e le vicende economiche d'Italia. 1894, 157 p., § 25-31).

^[22] На 100.000 населения приходилось в среднем осужденных в год (период 1893—1897 гг.) в округе Хильдбургхаузен 14 и в Мейнингене 18,5, при 8 жителей на дом, в округе Заальфельде 20, при 8,5 жителях, в Зоннеберге 27 при 12 жителях на дом (Weidemann: о. с. 44 s.).

^[23] Weidemann: о. с. 52 s. Но в округе Хильдбургхаузене было наименьшее число занятых в торговле (71 на 1000 жителей) и наименьшее количество осужденных за обманы (67 на 100.000 населения).

^[24] Эти губернии следующие: Петербургская, Псковская, Новгородская, Вологодская (5 юго-западных уездов), Ярославская, Тверская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимирская, Костромская, Вятская, Пермская, Казанская, Нижегородская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская, Черниговская, Курская, Воронежская, Донская область, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская. Е. Н. Тарновский: указ. статья, 76 стр.

^[25] Такое мнение было высказано Lombroso: Die Ursachen etc. 72 стр.

^[26] Е. Н. Тарновский: ук. статья., 80-82 стр.

^[27] Е. Н. Тарновский стр. 82. Colajanni о. с. Il v. 544 p. Le abitudini contratte non si modificano da un giorno all'altro, ma i bisogni s'impongono spesso all'improvviso e turbano lo spirito e il senso morale. Percio e pin costante e regolare l'aumento nei reati consecutivo al disagio economico che non la diminuzione nel caso opposto quando gift si sono contratte abitudini viziose, si s'attenuata la forza morall inibitrice e si e perduto sinanco l'uso del lavoro, che onestamento ci consenta il conseguimento degli opportun mezzi di sussistenza. 544 p.

^[28] Е. Н. Тарновский исследует преступность по девяти из тех 11 районов, на которые разбивает Россию В. И. Покровский в своей работе: Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. 2-й т. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства, под ред. проф. Чупрова и Посникова. Таковы районы: Петербургский (подстоличный из губерний Петербургской, Псковской и Новгородской); промышленный район из губерний Московск., Владимир., Ярослав., Тверской, Смолен., Калужской; восточный черноземный район Казан., Симбирск., Саратов. и Самарская губ. и др. районы.

^[29] Майо Смит. Статистика и Социология. 83 стр.

^[30] В 1846—47 гг. был неурожай ржи, картофеля и пшеницы. Влияние неурожая было увеличено введением машин в льняной промышленности, и число осужденных к тюремному заключению поднялось с 28,8 в 1845 г. (на 10.000 жителей) до 47,9—в 1846 и 65,3 в 1847 Г.; в 1848 г. было 42,4 осужденных, в следующем году 25, а в 1850—19,8 (Н. Denis: La criminalite et la crise economique. 366 p.).

^[31] Н. Denis: о. с. 366—371 p. p.

^[32] Ненормальное положение трудящихся классов сказывается в более высокой их преступности. По вычислениям Вейдемана наибольшее число преступлений против собственности совершалось в тех округах где было больше занятых в. промышленности. Так, на 100000 населения было осуждено в среднем за год (период 1893—97 гг.):

Округ	за воровство	мошенничество	занято в 1895 г. в промышленности на 1000 жителей
Хильбургхаузен	329	67	363
Мейнинген	309	99	382

Заальфельд	427	109	547
Зоннеберг	466	112	702

Автор задался целью выяснить влияние на преступность положения рабочих занятых в кустарных производствах и на фабриках с паровыми двигателями. Он нашел, что в округе Заальфельде машинный труд развит в 17 раз более чем в более преступном округе Зоннеберге. Положение кустарных рабочих в Саксен-Мейненгенском герцогстве особенно тяжело: они работают по 14—16 часов, а фабричные рабочие по 8—10 часов в сутки, кустари проводят ночи в нездоровой атмосфере этих дурных жилищ, служащих мастерскими; притом рабочий день кустаря оплачивается дешевле: (Weidemann: о. с. 47—50). Еще сильнее влияние промышленного труда на преступность детей против собственности.

Округ	осуждено	Из 100 школьников занято в промышленности
Мейнинген	739	0,3
Заальфельд	834	7,0
Хильбургхаузен	900	20,0
Зоннеберг	985	43,0

Весьма ценной является работа Fornasari di Verce. Исследование автора охватывает период с 1873 по 1890 г. Он изучает влияние на различные преступления заработной платы рабочего, выраженной в количестве часов, потребных в каждом из исследуемых им годов на заработок определенного количества хлеба. Свои окончательные выводы автор резюмировал так: под сильным влиянием экономических факторов находятся кражи и вообще мелкие преступления против собственности, обманы и присвоение; эти же факторы влияют достаточно на разбой, грабеж без убийства, на семейные преступления, на мелкие преступления против личности; мало влияют на преступления против общественного спокойствия и порядка управления (кроме возмущений); не влияют на преступления против государственной безопасности, против религии, на поджоги, лжесвидетельство и др. (Fornasari di Verce: о. с. 107 стр.). Выводы Вейдемана и Fornasari di Verce несколько ослабляются тем обстоятельством, что оба автора брали цифры всей преступности, но разделяя преступников по их профессиям. Несомненно, что при изучении влияния заработной платы, было бы правильнее брать цифры преступности только рабочего класса, а не всего населения. Но недостатки уголовной статистики не позволили сделать этого, и метод названных криминалистов должен быть признан лучшим из тех, которыми они могли воспользоваться при современном положении материала. О влиянии на преступность положения рабочего класса говорит также Felice (в главе: Bilancio del delitto e bilancio del lavoro); в частности он подробнее останавливается на условиях труда работающих в серных шахтах, один из которых, заключенный в едва ли не самую худшую тюрьму, говорил автору: «Здесь есть кровать, вот—суп, здесь воздух!.. Этого не сравнишь с шахтою. О, если бы у моей семьи было все это!..» (Felice: Principii di sociologia criminale) 101 p.). См также: Proal: Le crime al la peine 1892, 223—230) (la criminalite et les professions. Lombroso e Laschi: Il delitto politico e le rivoluzioni Torino. 1990. 511-143 p.p.

^[33] Lombroso: Die Ursachen etc. 74 стр.

^[34] Так как Ломброзо и его последователи любят при изучении преступника делать экскурсии в область животного и растительного царства и сравнивать преступного человека с животными, то не лишне указать, что самые хищные звери становятся после хорошей кормежки менее страшными.

^[35] Baer: Der Alcoholismus, seine Verbreitung etc. 1878. 317—318 стр.

^[36] Lombroso: Die Ursachen etc. 79.

^[37] Вандервельд: Экономические факторы алкоголизма. Алкоголизм и народ. Перев. Современная библиотека. 1904 г. «Нет никакого сомнения в том, что алкоголизм имеет свои глубокие причины; что безысходная нужда, недостаточное питание, невозможное состояние жилищ, излишняя продолжительность рабочего времени и т. п. являются фактором, способствующим распространению этого бича человечество». 37 стр.

^[38] Colajanni: Alcolismo. Catania 1887.

^[39] Bonger: Criminalite etc. 417 p.: в Австралии, в штате Виктории, введению восьмичасового рабочего дня противились кабатчики.

^[40] Meyer: о. с. 97 стр.

^[41] Colajanni: о. с. 553 p.: Bournet (La Criminalite en France et en Italie. P. 1884, 47 p.) нашел, что наибольшее число убийств выпадает на годы экономических кризисов (1839, 1840, 1843, 1847, 1867, 1876, 1881). Imeno Agius (Revista de Espana: 26 oct; 1885) отмечает, что преступления против собственности и личности возрастали одновременно с дороговизной продуктов в 1812-1817 гг.

^[42] Matignon знакомит читателей с интересной китайскою литературою посвященной апологии убийства по нужде. Он приводит между прочим, рассказ «о добром сыне». Добрый сын, имеющий жену и ребенка, говорит жене: «у нас нечем кормить семью; надо убить нашего сына. Тогда мы будем в состоянии прокормить моего старика отца. Если отец умрет, то боги не дадут другого, а ребенок у нас может всегда родиться другой». Жена соглашается, ребенка убивают сами родители, и мораль басни не нуждается в комментариях. Superstition, Crime et raisere en Chine. 1899, 224—235.

Два года тому назад газеты сообщали о страшном голоде, постигшем Китай и отмечали быстрое возрастание числа убийств и разбойничества. «Рис сгорел, пишет очевидец, урожай совершенно пропал, реки высохли. Все население было вынуждено кормиться кореньями, пить гнилую воду из грязных луж. Целые семьи и даже села погибали от голодного тифа... Разбойничество достигло высших размеров. Те, которые спаслись от голода, подвергались опасности умереть от рук убийц. Ужас и паника, наведенные на население разбойничьими шайками, превосходят всякое описание (Figaro 1903 г., цитировано по «Курьеру» 1903, IX).

[43] См. об этом П. И. Григорьева: Алкоголизм и преступления в С.-Петербурге 1900 г. Уже в 1483 г., т.е. 28 лет спустя после изобретения книгопечатания, были изданы в Германии книги об алкоголизме; также Ваер: о. с. 339—340 стр. В Англии уже в 1834 году была выбрана Парламентская Комиссия для выяснения влияния алкоголизма. Кетле в своей социальной физике (sur l'homme II v. 341 p.) заявлял, что чем менее предпринимает общество для подавления пьянства, тем более оно ведет к увеличению числа преступлений; сумма, которую получает государственная казна от пошлины на водку и от налогов с питейных заведений, она с избытком затрачивает на отправление уголовной юстиции, на издержки по содержанию тюрем, рабочих домов и заведений для душевнобольных. Кроне, известный Германский тюрьмовед, определяет на основании своей 20-летней практики в четырех немецких княжествах, что 70% всех преступлений и проступков стоят в более или менее тесной связи с пьянством. Уже цитированный нами Ваер (der Alkoholismus сообщает цифры о 30041 заключенных в 49 каторжных тюрьмах, 21 исправительном доме, 32 тюрьмах; он нашел среди них 43,9% поверженных пьянству. (Eine Kriminalpsychologische Studie. Alkoholgonuss u. Verbrechen. Von. Aschaffenburg. Zeit. f. d. g. Str. XX B. 81—100).

[44] Среди остальных преступлений чаще других совершается в состоянии опьянения нарушение домового мира (55,2%) и всего реже воровство (16,5%) Aschaffenburg: о.с. 84-85 стр.

[45] Actes du Congres Penit. Intern. 1900, I vol. «Quelle est dans les divers pays l'influence reconnue de l'alcool sur la criminalite?» Было представлено девять докладов. Докладчики, принадлежавшие по своей национальности к различным государствам, определяли процент алкоголиков среди преступников различно: Molgot—59%, Marambat—64%, Sullivan—60% (Англия), Baker—от 55 до 60% Schaffroth—42% (Швейцария), Wieseigren—74,8 (Швеция). По сообщению Aschrott (Einfluss des Alkoholismus auf Verbrechen, Verarmung und Geistkrankheit. Blat. f. d. Gefängnissskunde XXXI B. 63—65) статистическое бюро Массачусетского штата нашло, что в 1894—95 гг. из 26672 осужденных 21863 находились при совершении преступления в пьяном состоянии. См. также Пионтковского А. А. «Роль алкоголизма в этиологии преступлений». Ж. М. Ю. 1903 № 4.

[46] Aschaffenburg: о. с. 91 стр. За указанный месяц редкий день проходил без ареста пьяных студентов, и бывали дни, когда число арестованных достигало восьми, семнадцати и даже девятнадцати человек.

[47] Colajanni: о. с. II v. § 126.

«Если народ поднимает восстание, то наблюдения показывают, что он находится в состоянии относительного благополучия (in un stato relativo di benessere), т. к. при крайней нужде, народ, как и человек, не имеет достаточно энергии для действия», Lombraso et Laschi о. с. 81 p. и след.

[48] Roux: Caserio en prison. Arch. d'Authr. crim. 1903. 18 v.

[49] Roux: Etude psychologique de Ravachol Arch. d'Anthr. crim. 1903, 18 v. 551 p.

[50] Jules Moineaux Lettres d'un forcat. IX—Brux, 1900.

[51] Bongor: о. с. 707.

[52] Об анархистах, кроме указанной выше литературы, см. Doehn: Der Anarchismus und seine Bekämpfung. Zeitschr. f. d. g. Str. XX B. 33—79. Автор делит причины анархистских покушений на общие и индивидуальные и относит к числу первых политическое, специальное и культурное положение страны 70 стр. Lombroso: Die Anarchisten. Dubois: 'Le peril anarchiste. 1894. Seuffert; Anarchismus und Strafrecht. 1899. Plechanow; Anarchismus und Sozialismus. Berl, 1894. Bongor, о. с. 705—710 p.p.